

ЖАК ДЕРОЖИ •

ЖАК ДЕРОЖИ
ТАЙНА СУДНА
"ЭКСОДУС - 1947"

Жак Дерожи

ТАЙНА СУДНА "ЭКСОДУС - 1947"

עיריית חיפה
מסרכת תרבות הפנאי
מרכז תרבות לעולים
בית ארזשטיין - ספריה
מס. מלאי.....

353

הוצא לאור בסיוע
חברת "סולל בונה" בע"מ, תל-אביב

Жак Дерожи

ТАЙНА СУДНА "ЭКСОДУС - 1947"

БИБЛИОТЕКА-АЛИЯ

1982

Printed in Israel

ז'. דרוז'י

הספינה "יציאת אירופה 1947"

Jacques Derogy

LA LOI DU RETOUR

Перевела с французского Л.Жданко

Редактор Р.Зернова

Художник обложки Т.Слущкая

©

ALL RIGHTS RESERVED

כל הזכויות שמורות

לספרית-עליה

ת.ד. 7422, ירושלים

היוצאת לאור בסיוע:

האגודה לחקר תפוצות ישראל, ירושלים

וקרן זכרון למען תרבות יהודית, ניו-יורק

סידור ועיצוב "סיגמה", תל-אביב

OCR Давид Титиевский, июль 2020 г., Хайфа

Содержание

Предисловие. Яаков Цур	7
Пролог. Платаны Пор-де-Бука	15
Книга первая. Президент	27
1. Дани.	29
2. Аик	36
3. Грауэл	39
4. Руди.	44
5. Иоси.	51
6. Азриэль	56
Книга вторая. Исход из Европы	63
7. Веня.	65
8. Мосье Поль	71
9. Гласберг.	79
10. Эрнст	90
11. Ханан	96
Книга третья. В море	107
12. Симона.	109
13. Билл	121
14. Поля	135
15. "Аякс".	151
16. Цви	167

Книга четвертая. Обратно к берегам Европы	193
17. Бидо	195
18. Норбер	215
19. Коллавери	233
20. Виллер	253
21. Бевин	264
Книга пятая. Талоны на Палестину	279
22. Гад	281
23. Сима	299
24. Гиора	312
25. Меир	327
26. Мордехай	337
27. Шаул	357

ПРЕДИСЛОВИЕ

Бывает, что реальная историческая ситуация оказывается гораздо более трагической и героической, чем любой роман, ей посвященный.

Роман Леона Юриса "Эксокус" разошелся миллионными тиражами во всем мире. Немного найдется наших современников — от Москвы до Токио, — не читавших этого произведения. Сюжет его так захватывает, что литературные недостатки и погрешности отступают на задний план. Многие представляют себе Израиль накануне провозглашения независимости, именно таким, каким его изобразил Л.Юрис. Однако события, описанные в книге — скитания корабля "Эксокус", — в действительности были и более страшными, и более героическими.

Книга Жака Дерожи "Тайна судна "Эксокус-1947" посвящена той же самой эпопее "Эксодуса", но в отличие от романа Л.Юриса, она строго документальна. Здесь нет ни вымышленных персонажей, ни любовных линий, ни авторских отступлений. Жак Дерожи, молодой французский журналист, ассимилированный еврей, никогда не интересовавшийся ни сионистами, ни их идеями, оказался свидетелем драмы, развернувшейся на юге Франции вокруг иммигрантского судна. В своей книге он постарался быть предельно точным и объективным. Многие главы хроники посвящены воссозданию политической обстановки на карте послевоенной Европы и характеристике тех сил, которые привели, в конечном счете, к созданию государства Израиль.

Июль 1947 года. Менее года оставалось до провозглашения независимости Израиля, но как трудно

было поверить, что победа близка. XXII сионистский конгресс, собравшийся в декабре 1946 года в заснеженном Базеле, прошел под знаком траура. В огромном зале съезда пустовали места делегатов Польши, Галиции, Литвы, Латвии, Венгрии — всех тех, кто нес сионистские идеи, кто был душой бурных дискуссий, характерных для прошлых конгрессов. Делегаты этих стран, вместе с миллионами евреев, которых они представляли, погибли в Катастрофе...

Англичане по-прежнему правили Эрец-Исраэль, и ведущей фигурой лондонского правительства был Эрнест Бевин, министр иностранных дел, который не мог понять "на каком основании иностранное агентство, субсидируемое в основном из Америки, будет определять, сколько людей въедет в Палестину, чтобы подчинить себе экономику арабов, живущих в этой стране вот уже две тысячи лет". (Это заявление Бевин сделал 25 февраля 1947 года.) Лишь перед самым открытием конгресса из лагеря-тюрьмы в Латруне были освобождены члены правления Еврейского агентства, размещавшегося в Иерусалиме: Моше Шарет, раввин Маймон и другие. Бен-Гурион не был арестован по чистой случайности — он находился в это время в Париже.

Англия решила передать "палестинский вопрос" на рассмотрение ООН. Англичане были уверены, что разногласия между СССР и США не позволят этой организации принять какое-либо решение относительно будущего Эрец-Исраэль. Но к удивлению англичан — и всего остального мира — создание независимого еврейского государства оказалось единственным вопросом, по которому Москва и Вашингтон пришли к единому мнению. Андрей Громько произнес свою известную речь, содержащую требование создания еврейского государства. В Иерусалиме находилась в то время специальная комиссия ООН, в задачи которой входило найти решение "палестинского вопроса". Некоторые из членов комиссии были дружелюбно

настроены по отношению к еврейскому народу и сионистскому движению.

Президент США Гарри Трумэн настаивал на выдаче въездных виз в Палестину 100 тысячам евреев, переживших Катастрофу. Однако это требование отстало от жизни: в лагерях для "перемещенных лиц" на территории Западной Европы насчитывалось уже не 100, а 250 тысяч евреев, единственной мечтой которых было добраться до Эрец-Исраэль. Воды Средиземного моря бороздили десятки кораблей с "нелегальными" иммигрантами на борту — евреями, которым английское правительство отказывало в праве на въезд в Палестину. Большая часть этих кораблей в конце концов оказывалась арестованной британскими военно-морскими силами. Казалось, будто весь военный флот Великобритании сосредоточился в Средиземном море, и главная задача англичан — хватать евреев, пытающихся достичь берегов Эрец-Исраэль.

Самым большим из судов "нелегальных" иммигрантов был "Эксодус" (на иврите "Иециат Эйропа" — "Исход из Европы" — по ассоциации с исходом евреев из Египта). Так называли этот корабль люди Алии бет. Несмотря на то, что минуло уже более двух лет с момента окончания второй мировой войны, десятки тысяч евреев по-прежнему содержались в лагерях перемещенных лиц в разных уголках Европы. Люди тайно покидали лагеря и собирались в маленьком французском портовом городке Сет. Отсюда они — четыре с половиной тысячи мужчин, женщин и детей — собирались отплыть в Эрец-Исраэль на ветхом судне, бывшем в прошлом речным пароходом на юге США.

Английское правительство раскинуло по всей Южной Франции сеть шпионов, задачей которых было обнаруживать "нелегальные" корабли. Когда "Эксодус" вышел из территориальных вод Франции, его пассажиры обнаружили, что их сопровождают семь британских военных кораблей. И не успело судно приблизиться к берегам Эрец-Исраэль, как английские корабли

атаковали его. Иммигранты оказали отчаянное сопротивление, три человека на "Эксопусе" погибли и около ста было ранено. Захватив судно, англичане доставили его в Хайфу. Тут они объявили, что все пассажиры будут отправлены в лагеря на Кипре, где в то время уже содержалось около 26 тысяч евреев. К ужасу запертых в раскаленных трюмах людей плавание продолжалось гораздо дольше, чем можно было ожидать. Эрнест Бевин решил, что пассажиры "Эксопуса" не попадут на Кипр (который евреи рассматривали как "прихожую" Эрец-Исраэль), они должны быть возвращены в Европу. Английские власти были уверены, что измученные люди примут предложение французского правительства сойти на берег и вернуться в лагеря перемещенных лиц. Под нажимом англичан, своих "естественных" союзников, французские власти сделали все, чтобы убедить пассажиров покинуть судно, им обещали даже, что они смогут остаться во Франции навсегда. Но ни один еврей не согласился покинуть "Эксопус". Люди требовали, чтобы им разрешили вернуться в Эрец-Исраэль, они отказывались ступить на землю "кровавого континента" — Европы. Они готовы были платить любую цену за свое право обрести родину.

Мировое общественное мнение поддержало героическую борьбу "Эксопуса". Члены специальной комиссии ООН, призванной решить судьбу Палестины, согласились посетить лагеря беженцев в Европе, и впечатление от этих визитов, несомненно, сказалось на выводах комиссии.

Большинство пассажиров "Эксопуса" прибыло в Эрец-Исраэль еще до провозглашения независимости Израиля — часть из них получила официальные разрешения на въезд, остальные въехали с поддельными документами. История странствий "Эксопуса" пришла к концу.

Но одиссея "Эксопуса", пишет Жак Дерожи, это не только личная драма отдельных людей, это — страница истории еврейского народа, вновь ставшего хозяином своей древней страны. Основной закон

Израиля — Закон о Возвращении гласит: ”Каждый еврей, где бы он ни находился, имеет право вернуться на историческую родину народа Израиля”.

Яков Цур

*Памяти
Франсуа-Жана Арморена
и Мориса Ключиштейна
И, конечно, нашей вечно юной
Тане
посвящается*

ПРОЛОГ

ПЛАТАНЫ ПОР-ДЕ-БУКА

Гладкое как зеркало море уснуло у наших ног. Оно казалось изнанкой неба. На горизонте замедлил свой бег изъеденный ржавчиной серп луны. Мириады огней трепетали на извилистом берегу. На фоне далекого мерцания выделялась темная масса трех американских судов, регулярно заходивших в гавань. Крейсер "Хантингтон" и эскадренные миноносцы "Комптон" и "Генард" уже два дня стояли на якоре в бухте Вильфранш. Добравшись до самого края Европы, мы всматривались вдаль. Там, где-то на юге, гонимые судьбой, качались на волнах 4500 несчастных, о которых нам ровно ничего не было известно.

А вокруг нас Франция переживала свое третье послевоенное лето. Нам было по двадцать лет. Хлеб стоил двадцать четыре франка, и его не хватало. Молоко, сахар, бензин выдавались по карточкам. А бастующие коммунисты, недавно лишившиеся своих министерских портфелей, называли главу правительства, социалиста Поля Рамадье, Рамадье-голод. Морис Торез еще питал надежды на скорое возвращение в правящую коалицию. Стоимость жизни удешевилась по сравнению с 1939 годом.

Солнце жарило вовсю. Забывались вчерашние беды и сегодняшние заботы. В Париже с начала июня стояла небывалая жара, а море было как парное молоко. По случаю первой годовщины первого испытания первой атомной бомбы на атолле Бикини на пляжах в этом сезоне появился первый купальный костюм бикини. Память о войне стиралась. Законодатель мод, Кристиан Диор, воплотил это всеобщее стремление к забвению в своем знаменитом "новом образе". Он говорил: "Прошли времена мундиров, времена женщин-солдат с плечами боксеров. Теперь на моих

картинках — женщина-цветок: мягкие, покатые плечи, высокая грудь, гибкая, как лиана, талия и юбка, как венчик распутившейся розы”.

Но война вовсе не желала, чтобы ее так просто забыли. Она раздувала новые пожары: французская колониальная экспедиция в Индокитае, действия голландцев в Индонезии, коммунистическая угроза в Греции, английские каратели и еврейские боевые подпольные организации в Палестине. Она подула холодными ветрами на отношения между вчерашними союзниками: американский план экономического подъема Германии, отказ восточно-европейских стран присоединиться к остальным государствам Европы, представители которых собрались в Париже, чтобы обсудить предложения государственного секретаря США, генерала Маршалла. Железный занавес опускался со скрежетом, разъединяя победителей Гитлера. Но Франция ничего не хотела замечать и беззаботно предавалась радостям послевоенных будней. Ей вполне достаточно было знать, что бретонец Жак Робик победоносно завершает велогонки Тур де Франс.

Как раз в тот вечер, когда гонщики прибыли в Парк-де-Аренс, мы узнали о важном событии: телеграмма в несколько строк сообщала о том, что два дня назад британскими морскими силами у берегов Палестины был задержан транспорт еврейских нелегальных иммигрантов. В открытом море корабль спустил чужой флаг и поднял свой, бело-голубой, отмеченный звездой Давида. Он открыл и свое имя: ”Эксодус-47” (на языке иврит — ”Иециат Эйропа — 5707”). Согласно сведениям, полученным из хорошо информированных источников, британские власти не направили, как обычно, нелегальных иммигрантов в лагеря на Кипре: в трех плавучих тюрьмах 4500 мужчин, женщин и детей держали курс на Вильфранш-сюр-Мер, где заключенных собирались передать французским властям, якобы незаконно давшим им разрешение на выход в открытое море.

На Ривьере, в погоне за новостями, мелькали журналисты. К изумлению отдыхающей публики, они расположились неподалеку от Ниццы, где в это время проводились общенациональные соревнования по стенографии и машинописи. В толпу журналистов затесались и мы, Франсуа-Жан Арморен и я. Сионистские организации тоже расположили своих наблюдателей по всему побережью. Они должны были следить за всем происходящим на море. Все мы всматривались вдаль, пытаясь разглядеть белые плавучие тюрьмы или строгие контуры серых судов эскорта.

Эсминцы "Мален" и "Террибль" патрулировали на границе территориальных вод.

Волшебный замок вознесся над морем на вершине огромной скалы. С его стен мы, вместе с двумя молодыми борцами подполья, наблюдали восход солнца и рассуждали о создавшемся положении. Мои собеседники были членами тайной сионистской организации. Им ничего не было известно о других группах сети, и они не имели права ничего рассказывать ни о своей работе, ни о присяге, которую они, вероятно, дали. Здоровенный, громогласный, бородатый детина был похож на библейского пророка; хрупкая синеглазая девушка с нежным голосом напоминала весталку. Они начали говорить о судьбе еврейского народа и о своей борьбе. О судьбе евреев мы слышали прежде очень немного: вечный жид, далекие гетто, давнишние погромы и недавний геноцид, лагеря уничтожения, запломбированные вагоны, братские могилы. В памяти у нас были свежи кровавые беспорядки в Палестине незадолго до Второй мировой войны. Недавно мы узнали о том, что в концентрационных лагерях на Кипре содержатся иммигранты, которых английская администрация считала нелегальными. Мы слышали и о движении сопротивления палестинских евреев — о народной милиции Хагана, о налетах и покушениях двух сионистских экстремистских организаций "Эцель" и "Лехи".

Нашим собеседникам хотелось, чтобы в эту ночь

мы поняли, что связывает их обоих с их народом, а еврейский народ — с землей предков, Эрец-Исраэль.

Бородач и его синеглазая соратница рассказали о горстке евреев, — свидетелей разрушения Храма, — оставшихся на родине после римского завоевания, о жизни еврейской общины в Эрец-Исраэль в средние века, о тоске евреев галута по утраченной родине, о нерушимой верности Сиону, о тонком ручейке иммиграции и бурных взрывах мессианства, о первой попытке восстановить еврейское государство в XVI веке, за которой последовали и другие, получившие поддержку некоторых стран, вплоть до того дня, когда в конце прошлого века Теодор Герцль сформулировал сионистскую доктрину; об обещании, данном Великобританией в 1917 году, нарушенном политикой Белой книги 1939 года: о "кораблях смерти", набитых евреями, которые пытались вырваться из гитлеровского ада, и отогнанных английскими властями от берегов Палестины... О без вести пропавших в открытом море; о возобновлении нелегальной иммиграции в конце войны. Так отметили они в жаркое лето 1947 года пятидесятилетие Базельского конгресса и тридцатую годовщину декларации Бальфура...

Август 1897: Базельская программа выдвигает идею создания в Палестине, которая тогда находилась под турецким владычеством, признанного международным правом Национального очага для еврейского народа. Двести участников конгресса стремились спасти от преследований тех евреев, для которых путь ассимиляции был неприемлем. В свое время Герцль, организовавший этот конгресс, был глубоко потрясен делом Дрейфуса. Спустя два года Герцль, выступив на конгрессе, записал в своем дневнике: "В Базеле я основал Еврейское государство. Если бы я вслух сказал об этом, меня бы наверно подняли на смех. Но все согласятся с этим, если не через пять, то через пятьдесят лет".

Ноябрь 1917 года: государственный секретарь Великобритании по иностранным делам лорд Артур Бальфур торжественно заявляет, что его правительство "положительно относится к созданию в Палестине Национального очага для еврейского народа и приложит все усилия для осуществления этой цели. При этом, разумеется, не будет сделано ничего, что могло бы нанести ущерб гражданским и религиозным правам нееврейских общин Палестины, а также правам и политическому статусу евреев во всех других странах".

Два потока алии и попытки создать сельскохозяйственные поселения в Эрец-Исраэль были вызваны не только волной погромов, прокатившихся по Восточной Европе, но и стремлением еврейского народа обновиться в физическом труде на земле предков. Это движение привело к увеличению еврейского населения Палестины с 24 тысяч человек в 1882 году до 85 тысяч в 1914-ом. Пионерам, смолodu проникнутым социалистическими идеями, удалось восстановить древние каналы, колодцы и террасы, оживить сухие засоленные почвы. Не только в плодородных черноземных долинах, но и в пустынях возделали они поля и плантации; они дали пескам Негева живительную тень. Но настоящим чудом было то, что евреи из гетто, обреченные заниматься ростовщицеством и посредничеством, превратились в смелых покорителей целины, готовых на все во имя вновь обретенной родины. На смену хилым, бледным, подобных теням уроженцам кривых улочек польских городов пришли крепкие, стойкие сыновья.

Май 1939: правительство Невилла Чемберлена сообщает в Белой книге, опубликованной в Англии, о резком изменении ближневосточной политики Великобритании — еврейская иммиграция в Палестину будет строго ограничена, а вскоре и полностью прекращена; евреям будет запрещено покупать новые земли в Палестине, а через десять лет будет создано независимое государство с арабским большинством, в котором еврейское меньшинство составит не более одной

трети всего населения. Перед угрозой войны, нависшей над Европой, волнений, сотрясавших страны Леванта, пробуждения агрессивного арабского национализма, разжигаемого странами оси, Англия, стремясь сохранить свои стратегические позиции и контроль над нефтяными районами, снова, как за полгода до этого в Мюнхене, прибегает к политике умиротворения. Тогда в жертву была принесена Чехословакия, теперь — евреи. Решение, принятое Великобританией, резко противоречило условиям мандата и было незаконным как с точки зрения права, так и с точки зрения Лиги наций, вручившей ей мандат на Палестину.

Действительно, в 26-й статье мандата было записано, что Великобритания не может менять условий мандата без согласия Совета Лиги наций. Через месяц после опубликования Белой книги постоянная комиссия Лиги наций заявила, что выводы, сделанные в этом документе, идут вразрез с первоначальным истолкованием мандатарием собственной миссии на Ближнем Востоке. Вопрос был поставлен на повестку дня высшей инстанции Лиги наций, заседание которой должно было состояться в Женеве в сентябре. Но разразилась война, и это заседание единственного органа, имевшего полномочия узаконить новую политику Великобритании, так и не состоялось.

Июнь 1945: лейбористская партия, осудившая на своем последнем съезде "мюнхенскую" политику Белой книги и до сих пор неизменно поддерживающая идею создания Еврейского национального очага в Палестине, получив абсолютное большинство на выборах, приходит к власти. Сионистская организация подает официальную просьбу о снятии запрета на въезд в страну, объявленного во время войны, и о выдаче виз 100 тысячам беженцев, находящихся в лагерях перемещенных лиц. Лейбористское правительство Эттли не дает ответа. В ноябре министр иностранных дел Эрнест Бевин накладывает категорическое вето на любое изменение статус-кво. Его речь наносит роковой удар временному сотрудничеству еврейского населе-

ния с английской администрацией, установившемся в совместной борьбе против гитлеровской Германии.

Заигрывание с Панарабской лигой британского социалиста — министра иностранных дел, который следовал рекомендациям своих ответственных чиновников и так называемых экспертов по Ближнему Востоку, вызвало тяжелое разочарование сионистских лидеров. Положение еврейских беженцев, прозябавших в лагерях для перемещенных лиц на территории Германии, оккупированной их "освободителями", становилось невыносимым. Единственным выходом для них был новый исход, единственной надеждой — возвращение на Землю обетованную.

Бородач из Вильфранша говорил: ими владеет лишь одно желание: забыть о физическом и нравственном гетто Европы, вернуться на родину предков. На собственном опыте они убедились, что народы предоставляют евреям лишь временный приют. И сейчас, когда перед ними закрыты все двери, как можно требовать от них новых жертв, нового ожидания на пороге еще одного временного убежища? Они знают теперь, что есть страна, где быть евреем — не преступление, где звать Рахилью, Мордехаем или Эсфирью — не проклятие.

— Страна гор и долин, с рядами кипарисов вдоль шоссе, бесчисленными террасами по склонам холмов и водонапорными башнями на их вершинах, с полями и садами, зеленеющими на месте недавних пустынь, — подхватила синеглазая девушка, — и в этой стране они наконец станут большинством.

Где-то там, за линией горизонта, находились теперь пассажиры "Эксодуса".

Франция отдыхала... Княжество Монако просило полицейских подкреплений для защиты своих игорных домов от возможного вторжения агентов Хаганы и террористов "Эцеля". Все более настойчиво распространялись слухи, что в конечном итоге Пор-де-Бук станет ареной интереснейших событий. Мы решили

покинуть Вильфранш с тем, чтобы увидеть беженцев, отправившихся на борту прогулочного пароходика, как будто сошедшего с гравюры, к берегам своей родины. Хайфа — нефтяной порт. Красные огни нефтеперегонных заводов полыхали на побережье к северу от Пор-де-Бука. Черное золото стало господином, ведущим дьявольскую игру.

Набережная дремала под палящим солнцем. Время от времени какой-нибудь катер сообщал нам переданные с борта на борт, вырвавшиеся из-за решеток призывы несчастных. Это была единственная наша связь с людьми, которые с каждым днем теряли силы. Такой жары не было с 1872 года. В кинотеатре Пор-де-Бука показывали "Ритмы любви", а громкоговоритель все твердил:

Любовь — дитя юга
Под нашим солнцем золотым
Любовь и солнце
Подобны близнецам.

За столиком быстро, залитым липким лимонадом, я, историограф на час, неумело набросал на влажных от пота смятых листках что-то похожее на оду. А девушка с синими глазами взяла их с собой и скрылась в рядах своей таинственной организации.

Были клетки, и были люди
В маленьком нефтяном порту,
Были клетки, в них были люди,
Не слышно слов их на берегу.
Те, что лежали под платанами,
Сраженные солнцем,
Или сгрудились у липких столиков быстро.
Или размахивали руками грузовиков.
Или сутились на пристани,
Не хотели, чтобы братья их сошли
На землю, где так хорошо,
На землю, где растут цветы...

Старая дева играла гаммы. Мошкара билась вокруг фонарей. Под платанами Пор-де-Бука звучал рожок мороженщика, вокруг которого толкались дети. А в четырехстах метрах, там в море, были другие дети. Пусть себе подышают от жажды в зарешеченных трюмах.

А ночью, когда все стихло, было слышно лишь неторопливое дыхание моря.

КНИГА ПЕРВАЯ

ПРЕЗИДЕНТ

Прекрасный корабль мой, память моя.

Гийом Аполлинер

ДАНИ

Ноябрьским вечером 1946 года в Балтиморе, по молу улицы Пратт, вдоль кладбища судов, предназначенных на слом, шагают трое. Тот, что в берете, самый высокий, исполняет обязанности проводника. Это бруклинский еврей, знаток своего дела; прежде он занимал ответственные должности в школе торгового флота Кингс Пойнта, а теперь он секретарь союза офицеров, унтер-офицеров и штурманов. Зовут его Уильям Аш. Капитан Уильям Аш.

— А вот и "Президент", — сообщает он и гордо тычет сигарой в сторону судна, необычный силуэт которого вырисовывается на фоне сумеречного неба, — "Президент Уорфильд".

Он затягивается и принимается разглядывать "рекрута", которого только что представил ему "хозяин". Хрупкий паренек, ростом не выше 165 см. У него черные как смоль волосы и тонкие девичьи черты лица. Но две недели тому назад этот двадцатитрехлетний парень закончил морской колледж "Король Эдуард VII" в Англии и имеет звание помощника командира корабля. А до того он года четыре плавал юнгой и матросом по всем морям и океанам. Иехиэль Ицхак Аронович — из тех немногих палестинских евреев, которые постигли тайны мореплавания. За это ему дали американскую кличку Айк.

Третий — тридцатисемилетний рыжий крепыш — тоже из Палестины. Его-то Аш и называет хозяином. Зеев Шинд занимается скупкой судов для подпольной

организации "Мосад", которая из Парижа руководит еврейской иммиграцией в Святую землю. Его подпольная кличка — Дани.

Он один из создателей тайной сети. В 1934 году, будучи руководителем пионерского сионистского движения Хехалуц, он зафрахтовал греческое контрабандное судно "Велос" для перевозки в Палестину нелегальных иммигрантов. "Велос" вышел из Пирея, и рейс оказался удачным: тремстам молодым евреям посчастливилось тайком высадиться на палестинском берегу. Следующая попытка провалилась. Отогнанный береговой охраной корабль, подобно "Летучему голландцу", скитался в течение десяти недель по всему Средиземноморью. Ни одна страна не позволила пассажирам сойти на берег. Измученные люди вернулись в порт отправления и стали ждать в транзитном лагере сертификатов на въезд в Палестину. Им повезло. Под впечатлением начавшихся гитлеровских преследований Великобритания выдала в 1934 году 42 359 сертификатов.

Руководители Еврейского агентства — организации, правомочной в глазах британских властей, — во главе с Давидом Бен-Гурионом осудили авантюризм организаторов операции "Велос". Несмотря на неудачу, Дани остался верен своим принципам: долг сиониста — помогать евреям диаспоры добраться до земли предков, вопреки любым квотам и запретам.

Бен-Гурион отправился в Лондон, в надежде добиться выдачи сорока тысяч дополнительных сертификатов, но на 1935 год их было выдано лишь 19 500.

В 1937 вопрос об иммиграции был поставлен на повестку дня конференции руководителей сионистского рабочего движения, делегатов киббуцов и командования Хаганы, которая состоялась в Тель-Авиве. Точка зрения Дани победила. Было решено создать "Мосад ле-алия бет" — центр по организации нелегальной иммиграции.

В конце того же года первые посланцы Мосада прибыли в Париж. Их было трое. Среди них был и Дани Шинд.

Но разразилась война, и только одному из эмиссаров удалось удержаться в Женеве. Мосаду пришлось ограничить свою деятельность Средним Востоком. Ее центром стал Стамбул — единственная база, благодаря которой еще удавалось спасать беженцев с оккупированного Балканского полуострова.

Сеть была восстановлена, когда союзники освободили Европу, когда мир узнал о лагерях смерти, о Катастрофе европейского еврейства, когда среди развалин гитлеровского рейха оказались миллионы так называемых перемещенных лиц. Уже в марте 1945 года Мосад вернулся в Париж. Руководителем его был назначен Шаул Мееров, бывший член киббуца Кинерет на берегу Тивериадского озера, член верховного командования Хаганы. Новый подпольный штаб распределил функции следующим образом: организации "Хаапала", под руководством Авриэля, были поручены вопросы иммиграции. "Бриха", под руководством Эфраима Декеля, устраивала побег перемещенных лиц из лагерей Восточной Европы в Западную и доставляла беженцев к месту отправления судов; Европейский центр Хаганы, которым командовал Нахум Шадми, обеспечивал транспортные средства, "Рекеш" закупал оружие. Все эти организации действовали независимо одна от другой, но находились под единым командованием Хаганы.

За первые шесть месяцев Мосаду удалось переправить к берегам Палестины около 4500 нелегальных иммигрантов. За следующие полгода на грузовиках Еврейской бригады, на машинах, списанных из американского транспорта, и на различных судах было доставлено вдвое больше иммигрантов. Но все это было лишь каплей в море: к началу лета 1945 года в Западной Германии в лагерях для перемещенных лиц находилось 98 тысяч еврейских беженцев, а к концу года к ним прибавились 30 тысяч польских евреев, выехавших из СССР. В 1946 году из стран Восточной Европы бежало 100 тысяч человек. Имея в своем распоряжении лишь утлые суденышки, на которых

помещалось от 10 до 100 пассажиров, нечего было и думать справиться с такой задачей. Нельзя было рассчитывать на помощь американской оккупационной армии в Германии или британского интендантства в Италии.

В конце 1945 года Мосад послал Дани в США с заданием обеспечить финансирование операций и создать флот для прорыва английской блокады берегов Палестины. Американское общественное мнение начинает сочувственно относиться к сионизму. Президент США Гарри Трумэн в сентябре 1945 года потребовал от британского правительства немедленной выдачи 100 тысяч разрешений на въезд в Палестину. В декабре была назначена специальная англо-американская комиссия по палестинскому вопросу.

Воспользовавшись сочувствием американцев, Дани собрал деньги, на которые приобрел и оборудовал суда большого тоннажа для перевозки нелегальных иммигрантов. То были парусники с моторами, дряхлые виновозы, изрядно пострадавшие конвойные суда, банановозы, которые не один десяток лет бороздили моря. Зато они могли перевозить нелегальных пассажиров не сотнями, а тысячами.

В Нью-Йорке Дани связался с комитетом поддержки Хаганы и с евреями, демобилизованными из американской армии, а также с юношеской организацией "Хабоним".

Капитан Уильям Аш помог ему набрать экипаж из добровольцев. Найти людей было нетрудно: немало молодых американцев стремилось в Палестину. Но еще больше среди желающих было участников войны, потрясенных тем, что они увидели в гитлеровских лагерях. Однако нужна была подставная организация. Так была создана фиктивная компания по профессиональной подготовке "Палестайн вокейшнл сервис". Она публиковала в еврейских газетах объявления, предлагавшие интересную работу "вдали от дома". Одновременно Дани основал и две "компании" по скупке и перепродаже речных судов. Оставалось

найти консигнантов для обеспечения перевозок и поставок.

Ни в изобретательности, ни в людях недостатка не было. Чего не хватало, так это "стефанов" — так тогда называли доллары с легкой руки лидера американского сионистского движения раввина Стефана Вайза. Однако к началу лета 1946 года поток жертвований сильно увеличился. Это была реакция американцев на увеличение потока беженцев, которых после всего пережитого постигли новые несчастья.

Июньским вечером в польском городке Кельце толпа внезапно окружила, закидала камнями и забила насмерть 38 евреев, которые, несмотря на то, что дома их были разрушены или кем-то заняты, упорно настаивали на своем желании вернуться в родной город. Местные власти оказались бессильны бороться с этой новой волной антисемитизма. Оставшиеся в живых в ужасе бежали на Запад. Каждый день 3 тысячи евреев переходили словацкую границу. Британское командование закрыло свою зону для новых перемещенных лиц. В лагерях росла смертность. Местное население было враждебно к беженцам. Как всегда, евреи оказались козлом отпущения. Мандатные власти в Палестине решили раз и навсегда положить конец сионистским мечтам и надеждам. Войска генерала Эвелина Баркера ворвались в здание Еврейского агентства в Иерусалиме, арестовали находившихся там лидеров, прочесали 48 киббуцов и еврейских поселений, арестовали 3 тысячи человек.

В истории сионизма этот день известен как "Черная суббота".

Поводом для репрессий послужили акты саботажа, организованные в ответ на отказ Эттли принять выводы англо-американской комиссии, им же самим созданной шесть месяцев назад. Представитель Великобритании Ричард Кроссмэн написал в своем отчете: "Титлер создал в Центральной Европе еврейскую нацию, лишенную родины: необходимо, чтобы эта

нация эмигрировала". На кладбище нельзя жить. Нельзя строить новую жизнь на костях своих братьев. Таков лейтмотив показаний, собранных комиссией. Последняя предлагала постепенно отменить ограничения на въезд в Палестину. Задетый за живое британский лев выпустил когти.

После "Черной субботы" началась борьба не на жизнь, а на смерть. Вместо 100 тысяч евреев правительство Его Величества отправило в Палестину 100 тысяч солдат. В Порт-Фуаде был создан специальный отдел для борьбы с подпольной иммиграцией. 13 августа мандатные власти приняли меры для прекращения "пагубной спекуляции, организованной бессовестными людьми, эксплуатирующими страдания несчастных". На острове Кипр, на пути между враждебной Европой и заветной Палестиной, были созданы лагеря.

Ответ не заставил себя ждать. Еврейские лидеры, тайно собравшиеся в Тель-Авиве, дали "добро" молодому командиру Пальмаха*, Игалу Аллону. Отныне все суда Алии бет будут оказывать активное сопротивление — без применения огнестрельного оружия — любой попытке захвата. Задачей Дани стало добыть не только более вместительные, но и более прочные корабли и подобрать готовых на все людей. Тогда-то и появился молодой морской офицер Айк Аронович, только что окончивший морской колледж "Король Эдуард-VII".

В Балтиморе Дани и Айк встретились с капитаном Ашем. Капитан бросал на Айка иронические взгляды.

— Дани мне сказал, что вам нужно транспортное судно. Есть такое. Сможете поместить три или четыре тысячи человек. Только немножко подремонтируете.

— Сколько? — Айк не верил своим ушам. — Это же население целого лагеря. Вы что, "Куин Мэри" купили, что ли?

— Не совсем, — улыбнувшись сказал Дани.

А когда Аш концом сигары указал на громадный

*Ударные отряды Хаганы.

чудовищный силуэт "Президента", различимый и в сумерках, Дани торопливо добавил:

— Речное судно. Ходило между Норфолком и Балтимором. Его собирались вот-вот отправить на слом.

Айк не знал, плакать ему или смеяться. Такого нелепого судна ему еще не приходилось видеть. Его водоизмещение не превышало 4000 нетто-тонн. Над ветхой надстройкой возвышалась непомерно длинная труба. На первый взгляд "Президент Уорфильд" казался квадратным. Его форштевень окончательно проржавел. Было непонятно, как это чудовище держится на воде.

— Не унывай, — прошептал Дани, — он крепче, чем кажется. А на борту прекрасный экипаж. Они уже взялись за дело. Через два месяца можно будет выйти в открытое море. Правда, осадка у него маловата. Но это может еще пригодиться...

В конце концов, подумал Айк, если сделать ремонт, "Президент", может быть, и выдержит. Что касается Аша, то он ни в чем не сомневался: это неуклюжее корыто может вместить тысячи пассажиров, а в трюме хватит места и для продовольствия, и для пресной воды, и для горючего.

— Пока что, сказал Дани Айк, твое дело обеспечить ремонт и подготовку экипажа. А мы подыщем капитана.

А Й К

Айк стал знакомиться с "Президентом Уорфильдом" по судовому журналу. Этот громадный речной пароход, длиной 320 футов, мощностью 2800 л.с., был построен в феврале 1928 года на верфях "Пусси энд Джон Компани", по модели первого парохода на Миссисипи. Его собирались назвать "Штат Флорида", но скончался президент компании, Дэвис Саломон Уорфильд, и кораблю досталось его имя.

Великолепное прогулочное судно, на котором днем резвились школьники, а ночью ворковали молодожены, наверно, долго бы продолжало свои мирные рейсы, если бы не подверглось обстрелу береговой охраны. Пограничники, видимо, были хорошо осведомлены: на "Президенте" было обнаружено 129 галлонов спирта. Дело было в 1929 году, во времена сухого закона.

Однако "Президент" быстро залечил раны и даже стал флагманским судном компании.

В 1932 году он был переоборудован для пользования мазутным топливом вместо угля. Соответственно была перестроена машинная часть.

Но когда в Европе разразилась война, наступил конец тихой жизни этой современной гондолы. Великобритания обратилась к Америке с просьбой предоставить в ее распоряжение санитарные и другие суда и все необходимое морское оборудование, поскольку свой собственный флот она была вынуждена бросить на военные нужды.

12 июля 1942 года был подписан контракт, согласно которому "Президент Уорфильд" предоставлялся в распоряжение британского союзника. И снова пошли переделки: борта корабля были укреплены, а емкости цистерн для воды и горючего увеличены, баллаستировка была приспособлена для плавания в открытом море. Над верхней палубой был воздвигнут каркас, напоминавший броню. Уютное внутреннее убранство было заменено самым необходимым оборудованием, более подходящим для грузов судна, из белого он стал темно-серым. На палубе появилась 70-мм пушка, мостик ошетинился 20-мм автоматами. Ходили слухи, что громадный "Президент" должен был привлекать внимание врага и заманивать в ловушку немецкие подводные лодки. Как бы то ни было, через пять дней после выхода в море его стала преследовать целая подводная флотилия. Едва увернувшись от торпеды, "Уорфильд" открыл огонь. В бою противник потерял одну подлодку, но сумел потопить три конвойных судна. Они были так сильно нагружены, что немцы объявили, что торпедировали три судна класса "Куин Мэри". Так, пройдя через бои и бури, "Президент" добрался до Белфаста, где его отремонтировали. Король Георг VI наградил орденами капитана и главного механика. На следующий же день "Уорфильд" превратился в плавучую казарму, потом в учебное судно. Он стал на якорь в устье реки Торридж, а позднее превратился в паром на Сене.

По окончании войны "Президент" пересек Атлантику в обратном направлении и был отчислен в резервный флот на Джеймсривер, штат Виргиния. Через год его списали и правительство объявило о его продаже. Несколько раз он переходил из рук в руки пока, наконец, не был куплен 2 ноября 1946 года "Уэстон Трейдинг энд Компани" за 50 тысяч долларов. На корабле водрузили панамский флаг. Он был отбуксирован в Балтимор. Президентом компании "Уэстон" был капитан Аш.

В 1934 году, когда Ицхаку Ароновичу было одиннадцать лет, он совершил свое первое морское путешествие в качестве нелегального иммигранта. С тех пор он смотрел и смотрел на корабли, шедшие вдоль палестинского побережья. Его родители, родом, как и он, из Данцига, сразу же по приезде в Палестину записали сына в скауты "Хабоним" и одобрительно смотрели на его участие в клубе мореплавателей, раз уж их сын так любит море.

Когда началась война, Ицхак хотел вступить в Британскую армию. Но до наступления Роммеля туда неохотно принимали еврейских добровольцев: к тому же ему едва исполнилось 17 лет. Не удалось ему добраться и до Советского Союза, чтобы вступить в Красную армию. Наконец в 1942 он устроился юнгой на маленькое грузовое судно "София" и почувствовал себя счастливейшим из людей. Через 8 месяцев, получив в Порт-Саиде первую получку, он вернулся в Хайфу, где узнал, что Пальмах втайне создал вспомогательное морское соединение — Плугат ха-Ям в маленьком учебном лагере близ Кесарии (три старых парусника и одна моторка). Здесь Ицхак вместе с другими 38 курсантами обучается первым правилам мореплавания. В марте, после "выпуска", он, с разрешения Пальмаха, отправился в море. Он ходил матросом в Аден, в Бомбей, в Калькутту и даже на мыс Доброй Надежды. Ему разрешали вести судно. На каждой стоянке, даже в Индии, он посещал еврейские общины, где его расспрашивали об Эрец-Исраэль. В 1944 году в его честь был устроен праздник в лагере под Кесарией. 200 человек вместе с командирами Пальмаха Ицхаком Садэ и Игалом Аллоном пришли его послушать. Выглядел он все еще мальчишкой — товарищи называли его "пупсик". Закончив офицерский курс в колледже "Король Эдуард VII", Ицхак — или Айк — стал опытным моряком.

ГРАУЭЛ

Рослый белокурый пастор Грауэл, унитарный протестантский проповедник, прибыл из шахтерского поселка в штате Массачусетс. Склонность к выпивке несколько не мешала ему претворять свои убеждения в жизнь. А поставил он своей целью стать свидетелем своего времени, но не просто свидетелем, а свидетелем обвинения; всюду, где мог, он выступал против несправедливости и нищеты. Иногда ему приходилось и расплачиваться за это. Глубокое впечатление произвели на него сообщения о том, что люди, избегнувшие смерти в фашистских лагерях, по-прежнему содержатся там в качестве перемещенных лиц. Узнав, что Хагана тайно переправила в Палестину тысячи бывших узников, он решил, что не может больше сидеть сложа руки. Этот христианин, хорошо знавший Ветхий завет, стал страстным сторонником сионизма.

Отец Грауэл — как называли прихожане своего пастора с лицом херувима — прослышал о том, что где-то на восточном побережье снаряжается большое судно. Без промедления он установил связь с одной из христианских организаций, поддерживавших "Общество друзей Хаганы", основанное Тэдди Колеком в США. Так он познакомился с Дани; Аш одобрил его кандидатуру. Случай был не простой. Рослый синеглазый "гой" вызывал некоторое недоверие. К тому же священник был чуть ли не единственным верующим членом экипажа. А как отнесется к такому выбору

еврейская община Нью-Йорка, столь активно участвовавшая в финансировании операции? Как примут его остальные члены экипажа? В конце концов Дани, подкупленный искренностью Грауэла, согласился принять его. А на Аша сильное впечатление произвели его морское снаряжение и кулинарные таланты. Экипаж тоже признал его авторитет и прекратил свои шуточки. Итак, в холодный январский день 1947 года Джон Грауэл ступил на палубу "Президента" в качестве повара и матроса второго класса. Он драил палубу, мыл посуду, нес ночную вахту. Со своими обязанностями он справлялся превосходно.

А экипаж продолжал комплектоваться. Из 43 его членов пятеро не были евреями. Они покинут корабль вместе с капитаном — до сих пор не назначенным — когда "Президент", причалив к европейским берегам, будет передан Мосаду. Тут их и сменят Айк и двадцатипятилетний Бернард Маркс, или попросту Барни, из штата Цинциннати, также дипломированный морской офицер. Третьим офицером на борту был Дов Миллс. Ему 22 года, родился он в Филадельфии, никогда не задумывался о сионизме; не знает ни слова ни на иврите, ни на идиш. В конце войны он служил в американском экспедиционном корпусе в Шанхае, а по возвращении домой, поддавшись уговорам подруги, вступил в халуцианскую организацию Хашомер хацаир. Таков был его путь к "Президенту Уорфилду".

Как-то январским вечером в Балтиморе появился еще один член Хашомер хацаир семнадцатилетний Роджер Рофэ. Команда была уже укомплектована. Только капитана еще не нашли. Рофэ привели к Айку. Тот попытался его отговорить:

— Тебе здесь не место. Если тебе так уж хочется в Эрец, отправляйся-ка лучше во Флориду. Там у нас есть корабль поменьше, да и отчалит он, наверное, раньше.

Роджер Рофэ, родившийся и выросший в Каире, с отроческих лет мечтал об алии в страну предков. Скре-

пя сердце, он согласился переселиться вместе с родителями в Нью-Йорк. Это было в ноябре. Уже через месяц Роджер поступил в школу-ферму халуцианской организации. 20 дней спустя ферма сгорела. Рофэ поехал в Балтимор. Айк пожалел его: не мог же он отправить парня среди ночи домой, он послал его работать на кухне.

Дани ошибся в своих расчетах. "Президенту" требовался серьезнейший ремонт: замена всей машинной части, перестройка корпуса и т.д. Стоимость работ по ремонту и переоснащению судна превышала 125 тысяч долларов. Но шумиха, поднятая доброжелателями, могла все погубить.

Балтиморские евреи сгорали от любопытства и наперебой приглашали к себе членов экипажа. В конце концов вся страна узнала, что в порту идут секретные приготовления. Прослышала об этом и британская разведка. Англичане стали оказывать осторожный нажим на генеральное консульство Панамы в Нью-Йорке, куда "Уэстон Трэйдинг энд Компани" обратилась с просьбой о предоставлении кораблю панамского флага. Переговоры затянулись. "Президент" не мог выйти в море без государственного флага и свидетельства о годности к плаванию.

28 декабря Дани сообщил Мосаду, что отплытие состоится, по-видимому, между 12 и 14 февраля. 14 января кораблю было выдано свидетельство о годности к плаванию: рейс Балтимор — Марсель. Но правительство Панамы отказалось выполнить свое обещание и предоставить "Президенту" флаг. Дани обратился с той же просьбой к правительству Гондураса. Дело опять затянулось. Пришлось придумать целый сценарий, портом назначения был объявлен Шанхай.

18 февраля на основании экспертизы, удостоверившей исправность корпуса, машинной части и спасательного оборудования сроком на один год, правительство Гондураса выдало сертификат на шесть месяцев. В тот

день когда возрожденный "Президент" поднял государственный флаг Гондураса, министр иностранных дел Великобритании Бевин заявил в палате общин, что его правительство решило поставить палестинский вопрос на повестку дня Генеральной ассамблеи ООН. Для сионистского движения настал момент использовать свой козырь — мировое общественное мнение.

Отплытие было назначено на 25 марта. Задержка была вызвана аварией машины. Тем временем на борту появился 24-летний Уильям Бернштейн, или Толстый Билл. Он также имел диплом морского офицера. Вместе с двадцатичетырехлетним Айком и двадцатипятилетним Барни он должен был помогать капитану, которого — после долгих поисков — нашел Дани. Уильям Схоластик Шлегель, житель Балтимора, уроженец Баварии, был старый морской волк. Ему уже перевалило за сорок, и он показал, на что способен, когда перегнал для Мосада из Америки в Гавр восьмисоттонный старый ледокол "Улуа".

"Президент Уорфилд" готовился поднять якорь. Церемония отплытия вряд ли осталась незамеченной. Дани Шинд, Скидель, Иосеф Боксенбаум, в сопровождении сотни балтиморских евреев, поднялись на борт парохода, чтобы торжественно вручить белоголубой флаг Айку Ароновичу, представителю сионистской организации.

При традиционном свете свечей евреи — члены экипажа — принесли клятву верности Хагане.

Затем слово взял Дани. "Я думаю, — говорит он, — что любой еврей, где бы он ни находился, независимо от того, сионист он или нет, должен принять активное участие в спасении тех, у кого в Европе не осталось ни крова, ни очага, ни близких. Если вы, евреи Америки, придете им на помощь, они, в конце концов, обретут свой дом и родину. А сейчас давайте пожелаем этому кораблю счастливого плавания и скажем всем "шалом".

Отец Грауэл, с глазами, туманными от слез (а может быть, и от виски), раскрыл Библию и прочел не-

сколько стихов, которые должны были объяснить его присутствие на корабле.

25 февраля вечером корабль поднял якорь и покинул Чесапикский залив. Берег исчез в февральском тумане. Оказавшись в открытом океане, "Президент" набрал свою крейсерскую скорость — 17 узлов в час. Но не проплыл он и пяти миль, как на уровне мыса Гаттера попал в зону бурь. В первую же ночь своего плавания он дал течь.

РУДИ

Пастор Грауэл с Библией под мышкой поспешно поднялся на верхнюю палубу и принялся читать молитвы. Новоиспеченные моряки, немедленно надевшие спасательные жилеты, несколько успокоились. Айк сцепился со старым капитаном Шлегелем, которого считал главным виновником паники. По его мнению, Шлегель поторопился, дав сигнал тревоги. Однако положение и в самом деле было незавидным: деревянная обшивка леера сгнила и разбухла, заклепки ослабли и через швы и кабестан хлестала вода. Айк запустил помпу, надеясь замедлить затопление трюмов. Он пытался уговорить капитана продолжить плавание. Надстройки корабля потрескивали, но все-таки держались. Да и крен не внушал особых опасений. Но старик и слышать ничего не хотел: опасность слишком велика. Не зря списали это старое корыто. Недолго и затонуть. 26 февраля в полдень капитан дал приказ повернуть назад. Не в силах справиться с течью, корабль через несколько часов дал сигнал бедствия. Прошло 38 часов, и "Президент Уорфильд" в самом жалком виде вернулся в Чесапикский залив. Припасы в трюмах были затоплены, питьевая вода испорчена. Но это еще было не самое страшное. Хуже, что фотокорреспонденты направили на "Президента" свои юпитеры. Это необычное плавание привлекло всеобщее внимание. Капитан Шлегель отказался командовать кораблем. Некоторые члены экипажа, следуя его примеру, покинули судно, ставшее на новый ремонт.

7 марта "Нью-Йорк Таймс" опубликовал сообщение, что таинственное судно, потерпевшее аварию, предназначалась для переброски нелегальных иммигрантов в Палестину. Журналист Джордж Хорон проникнул в балтиморской таможне, что весь груз судна состоял лишь из 35 тонн продовольствия, спасательного снаряжения, раскладушек и одеял, списанных со складов американской армии. Проникнув на борт корабля, он заметил, что у матросов какой-то студенческий вид. Многие другие признаки, в том числе еврейские фамилии этих странных моряков, наводили на мысль об их истинных целях.

Экипаж, сплотившись вокруг Айка в ожидании нового капитана, вызвался помочь отремонтировать корабль. И справился с этим за две недели. Но британская разведка не дремала. Снова дипломаты стали нажимать на консульство Гондураса в Нью-Йорке, чтобы у "Президента" был снят гондурасский флаг. Нефтяные компании тоже испытали британский нажим. Однако людям из Хаганы удалось договориться с компанией Шелл о закупке горючего, и сделка была заключена 20 марта. В тот же день "Президент" поднял флаг и отправился в Филадельфию за горючим. Появился новый капитан — Виго Томсон, славный молодой американец датского происхождения. Три дня ушли на заправку мазутом. Тем временем консульство Гондураса потребовало вернуть флаг. Влиятельным друзьям Дани еле-еле удалось добиться отмены этого требования. В субботу, 29 марта, в 11 часов 10 минут "Уорфильд", наконец, вышел в открытое море при значительно лучших метеорологических условиях. По прибытии на Азорские острова выяснилось, что английские агенты успели поработать и там. По их требованию португальские власти наложили эмбарго на горючее портовых хранилищ. 48 часов ушло на доставку тайно закупленного мазута на грузовиках.

За "Президентом" установлена слежка. В Гибралтарском проливе на него снова направлены камеры фотокорреспондентов. В Марселе, после двух-

недельного плавания, "Президента" встретили не только представители Хаганы, но и генеральный консул Великобритании мистер Кэй.

Пароход высотой с трехэтажный дом вызывает в порту недоумение и усмешки. Двое "зевак" обмениваются впечатлениями, один из них восклицает на иврите:

— Так это и есть знаменитый "Президент"? Да это же подкоп под страховую компанию!

Они поднимаются на борт — поздравить капитана и принять корабль.

— Капитан, — говорит один из них, — кто, по-вашему, может принять от вас командование?

— Минутку. — Томсон вызывает в свою каюту Айка. — *That's your man**.

— *Welcome to the new captain***, — говорит посетитель.

Айк краснеет.

— Вы что, в своем уме? Я ни разу не командовал кораблем, да и звания у меня нет.

— Все когда-нибудь приходится делать впервые. Работы тут много. Искать капитана на стороне некогда. Впрочем, профессиональный моряк в жизни не возьмет на себя такой ответственности. Мне сказали, что в этом корыте хватит места для четырех с половиной тысяч человек. Ваше дело — как капитана — их перевезти.

Так говорил Шмария Цамерет, представитель Мосада, хладнокровный, замкнутый человек, прибывший сюда прямо из своего киббуца Бет Хашгуа в Израильской долине, однако родом он был из Филадельфии, и его двойное гражданство не раз сослужило ему службу. Его зовут Руди, Руди-американец. У него русые волосы, очки и большой запас революционных идей.

Руди — один из представителей Мосада, действовавших еще до войны. Парижский центр послал его в

* Это ваш человек (англ.).

** Добро пожаловать новому капитану (англ.).

1938 году в Голландию, в июле 1939 ему удалось отправить из Антверпена пятьсот беженцев из Германии, в том числе 120 польских евреев, перешедших бельгийскую границу под носом у вермахта. Все они благополучно были доставлены в Палестину.

В 1945 году, облаченный в мундир сержанта британской армии, он руководил операциями Алии бет на территории Италии. Агенты Хаганы, приписанные к 8-й армии, раздобыли ему форму и поддельные документы. В августе ему удалось отправить на рыбацком судне тридцать пять "пассажиров", которые вскоре ступили на палестинский берег. При следующей операции его задержал патруль военной полиции: его приняли за дезертира. Но англичане так и не успели сообразить, какая птица попала в их сети: Руди успел удрать. В октябре в форме офицера английской армии он перебрался во Францию. Устроился в Марселе, где работал с горсткой французских сионистов и американских солдат-евреев. Он руководил этой группой вместе с другим представителем Мосада, эльзасцем Хананом Жесмаром, известным под именем мосье Фернан.

Мосье Фернан приехал в Палестину в 1933 году, по окончании сельскохозяйственной школы. Ему тогда было 22 года. Поработав на апельсиновых плантациях, он в 1939 году присоединился к французской армии в Сирии, а в конце 1944 его, новоиспеченного киббуцника, направили во Францию с заданием подготовить почву для возобновления деятельности Мосада в этой стране.

В апреле 1945 он приехал в Марсель. Первую же ночь он провел в подвале полиции Royal Air Force* в Прадо. Поддельные документы добровольца никуда не годились. Англичане приняли его за немецкого шпиона, но не успели даже допросить — он бежал. Первая организация, с которой ему удалось связаться, был Еврейский союз коммунистической молодежи. Новые друзья добыли ему рабочий комбинезон.

*Королевские военно-воздушные силы (англ.)

С помощью Дика Ефройкина, сиониста и участника Сопротивления, Фернан и Руди стали обладателями помещения в здании агентства морских путешествий на Рю де ля Републик, куда посторонних не допускали. Капитан — грек Фостинис, в свое время помогавший республиканской Испании, а теперь морской советник Мосада в Марселе — помог Руди организовать в марте 1946 года перевозку 746 бывших узников Бухенвальда. Начальник порта, бывший боец Интербригады, сам вывел судно из гавани. В последний момент вмешалась полиция.

— Стой! Куда плывете?

— В Венесуэлу.

— Не может быть! Кто же выдаст этой рыбацкой шхуне пассажирское свидетельство для океанских рейсов?

— Дело в том, что... в Лиссабоне пассажиры переседают на другое судно.

— Это другое дело. А как у вас с таможенными формальностями?

— Да вы сами подумайте. Это люди из концлагерей. Кроме жалких тряпок и арестантской одежды им и предъявить-то нечего.

— Из концлагерей? И едут в Венесуэлу? Да кто же вам поверит? — Офицер качает головой, садится в машину и говорит: — Пожалуйста, в следующий раз не забудьте о таможне.

Этих "следующих разов" будет немало: в июле — "Биция" (999 иммигрантов), в августе — "Ягуар" (780), в октябре — "Латрун" (252), в феврале — "Мерика" (647) и "Маапиль Альмони" (796), в апреле — "Теодор Герцль" (2541).

Сегодня Руди принял девяностое судно, зафрахтованное Алией бет со дня создания Мосада — пятьдесят девятое после окончания войны, самое большое из всех.

Но рядом с Руди на этот раз стоит не мосье Фернан, получивший другое задание. Его нового помощника зовут Аби Шварц — по прозвищу мосье Андре.

Аби Шварц бежал из Германии в 1933 году. Учился в сельскохозяйственной школе в Дании. Через три года прибыл в Палестину, вступил в Хагану, обеспечил военную подготовку членов своего киббуца, закончил в Иерусалиме курсы усовершенствования по иностранным языкам (Мосад собирался послать его за границу). В середине 1945 года он прибыл в Швецию, где находились 10 тысяч евреев, которых граф Бернадотт незадолго до поражения гитлеровцев вырвал из лагерей Равенсбрюк и Берген-Бельзен.

В Швеции оставалось еще около тысячи беженцев, когда его вызвали в Марсель. Здесь ему предстояло раздобыть горючее, питьевую воду и продовольствие для "Президента Уорфилда".

— Скажи своим американцам, чтоб держали язык за зубами, — сказал Руди Томсону и Айку. — Английские агенты здесь кишмя кишат. За каждым движением следят. Еще неизвестно, в каком порту произведем посадку. Главное, чтобы они не разнюхали, сколько человек может вместить корабль. А пока начнем работы по переоборудованию судна в Пор-де-Буке.

Следующие три дня мосье Андре, Аик и Руди провели в поисках провианта и горючего. Члены экипажа грузили бочки вручную. В бухте Пор-де-Бук, к западу от Марселя, сорок плотников сносили перегородки между каютами, вытаскивали ванны. Пассажиры будут размещены в обширных помещениях на всех пяти палубах.

Но вскоре Мосаду приходится пересмотреть свои планы из-за беспрестанных происков Интеллидженс Сервис. Для снаряжения судна необходимо найти более укромное местечко, вдали от нескромных взглядов.

— Пора нам убираться отсюда, — сказал Руди Айку. — Англичанам все известно. К тому же возможно, что посадку придется производить не здесь, а в Италии, в бухте Портовенере. Вот карта. Добраться туда можно за сорок часов, но лучше не торопиться и замести следы.

В понедельник 21 апреля "Президент", не скрываясь, взял курс на Александрию. Надстройки его были пусты, как выведенное яйцо, зато на борту находились бочки с горючим.

В тот же день в Париже состоялся межминистерский совет под председательством Поля Рамадье для выработки ответа на грозную ноту посла Великобритании Даффа Купера. В этой ноте перечислены многократные предупреждения правительства Его Величества по поводу роста числа судов, отправляющихся из портов Франции в Палестину, с нелегальными пассажирами на борту, и выдвинуто требование немедленно принять меры для предотвращения этой незаконной деятельности на территории Франции.

ИОСИ

Шаул, "хозяин" сети, позвонил из Милана: он приехал из Парижа специально, чтобы встретиться с Иоси Гамбургером, и назначил ему свидание в кафе "Дуо-ма". Добраться до Милана для Иоси было дело простое; он работал всего в 30 км от города в подпольном арсенале Хаганы, где находился и его главный радиопередатчик — "Алеф".

Дело, видимо, важное, раз сам босс прикатил. Призрачно бледный, большеглазый, молчаливый, вечно больной, Шаул Мееров почти все время проводил в скромной комнате гостиницы "Метрополь", неподалеку от площади Этуаль. Там он и принимал посетителей и лежа на кровати без конца звонил по телефону в самые отдаленные уголки мира. Перед ним стояла чашка чаю — единственная роскошь, которую он себе позволял; сам готовил, сам подавал. Это был настоящий обряд. Шаул Мееров называл это "наслаждаться жизнью".

Когда Иоси явился, хозяин его удивил — не чаем, а тем, что заговорил о "Президенте Уорфильде", который с 25 апреля стоял в тайном доке Мосада возле Портовенере. Со дня реорганизации Мосада Иоси был специалистом по контрабанде оружия. Он — типичный сабра. Родился в Палестине, за спиной пять поколений иерусалимцев. Ему 29 лет, внешность американского киноактера: светлые волосы, белозубая улыбка, голубые глаза. Окончил подпольные офицерские курсы вместе с Моше Даяном и Игалом Аллоном.

Был военным инструктором. Закончил войну в военной авиации Великобритании. В 1945 году ему была поручена охрана доктора Хаима Вейцмана. Год спустя — он в Мосаде. Его посылают в Грецию, откуда в качестве капитана вѣтхого парохода "Кнессет Исраэль" он отправился в Югославию за 3300 беженцами. Плавание продолжалось 21 день и превратилось в сущий кошмар. На борту родилось 10 детей. Один младенец умер. Пятьсот солдат 6-й дивизии прибыли на самолетах и ожидали путешественников в Хайфе. После трех неудачных попыток взять судно штурмом и обычных предупреждений, англичане пустили в ход слезоточивые газы. Продержавшись полтора часа, измученные пассажиры, заливаясь слезами, покинули поле боя, оставив трех убитых и 30 раненых. Они были интернированы на Кипре. Через три дня Иоси, с помощью товарищей из Хаганы, удалось бежать и добраться до Палестины. Его послали в Италию с поручением обеспечить перевозку оружия для отрядов самообороны.

Накануне еврейской Пасхи 1947 года Иоси в американской военной форме пробрался на военную базу США в Ливорно и завел там небескорыстные знакомства с тамошними офицерами и сержантами. Там он случайно встретился с одним из своих младших товарищей по Пальмаху Азриэлем Энавом. "Вот так неожиданность!" Иоси и Азриэль перемигнулись, зашли в туалет.

— Ты что здесь делаешь?

— А ты?

— Мне нужно оружие.

Но ведь оружие надо перевозить. Командиром Иоси стал руководитель итальянской сети Мосада Йехуда Арази. Это был широкоплечий, сидящий сорокалетний человек в полном расцвете сил. Бывший работник палестинской полиции, он стал одним из руководителей Хаганы, и ему удалось привлечь в свою группу лучшие силы Еврейской бригады, созданной в марте 1945 года добровольцами, сражавшимися в рядах британской армии. Сам он был сержантом

службы снабжения и служил в Милане. Под видом военных конвоев ему удалось доставить на побережье поезда, забитые до отказа беженцами. По ночам его подопечные пересаживались на парусники и баркасы Алии бет.

Демобилизовавшись, Арази создал эффективное военное подразделение с командным пунктом в центре города. Его ближайшей помощницей была энергичная маленькая женщина, итальянская аристократка с большими связями, Ада Серени, вдова Энцо Серени, брошенного англичанами в 1944 году в немецкий тыл и замученного нацистами в Дахау.

Так называемая 412-я транспортная рота имела в своем распоряжении 40 грузовиков, талоны на бензин и несколько ферм, одна из которых, в 30 км от Милана, использовалась сначала для транзита беженцев из австрийских лагерей для перемещенных лиц и для хранения провианта для судов Алии бет, а с начала года — для подготовки и переправки оружия в Палестину. Собиралось оружие с миру по нитке — из американских запасов, со складов Сопротивления — и хранилось в дорожных катках, которые производил мелкий миланский промышленник Монти. Катки по всем правилам экспортировались на итальянских судах в Хайфу, где их принимали сотрудники компании "Солель Бонэ".

— Так вот, — сказал Шаул, — еще не известно, где произойдет посадка четырех с половиной тысяч пассажиров. В любом случае я хотел бы, чтобы ты обеспечил командование операцией. Готов ли ты вернуться на морскую службу?

— Хотя через полчаса, — ответил Иоси.

Они сразу же отправились в Портовенере, переночевали поблизости в гостинице "Портофино", и на следующее утро Иоси был уже в доке. Итальянским рабочим на этом маленьком предприятии не приходилось опасаться безработицы: Мосад был его постоянным заказчиком. Руководил работами по перестройке судна Авраам Закай, — знакомый Айку по морскому

соединению Пальмаха — Плугат ха-Ям. Сразу же по прибытии "Президента" он принялся за дело вместе с ребятами из Пальмаха. На месте кают, ванн, комнат и салонов воздвигались сплошные нары, на которых можно было только лежать. Расстояние между нарами по вертикали составляло 50 см. Места были пронумерованы. На верхней палубе сооружались умывальники, уборные и две большие кухни.

Айк собрал экипаж, чтобы представить его гостям. Молодые американцы с неудовольствием восприняли запрет сходить на берег — значит, не придется даже пофлиртовать с итальянками. Айк объяснил, что необходимо соблюдать абсолютную тайну — вокруг снуют английские агенты.

Только проповеднику Грауэлу было разрешено сойти на берег, чтобы сопровождать Аду в Рим. Перед Триумфальной аркой Тита, разрушившего Иерусалим, он сказал себе: "Две тысячи лет эти камни хранят память о человеке, рассеявшем евреев по миру. Но он давно превратился в прах, а национальное чувство евреев живо. Величайшими страданиями они заплатили за свое возрождение".

С Айком и Закаем Иоси занялся вопросами обеспечения "Президента" средствами защиты на случай абордажа. Высокая надстройка "Уорфильда" представляла собой безусловное преимущество, поскольку у английских судов сравнительно низкие палубы, и доступ к нему будет не легким. После установки новых машин, корабль сможет развить скорость до 19 узлов, что немаловажно на последнем участке пути. Наконец, благодаря своей небольшой осадке, "Президент" может проникнуть в мелководную прибрежную полосу, недоступную для британских миноносцев. Шансы прорвать блокаду все-таки были. План, разработанный Иоси вместе с руководством Хаганы, состоял в том, чтобы как можно дольше скрывать от англичан максимальную скорость судна, идти со скоростью 12 узлов в час, взять курс на север, якобы на Хайфу, а затем в трех-четыре милях от Тель-Авива,

по команде "право на борт", резко повернуть и, набрав полную скорость, оторваться от преследователей и врезаться в одну из песчаных отмелей, окаймляющих побережье. На этот маневр отводилось 15–20 минут. Затем предстояло спустить шлюпки, натянуть тросы. Вооруженный отряд Хаганы должен был прикрывать высадку на берегу. Главной задачей Иоси было подготовить корабль так, чтобы он "не подвел". Было решено обшить корму трехмиллиметровой броней, опутать колочей проволокой низкие конструкции, перекрыть сеткой машинную часть для предотвращения попадания гранат со слезоточивыми газами, натянуть защитную сетку на полубак, обложить мешками с песком навигационный мостик, установить дополнительный якорь на корме — может пригодиться в качестве тарана и т.д. Более того: было придумано тайное оружие, чтобы сделать судно неприступным. Предполагалось обвести весь корпус судна трубой с отверстиями, подсоединенной к главному котлу; струи пара и горючего жидкого топлива будут бить по нападающим. Но испытать новое оружие не было никакой возможности. Вся округа была наводнена английскими агентами.

АЗРИЭЛЬ

Майор Летт поселился на лесистых холмах Портовенере в домике, где некогда жил английский поэт Шелли, любивший наблюдать закаты в бухте Ла Специя. Летт, рафинированный эстет, руководил особой сетью Интеллидженс Сервис, недавно созданной в Генуе, Триесте и Афинах для сбора информации, необходимой для предупреждения нелегальной иммиграции в Палестину. Поселившись в домике Шелли, майор стал набирать сотрудников; тут ему не повезло: среди них оказался один из агентов Арази, внушавший ему в течение 9 месяцев, что подготовка и отправление судов, которые он мог наблюдать прямо из своего окна, — это обманные операции, проводимые для отвода глаз и что на самом деле беженцев отправляют в Палестину из других портов, чаще всего, с французского побережья. Местное население, обеспеченное благодаря Мосаду работой, держало язык за зубами. Майор Летт посылал по начальству отрицательные донесения. Но на этот раз британских агентов предупредили о том, что где-то в Средиземном море скрывается подозрительное судно. Было приказано следить за любым кораблем, отвечающим описанию "Президента".

На этот раз майора обмануть не удалось. Он послал доклад о необычных работах, проводимых на корабле "Президент Уорфильд", водоизмещением более 4000 тонн. В Ла Специя и в Портовенере появляются англий-

ские агенты, снова оказывается давление на нефтяные компании, чтобы они не продавали мазута. Иоси торопится. Англичане все еще держат Италию на полу-оккупационном режиме. Таможенники и портовые власти чинят всевозможные препятствия...

“Президент” стоит в таком месте, что ни один танкер к нему подойти не может. Необходимо доставить горючее на грузовиках в цистернах. Ада Серени пускает в ход все свои дипломатические таланты, все свои знакомства и связи в промышленных кругах и в службе безопасности. Играя на недовольстве итальянцев вмешательством англичан в их внутренние дела, она довольно скоро добивается своего. Десятка два машин закамуфлировано в оливковой роще, на склоне холма.

Ночью, при потушенных огнях доставляемое на берег горючее перекачивают на корабль по заранее проложенной под водой трубе. Поблизости курсирует итальянское патрульное судно. Грузовики совершают челночные операции между местом назначения и оливковой рощей. Когда они подъезжают в четвертый раз, канонерская лодка получает приказ захлестнуть своим якорем якорь “Президента”, лишив его таким образом возможности выйти в море. Она вплотную подходит к носу корабля, молодой офицер поднимается на борт и предупреждает Айка, что его батареи откроют огонь при малейшей попытке поднять якорь. Кольцо сжимается. Того и гляди Айка обвинят в том, что он пытается вывезти военных преступников и скрывающихся фашистов. Нужно действовать безотлагательно. На этот раз снова выручает неутомимая Ада Серени. Но ей надо торопиться — время работает против ее друзей из Мосада. Тем временем Иоси пополняет свой штат. Он хочет привлечь к работе Азриэля Энава, который только что прибыл из Милана в распоряжение Иехуды Арази.

— Очень кстати прикатили, — говорит “старик”, — Иоси как раз нужен парень вроде вас. Ему требуется радиотехник. Он не знал, куда вы подевались с тех пор, как видел вас в Ливорно. Просил вас разыскать.

Азриэль, красивый рыжеволосый сабра, с носом боксера, в 1943 году семнадцатилетним юношей вступил в Пальмах, окончил школу связи в киббуце Эйн-Харод и был послан в Каир. В феврале 1946 он тайно высадился в Марселе. Работал связистом, организовал транзитный лагерь для беженцев. Через год ему было поручено командование парусником, оснащенным вспомогательным двигателем. Предполагалось пересадить на него беженцев в открытом море. В день, назначенный для отплытия, на борту вспыхнул пожар. Подремонтировали. Едва вышли в открытое море, сгорело динамо. Подняли парус. Началась буря, которая прибила судно к Ливорно. И тут снова вспыхнул пожар.

Предстоящая встреча с Иоси очень обрадовала Азриэля. "Президент" поразил его своим величием: радиооборудование было новейшее, американское. Была и запасная установка. Впервые судно Алии бет имело столь совершенные средства связи. Когда Азриэль объяснил это Иоси, тот сразу запросил у парижского центра разрешения использовать установку для пропагандистских передач. Шаул ответил категорическим отказом. Нельзя рисковать.

Но в итальянских водах становилось опасно, не говоря о том, что о посадке большого числа беженцев на корабль нечего было и думать, невозможно было даже завершить работы на "Президенте".

Неутомимая Ада Серени добилась разрешения на отплытие, но при условии, что "Президент" заправится горючим в Генуе, а следовательно, не выйдет из-под контроля итальянских властей. 11 июня канонерская лодка получает приказ поднять якорь и следовать за "Президентом" на некотором расстоянии. Итальянские плотники с необходимыми материалами поднялись на борт "Уорфильда", Айк взял курс на Геную, но, подойдя к границе итальянских территориальных вод, резко повернул судно в сторону Лионского залива. Это была своего рода генеральная репетиция маневра, задуманного для прорыва блокады у берегов Палес-

тины. На уровне Тулона Айк приказал замедлить скорость, потушить все огни и повернуть на 90°. Командир канонерки решил, что "Президент" под прикрытием темноты зашел в Тулон, и направил свое судно во французский порт. А Айк, воспользовавшись ситуацией, набрал максимальную скорость и пошел прямо на Марсель.

Иоси все еще не знал, где, в какой стране будет произведена посадка. Ясно было только, что не в Италии. В поисках подходящего порта, где будет возможно обеспечить снабжение судна, Азриэль радировал во все концы света, даже в Испанию. Иоси распорядился передать по радио Мосаду о прибытии "Президента" в Пор-де-Бук 13 июня в 14 часов. Пусть там Руди, мосье Андре и мосье Жо выкручиваются как могут.

Ну что ж, они не растерялись. Им удалось создать запасы: 350 тонн горючего в бочках, из которых 200 были уже погружены на два парома. "Президент" еще не подошел к причалу, как его баки начали заполняться. На причале последние 100 тонн в бочках погрузили вручную. Хватит до Палестины, а если понадобится, то и на возвращение куда-нибудь в Грецию или Югославию.

Когда на борту появились представители портовых властей и таможенники и заявили о категорическом запрете заправляться горючим, которое тогда строго нормировалось, дело было уже сделано. Не перекачивать же его обратно, не перетаскивать же бочки на берег. Власти предпочли закрыть на этот факт глаза, лишь бы избежать скандала.

Работа продолжалась. Запасались пресной водой. Мосье Жо доставил свежие ананасы, мясные консервы, бисквиты, шоколад и многое другое. Ведь ожидалось около пяти тысяч пассажиров, а плавание было рассчитано на десять дней. Итальянские рабочие завершили переделки, начатые в Портовенере, работали по 20 часов в сутки. На борту установили 24 громкоговорителя — передавать инструкции, новости, а может быть, и радиোগраммы, если удастся подготовить их собствен-

ными силами. Вся эта работа лежала на Азриэле, у которого появился помощник по имени Макс. Ему-то и было поручено постоянно поддерживать радиосвязь с Парижем, Миланом и Тель-Авивом. Американец Лейднер должен был принимать метеосводки и обеспечить регулировку хронометров. Остальным членам экипажа нечего было делать. В конце концов разразился скандал. Ребята Айка не раз встречались в барах с английскими матросами с миноносца "Мермейд", которые вскоре смекнули, с кем имеют дело. Однажды, — это было в тот самый вечер, когда на двадцати пяти грузовиках в Пор-де-Буке доставили спасательные лодки для "Президента", — началась драка между Рофэ и Марголисом с "Президента" и тремя матросами с "Мермейда". Вмешалась французская полиция. Когда их разнимали, англичане кричали:

— Чертовы жидаы, мы с вами еще встретимся! Тогда вас полиция уж не выручит!

Через несколько дней "Мермейд" вышел из Пор-де-Бука и, спрятавшись неподалеку, стал поджидать свою добычу.

Тем временем в Париже Мосад принял решение произвести посадку на французском побережье. Марсельская судоходная компания "Женеста" в свое время служила прикрытием для подпольной сети, помогавшей испанским республиканцам. Теперь она стала консигнантом "Уэстон Трейдинг энд Компани". Все формальности, связанные с отправлением и прибытием судов Мосада, производились этой фирмой. Как только "Президент" вернулся в Пор-де-Бук, были приняты меры для получения свидетельства на годность к плаванию и разрешение на выход из порта.

14 июня на борту появился инспектор службы навигации и морских работ г-н Мурар. В полном соответствии с французским законодательством и международными конвенциями, он попросил предъявить свидетельство на годность к плаванию, выданное страной, под флагом которой плавает судно. Он также потребо-

вал, чтобы экспертиза была проведена конторой "Веритас" — единственным учреждением, уполномоченным продлить срок действия свидетельства.

19-го числа эксперт Марсельского округа Ив Гарью посетил корабль вместе с господином Кремье из фирмы "Женеста", который разъясняет ему, что судно предназначено для плавания по Дунаю. Согласно заключению, надстройки речного судна достаточно укреплены, чтобы плавать по Атлантическому океану и Средиземному морю. После тщательного осмотра судна эксперт пришел к выводу, что оно исправно, содержится в соответствии с требованиями и снабжено необходимым спасательным, противопожарным и прочим оборудованием, что котлы в порядке и насосы работают исправно. Подписанный им протокол гласил:

"При этих условиях мы подтверждаем, что с технической точки зрения "Президент Уорфильд" годен к плаванию. Он может, приняв все обычные меры предосторожности, совершить рейс Марсель — Черное море. При этом оговаривается, что по мере возможности плавание должно совершаться в хорошую погоду, в соответствии с условиями, указанными в свидетельстве на годность к плаванию, выданному в Балтиморе 14 января".

Американский офицер Бернард Маркс, представленный эксперту как капитан, сообщил, что судно возьмет сначала курс на Лиссабон без балласта и без пассажиров.

7 июля инспектор Мурар, после повторной проверки, выдал разрешение на выход в открытое море "при условии, что на борт не будет взят ни один пассажир". Эти условия следовало оспорить. Консигнант обратился к морскому архитектору господину Травьеру, который после осмотра судна подписал протокол, дающий "Президенту" право принять на борт 4500 пассажиров.

9 июля в 20 часов "Президент Уорфильд" покинул Пор-де-Бук. Порт назначения — Стамбул. Но в тот же день в порту был замечен человек, фотографирующий

судно. Сразу же после отплытия "Президента" Фредерик Кертни, по прозвищу Фредди, капитан британской разведывательной службы, передал свой отчет и фотографии командованию военно-воздушной базы в Истрии.

КНИГА ВТОРАЯ
ИСХОД ИЗ ЕВРОПЫ

О времена, о замки!

Артюр Рембо

В Е Н Я

Теперь за организацию дела фактически отвечал новый помощник Шаула в Париже, Веня Померанец, жизнерадостный подвижной человек, сменивший хитрого и невозмутимого Эхуда Авриэля.

Для г-на Марселя Пажеса, директора отдела иностранцев французского министерства внутренних дел, новый заместитель Шаула был давним знакомым. Сам же Марсель Пажес всегда был горячим сторонником сионизма. Именно благодаря его поддержке Хагана сумела создать во Франции свой важнейший европейский центр — с благословения министров-социалистов, разумеется.

Веня прибыл из Хайфы в сентябре 1946 года с швейцарским паспортом в кармане. Его можно было увидеть то в секретариате Мосада, который, под видом судоходной компании, расположился в альковах некогда знаменитого публичного дома на улице Шабане, то в номере "Метрополя" на авеню Виктор Гюго, где Шаул угощал чаем своих бесчисленных странно выглядевших посетителей, то в гостинице "Руаяль Монсо" на авеню Гош, где на четвертом этаже обычно останавливался председатель исполнительного комитета Сионистской организации Давид Бен-Гурион.

Прошрое лето Веня провел в своем киббуце Рамат Рахель, в нескольких километрах от Иерусалима. В 1933 году шестнадцатилетним мальчиком он приехал туда из Польши к своему брату. Родом он был из Брест-Литовска.

Новая жизнь началась не слишком интересно: в киббуце не было работы, и он устроился носильщиком на Иерусалимском вокзале, потом чернорабочим на предприятии по производству поташа на Мертвом море. 1 мая 1934 года он отправился на юг, в Сдом, где работал на строительстве завода по производству бромистого калия. Через два года он наконец нашел себе применение и в своем киббуце. В 1941 году, когда война захватила и Средний Восток, Веня вступил в подразделение Хаганы в Микве Исраэль. Его отряд должен был попытаться оказать помощь европейскому еврейству. В действительности, речь шла о том, чтобы действовать совместно с британской армией. Хотя новый государственный секретарь по делам колоний лорд Кренборн заявил в официальном коммюнике Еврейскому агентству, что "никакие меры не будут приняты для облегчения иммиграции еврейских беженцев в Палестину", военные власти через голову администрации договорились с Хаганой. Это было чисто тактическое, но вполне реальное соглашение, не имевшее никакого политического подтекста. Предполагалось забросить группы специального назначения в танковые войска Роммеля и в Центральную Европу. Хагана спешно формировала ударные части в киббуцах. Веня прошел шестимесячный инструктаж в Микве Исраэль и тренировку в Эйн-Хароде у подножья гор Гильбоа. В это время произошло ужасное событие, потрясшее палестинское еврейство: трагедия "Струмы". В мирное время судно занималось перевозкой скота по Дунаю. Теперь в его клетях сгрудились 769 беженцев, в том числе 250 женщин и 70 детей. Многие были на краю безумия. После четырехдневного тяжелейшего плавания — изношенная устаревшая машина едва тянула — с трудом дотащились они 16 декабря 1941 года до Стамбула, где измученные пассажиры надеялись высадиться и затем по суше добраться до Палестины. Однако под нажимом англичан турецкие власти не разрешили высадку без предъявления виз. Мандатная администрация виз не выдала под предло-

гом, что вместе с беженцами на контролируемую ими территорию могут просочиться нацистские агенты. 23 февраля 80 турецких полицейских ворвались на судно и захватили его. На следующий день "Струму" отбуксировали на расстояние одного километра от берега и бросили без горючего. Неожиданно раздался взрыв — корабль пошел ко дну. Никто не оказал ему помощи. Спасся один человек. Тогда-то Мосад и решил создать свой центр в Стамбуле.

Как-то ночью в начале 1942 года Шаул вызвал Веню на конспиративную штаб-квартиру Мосада в Тель-Авиве и приказал ехать в Турцию, чтобы ознакомиться с местными условиями: официально он будет числиться представителем иерусалимской столярной мастерской. В ожидании визы Веня занялся изучением французского языка, попутно совершенствуя свой английский. 26 октября он, наконец, уложил чемодан, взял складной метр и выехал в Стамбул.

В Европе в это время не было ни одного представителя Мосада, кроме эмиссара в Женеве, через которого Вене удалось наладить связи с молодежными халуцианскими организациями Польши и Венгрии и вступить с ними в зашифрованную переписку. Нерегулярные и непрочные контакты осуществлялись через коммерческие каналы, в которых были заинтересованы некоторые эсэсовцы. Таким образом небольшому числу польских евреев удалось пробраться в Словакию, затем в Венгрию и через Венгрию — в Румынию. Обосновавшись в Турции, Веня мало-помалу сумел восстановить сеть Мосада. Он перебросил в Румынию первых двух палестинских добровольцев, взявшихся организовать вооруженное сопротивление и подготовить эмиграцию евреев Балканского полуострова. Позднее в Европу было отправлено еще 30 добровольцев.

В июне 1943 года положение изменилось. Посол Великобритании в Анкаре получил от лорда Кренборна распоряжение выдавать въездные визы в Палестину всем беженцам, которым удастся добраться до территориальных вод Турции. Стамбул превратился

в оперативную базу Мосада. Движение, созданное Веней, расширялось. Однажды он получил в числе товарных образцов совершенно новую кинокамеру, в которой оказались пленка, отснятая в одном из польских гетто, и прощальное письмо двух партизан-сабр, расстрелянных фашистами. Веня работал без устали, не давая передышки механизму, который он привел в действие. Ему удалось переправить в концентрационные лагеря 250 тысяч долларов, часть которых была затрачена на спасение четырех тысяч евреев, покинувших Румынию в начале 1944 года.

В середине лета Балканский полуостров был освобожден совместными ударами Красной армии и партизан. Веня сразу же принялся за розыски агентов Мосада в Болгарии и начал организовывать спасшихся евреев. 15 сентября, под видом корреспондента американского еврейского агентства печати, он прибыл в Софию. В течение осени четыре корабля с иммигрантами на борту вышли из Бургаса.

В декабре, вместе с советской транспортной колонной, он проник в Югославию. На следующий день после освобождения Белграда Веня уже был там. Он наводит справки о судьбе засланных из Палестины партизан и о возможности использовать порты Далмации, он расспрашивает у всех и вся, пока не находит внимательного, а позднее и доброжелательного слушателя в лице марксистского теоретика, помощника Тито, Моше Пьяде, который был выходцем из древней еврейской общины Македонии.

— Если я вас правильно понял, — сказал он, — вы готовы сражаться против британского империализма. Это мы можем только одобрить.

3 января 1945 года Веня встретился с самим Тито. Красный маршал заявил, что заинтересован в антиимпериалистическом движении палестинских евреев и полон решимости его поддержать.

Эти первые контакты оказались весьма плодотворными. Обнадеженный Веня возвратился в Софию, начал выступать по радио и даже пригласил руководи-

теля Еврейского агентства Бен-Гуриона выступить в зале кинотеатра "Балканы". Смелость Вени не знала границ, но тут советские военные власти в Болгарии вызвали его и заявили:

— Мы не потерпим присутствия в болгарской столице вашего агитатора с его космополитической пропагандой. Скажите ему, чтобы убирался.

Это был первый тревожный сигнал. Вскоре Веню вызвали в полицейское управление.

— Просим прекратить ваши выступления по радио. Мы больше не можем терпеть вмешательства иностранного журналиста в наши внутренние дела. Ни один из корреспондентов, кроме вас, не касается нашей внутренней политики. Вы перешли границы дозволенного. Мы еще разберемся в вашей деятельности.

В результате этого разбирательства Веню признали агентом британского империализма и под эскортом десяти солдат отвели к турецкой границе.

На палестинском пограничном пункте Рас-эль-Накура Веню снова задержали. "Безродный" журналист, прибывший из страны, находящейся в сфере советского влияния, вызвал подозрение пограничников. Его раздели донага и избили, на этот раз как агента коммунистов. На всякий случай распотрошили его аккордеон. Через сутки военная полиция передала его в руки тайной полиции мандатной администрации.

В течение долгих месяцев ему пришлось каждое утро ходить отмечаться в иерусалимскую полицию. На целый год он прекратил всякую деятельность и, чтобы скоротать время, принялся за изучение физической химии.

В июне 1946 года его наконец оторвали от тихой жизни в киббуце. Мосад решил отправить его к Шаулу в Париж. Но сначала ему пришлось обеспечить тайную высадку пассажиров с корабля, который прибывал в пятницу, 28 числа. Под прикрытием ночи Веня должен был переправить нелегальных иммигрантов в киббуц. Но все вышло иначе: в 6 часов утра английские военные части ворвались в киббуц и приступили к

систематическому обыску. 29 июня 1946 года вошло в историю Палестины под названием "Черная суббота".

Вене удалось закопать свои документы и улики. Он отправился пешком в Реховот и через три дня, не привлекая к себе внимания, возвратился в Рамат Рахель. Там он провел со своими родными остаток лета в ожидании паспорта и билета на пароход. К этому времени во Франции уже была подготовлена структура сети — были и фиктивные организации, и люди, способные помочь Мосаду в решении стоящих перед ним задач.

В первую очередь было решено обеспечить средства сообщения. Согласно телеграмме из Германии, опубликованной в январе 1946 года в "Нью-Йорк Таймс", евреи располагали для передвижения по Европе транспортной системой, не хуже той, которая находилась в распоряжении американской армии.

МОСЬЕ ПОЛЬ

Он увлекался джазом и электроникой, но никто не знал за ним умения печатать на машинке. Поэтому стук клавиш, доносившийся с начала весны из его комнаты, выдавал присутствие машинистки. Наверное, какая-нибудь подружка. Только не всегда одна и та же. Соседи ломали себе голову: сердечные дела или просто работа?

Виктор Зипштейн был владельцем мастерской по ремонту радиоприемников на площади Одеон. Он родился в 1925 году и числился румыном, хотя отец его был родом из России, а мать из Латвии. Профессии ювелира, которой из поколения в поколение занимались его предки, он предпочел возню с конденсаторами и амплификаторами.

Двадцатилетний Виктор жил радуясь свободе, обретенной после трудных времен оккупации. Властный телефонный звонок мосье Поля, вызвавшего его в Отэй, покончил с его беззаботным существованием.

— Рад, что ты нашелся, парень. Я надеюсь, ты не забыл клятву.

Мог ли он забыть? Узкие улочки старой Тулузы, темный фасад в глубине двора на улице Трипьер, лестница, кряхтевшая под шагами, дверь, открывшаяся в темноту. Провожатый втолкнул его в комнату с плотно завешенными окнами. Вдруг его ослепил свет лампы, мужской голос спросил его настоящее имя. Свет, направленный на его лицо, мешал ему разглядеть говорившего. Он не знал, есть ли в комнате

другие люди. Чья-то рука зажгла свечу. При свете колеблющегося пламени он увидел положенный поперек стола, как скатерть, бело-голубой еврейский флаг и на нем Библию.

— Положи руку на флаг, — продолжал голос, — и повторяй за мной слова клятвы: "Я клянусь в верности Еврейской армии и в повиновении ее командирам. Да воспрянет мой народ! Да возродится Израиль! Свобода или смерть!"

Это было в 1943 году. Тогда Виктору было 18 лет. Он ушел в маки в Монтань-Нуар, в Л'Эспинасье. Партизанский отряд, в котором он воевал под бело-голубым флагом, был создан Еврейской армией и насчитывал 35 человек.

Особое еврейское сопротивление во Франции создали три человека: Абрам Полонский (мосье Поль), Люсьен Люблин и Давид Кнут. Втроем они и основали в августе 1940 года вооруженную организацию — Еврейская армия (по-французски "Арме жюив"), условно названную "Арман Жюль". Вторая группа борцов еврейского подполья — "Сильная рука", — которой уже два года руководил Арнольд Мандель, представляла собой разведывательное подразделение подпольной армии "Арман Жюль". При вступлении в организацию ее члены произносили ту же традиционную клятву: "Я заявляю, что принадлежу к славному еврейскому народу, вечная родина которого — Эрец-Исраэль. Я заявляю, что ставлю выше всего величие и благо своего народа". В 1942 году мосье Поль переправил Кнута за границу и назначил на его место Леонара Зупрамера.

Во время Освобождения Еврейская армия была преобразована в Еврейскую боевую организацию, ставшую сначала аванпостом Хаганы, а затем ее французской ветвью. Руководство взял на себя мосье Поль. Его штаб-квартира находилась в частном особняке неподалеку от площади Этуаль, в Париже. Первым бойцом Еврейского сопротивления, с которым Мосад установил связь, был, конечно, мосье Поль.

Его отыскала черноволосая молодая женщина Рут Клюгер, прибывшая в Париж через десять дней после освобождения столицы с заданием разыскать еврейских детей, юношей и девушек, избежавших депортации, собрать сирот и обездоленных, спасшихся от геноцида, и, используя все средства, отправить их в единственную страну, готовую дать им надежду на новую жизнь.

Итак, она встретилась с мосье Полем, который познакомил ее с нужными людьми. Неутомимой молодой женщине удалось добиться переброски во Францию целых составов с детьми и молодежью из Германии и Швейцарии.

Мосад должен был позаботиться о том, чтобы и в дальнейшем французские границы были открыты для перемещенных лиц. Французские власти выдали разрешение на транзит 8 тысяч эмигрантов при условии предъявления въездных виз в соответствующие страны. Перед мосье Полем и его соратниками стояла задача найти проводников, готовых переправлять через границу непрерывно увеличивающееся число беженцев, подобрать людей, много людей, отвечающих потребностям растущей Алии бет.

— Так вот, малыш, — сказал мосье Поль Виктору, — мне нужен передаточно-приемный радиоаппарат Морзе мощностью 100 ватт. Можешь достать за двое суток?

— Да где ж его найдешь?

— А где хочешь. Это ведь вроде бы по твоей части?

Через два дня Виктор принес новому "клиенту" смонтированный им аппарат.

— Хорошая работа, сынок. Только теперь нужно найти помещение. Твой передатчик ведь должен работать. Может, найдешь подходящее укромное местечко?

Тогда-то Виктор и подумал о комнате для прислуги, принадлежащей его родителям. Но как установить антенну на крыше, не привлекая к себе внимания? Как не попасться, когда передатчик начнет работать? Ведь существует постоянный контроль за эфиром даже в мирное время.

— Не беспокойся, в министерстве внутренних дел люди в курсе. У нас есть надежные друзья. Когда надо будет, предупредят и попросят переехать.

Когда передатчик был установлен, появились две весьма необщительные девушки. Соседи решили, что они англичанки, подружки Виктора. Они и вправду не знали ни слова по-французски — обе прибыли прямо из Палестины. Сара Слушкин и Рут Рашке вели передачи строго по расписанию, используя еврейский алфавит, добавив четыре латинские буквы к его 22-м знакам. Все свободное время они безвыходно сидели в гостинице "Метрополь". Проходя мимо комнаты Шаула, они незаметно подсовывали под его дверь принятые ими и расшифрованные сообщения.

Однако через два месяца пришлось переезжать.

Не одному только Виктору напомнили о клятве верности Еврейской армии. Мосье Поль вызвал и Исидора Пороилеса-Зизи, который сразу же отправился в Мюлуз с заданием "отпереть" границу для составов, организованных представителями "Брихи". Он прибыл в Мюлуз в 4 часа утра, в четверг. Действовать надо было быстро. Через три дня ожидалось первые беженцы из Мюнхена. К этому времени все должно было быть подготовлено на пограничном пункте Неф-Бризак. А у Зизи только два адреса для контактов: раввин и студентка Анет, изучающая химию. Потом он нашел себе помощника — шофера такси с его машиной — и отправился с ним на разведку рейнских берегов. По его просьбе председатель местного Красного Креста распорядился приготовить обед на 800 человек. На наличные Зизи закупил билеты на групповую поездку. Начальник вокзала выделил дополнительный поезд. Затем Зизи возвратился на пограничный пункт, чтобы задобрить полицейского инспектора. Чиновник не проявил ни малейшего восторга при мысли, что придется потратить полдня в воскресенье на проверку документов 800 иностранцев, отправляющихся в групповую поездку с коллективным паспортом. Прошло три дня. Тонкий и гибкий, похожий на танцора, Зизи

прогуливался вдоль железнодорожного полотна в своей широкополой фетровой шляпе. Прибыл состав. Зизи на посту. Сопровождает путешественников Меир Порт — его коллега, работавший в Германии. Оба не на шутку перепугались, когда инспектор приступил к проверке фамилий. Да и было чего опасаться: приложенный к общей визе список, заимствованный чуть ли не из телефонной книги, был отпечатан в Париже, и путешественники едва ли успели запомнить свои новые имена.

— Послушайте, — сказал Зизи. — Эти люди едут прямо из лагерей, им надо в Марсель, посадка на судно намечена на завтра. Мы очень просим вас не слишком усердствовать.

Сигареты, бутылки виски и американские консервы, которыми Меир Порт предусмотрительно набил свой джип, окончательно убедили таможенников и жандармов. Зизи распределил все по справедливости и даже получил заказы на следующий раз.

Вскоре у Зизи появился надежный напарник — бородатый широкоплечий светлоглазый Люсьен Рюбель, ставший вскоре одним из легендарных людей "Брихи".

Первое задание, которое получил Люсьен на этом поприще, было трудным и чуть не окончилось провалом: прибывшие из лагерей беженцы, имевшие транзитную визу в Антверпен, должны были ехать в Марсель. Полиция не соглашалась разрешить изменение маршрута, и людей заставили пересечь на первый же поезд, идущий в Бельгию, где им пришлось провести два месяца. Люсьен переправил их во Францию через два разных пограничных пункта. Он умудрился сделать это в два приема в течение одного дня по одному и тому же списку. Между обеими операциями прошло полтора часа.

Инструкции Мосада были недвусмысленны: агенты во Франции должны всячески избегать скандалов и по мере возможности не вмешивать французских чиновников в свои дела, чтобы не осложнять политическую

и дипломатическую игру французских правительственных кругов. Это означало, что каждый должен полагаться только на самого себя и лишь в самых крайних случаях прибегать к помощи высокопоставленных лиц.

Зизи и Люсьену почти всегда удавалось усыпить бдительность полицейского контроля, но бывали и неудачи. Начальник ДСТ, французской тайной полиции, Роже Вибо и его помощник Станислас Манжен знали о деятельности Мосада и были готовы оказывать ему всяческую помощь, при условии соблюдения тайны. Правда, они не давали своим подчиненным никаких прямых указаний и в ход дел не вмешивались, но изредка умеряли пыл своих чрезмерно усердных чиновников и предупреждали руководителей Мосада о грозящей опасности. Такое отношение объяснялось не только сочувствием к евреям, спасшимся от уничтожения, и к делу сионизма, но и политическими соображениями. Англичане с помощью интриг положили конец французскому присутствию в Сирии и Ливане. Теперь французам представлялась возможность отыграться.

В то самое время, когда Виктор Зипштейн перевозил свою радиоустановку на новую квартиру, другой участник группы мосье Поля — бывший партизан Серж Перль — устанавливал без ведома французских властей еще один передатчик в Везине, на территории еврейского детского дома. Три радиста, в том числе Азриэль Энав, выдававшие себя за воспитателей, чувствовали себя в полной безопасности и, пренебрегая всеми правилами осторожности, нарушали важнейший закон всех подпольных радистов — вести передачу не более трех минут подряд. Летним утром 1946 года всех трех воспитателей, вместе с директором, арестовали, приняв за фашистских агентов.

Посоветовавшись с мосье Полем, Перль отправился к самому Роже Вибо, чтобы рассказать ему, как на самом деле обстояло дело с передатчиком. Директор

службы наблюдения сразу же пригласил его к себе в кабинет, даже не спросив, кто он.

— Мне незачем знать, кто вы, но мне известно, зачем вы пришли.

Он сказал также, что готов видеть в своем посетителе представителя иностранного государства, так как твердо верит в то, что еврейское государство вскоре будет создано. Сам он сторонник такого решения. Он готов отпустить "воспитателей", но должен получить их код. Перль обязался прислать ему более компетентного человека. Рашель Шагац вскоре передала Вибо все необходимые данные, с помощью которых можно было расшифровать послания, над которыми его лучшие специалисты безуспешно ломали себе голову. Он потребовал также, чтобы она доставила ему расшифрованные и переведенные на французский язык тексты передач, транслировавшихся из Везине.

Виктору, Саре, Рут и четырем радисткам, прибывшим из киббуца Эйн-Харод, повезло. Служба наблюдения помогала им своими советами и неотступно следила за выслеживающими их английскими агентами. Сеть продолжала налаживать средства связи. Азриэль Энав приехал в Марсель, где он вместе с двумя инструкторами из школы связи Хаганы создал бригаду, насчитывающую 23 радиооператора. Было установлено еще несколько передатчиков. На территории Франции членам Мосада работалось легко. Бояться было нечего. Полиция пускалась в погоню за машинами английских шпионов, пытавшихся их выследить. Такое плодотворное сотрудничество было результатом деятельности известного адвоката Андре Блюмеля, устроившего первую встречу Сержа Перля с Роже Вибо. Андре Блюмель во времена правительства народного фронта был директором кабинета Леона Блюма. С сентября 1944 года по январь 1946-го он руководил канцелярией министра внутренних дел, социалиста Адриена Тиксье. В годы оккупации, вместе с группой коммунистов-евреев, он создал Еврейский союз сопротивления и взаимопомощи. Отказавшись от официальных постов

во французском правительстве, он стал председателем Сионистской федерации Франции.

Генеральному директору национальной безопасности Андре Пелябону, а впоследствии его преемнику Пьеру Бурсико, было известно, что главный передатчик Хаганы установлен на вилле матери адвоката Блюмеля, недалеко от Рюэля.

Г Л А С Б Е Р Г

Свою книгу о царе Давиде он посвятил "Еврейскому народу, который дал миру Ветхий и Новый завет и многое другое в области искусства и науки. Долг этот остался неоплаченным". Он заявил во всеуслышание, что восхищается евреями, питает дружеские чувства к Франции и высоко ценит дружбу и солидарность традиционно демократических стран. Но известность он получил не как литератор, а как политический деятель. Дафф Купер был официальным послом, представителем правительства Его Величества в Париже.

Следуя инструкциям премьера, лидера лейбористов Эттли, 6 декабря 1946 года он вручил Леону Блему, бывшему председателю совета министров и лидеру французских социалистов, письмо следующего содержания:

"Благодарю Вас за Вашу телеграмму от 30 ноября, в которой Вы просите меня отсрочить депортацию 4 тысяч беженцев, пытавшихся проникнуть в Палестину 26 ноября на борту судна "Кнессет Исраэль". Эти иммигранты были высланы на Кипр 29 ноября, в ожидании выдачи сертификатов на въезд в соответствии с иммиграционной квотой, установленной законом. Ни одно правительство не может потерпеть нарушений закона об иммиграции. Однако уже приняты меры для выдачи сертификатов на въезд в Палестину в первую очередь иммигрантам, находящимся на Кипре. На этом основании 3 тысячи человек уже выехали в Палестину; дополнительный контингент в 1750 человек

находится в транзитных лагерях, но вскоре также получит разрешение на въезд. Из них 750 человек будут приняты на основании квоты, действительной до 15 декабря. Будут приняты все меры для создания хороших условий для иммигрантов во время их пребывания на Кипре”.

Через десять дней Леон Блюм сформировал правительство из одних социалистов и взял себе портфель министра иностранных дел. Министром внутренних дел был назначен Эдуард Дебре. 27 декабря он получил сообщение под номером 6501:

”До меня дошли сведения о том, что около тысячи евреев, находящихся в настоящее время в Праге, намерены проехать через нашу территорию и сесть в Марселе на пароход ”Архангелос”, направляющийся в Сан-Доминго. Однако, согласно сведениям, поступившим из посольства Великобритании в Париже, правительство Доминиканской республики, к которому британское правительство обратилось с запросом, заявило, что не готово принять этих евреев на своей территории. Одновременно направляю письма нашему послу в Праге и военному бюро по выдаче трехсторонних разрешений в этом городе, в которых прошу отказать этим иммигрантам в выдаче любых транзитных виз. Имею честь довести это до вашего сведения. За министра иностранных дел (Леона Блюма) и по разрешению: уполномоченный министр — подпись: Филипп Перье”.

Дебре — третий социалист, занимающий пост министра внутренних дел со дня освобождения Франции. Полученное сообщение его удивило, и он передал его своему другу Андре Блюмелю. Адвокат немедленно отправился к своему бывшему шефу. Читая этот текст, Блюм передернулся. Посланное от его имени сообщение министерства иностранных дел было составлено без его ведома!

Леон Блюм сразу же написал конфиденциальную ноту, в которой, в частности, говорилось:

”Министр внутренних дел ознакомил меня с этим делом. Я ответил, что позиция Франции в подобных

делах нисколько не изменилась. Нам незачем проверять достоверность предъявляемых нам въездных виз. Леон Блюм”.

22 января на смену временного кабинета Леона Блюма пришло коалиционное правительство во главе с социалистом Полем Рамадье. Эдуард Депре сохранил свой портфель, а пост министра иностранных дел занял Жорж Бидо, лидер христианских демократов.

Он сообщил Депре, что займет более сдержанную позицию по еврейскому вопросу. Министр внутренних дел заявил в ответ, что считает по меньшей мере странным, чтобы правительство, возглавляемое социалистом, пересматривало политику предыдущего социалистического кабинета. Но Бидо настаивал на своем. Ответственные чиновники его министерства старались не огорчать ”естественного союзника”.

25 января по распоряжению Бидо отдел административных и социальных конвенций направил генеральному управлению торгового флота письмо за номером 57—А—СЗ, в котором предлагалось рассмотреть вопрос о запрещении выхода из французских портов некоторым иностранным судам, перевозящим еврейских беженцев с невыправленными документами. Но управление торгового флота относилось к ведомству социалиста Жюля Мока, еврея по происхождению и горячего сторонника сионизма, возглавлявшего министерство транспорта. Не прошло и недели, как задетый за живое министр ответил весьма недвусмысленно:

”Я не могу отрицать значения трудностей, которые могут возникнуть в отношениях с правительством Великобритании, а также и того, что мы должны тщательно контролировать действия этих судов. Но, как и я, Вы не можете не понимать, что было бы чрезвычайно рискованно задерживать во французских портах суда под иностранным флагом. Я считаю возможным вмешиваться в подобные дела лишь в тех случаях, когда будет доказано, что эти суда нарушают международное законодательство в области торгового флота, в частности, в отношении безопасности в открытом море.

Однако если по причинам международного характера окажется желательным задержать эти суда, эти операции не имели бы никакого отношения к моему ведомству, и я, в качестве министра общественных работ и транспорта, не считал бы для себя возможным в них участвовать. Впрочем, я позволю себе заявить Вам, что считаю необходимым, чтобы меня информировали о любой переписке по этому вопросу”.

Одновременно между представителями трех западных оккупационных зон Германии велись переговоры об упорядочении процедуры выдачи выездных виз и транзита перемещенных лиц.

13 марта Андре Блюмель, раздраженный позицией Бидо и его ближайших сотрудников, направил Рамадье, с которым он состоял в одной партии с 1915 года, патетическое письмо:

”Мой дорогой Поль, твой предшественник Леон Блюм занял в отношении вопроса о еврейском транзите, кстати говоря, законном с точки зрения Франции, следующую позицию: нам незачем проверять достоверность предъявляемых нам въездных виз. — Разве твое правительство занимает по этому вопросу иную позицию? Если это не так, то я бы хотел, чтобы твое правительство напомнило чиновникам из министерства иностранных дел, что они должны выполнять решения правительства. Я готов дать любые разъяснения по этому вопросу сотруднику, которого ты назначишь. Буду рад, если тебе удастся незамедлительно решить эту проблему. Спасибо”.

Директору отдела регламентации и службы по делам иностранцев министерства внутренних дел Марселю Пажесу не требуется ничего объяснять. Этот усердный читатель Библии знает, в чем состоит его долг. Встречи с прогрессивным священником аббатом Гласбергом, директором Центра социальной ориентации иностранцев, немало этому способствовали. Аббат Гласберг — французский гражданин, родом из Польши, католик еврейского происхождения, человек с ясным умом и близорукими глазами; его

призвание — помогать чужестранцам, попавшим в беду. Окончив среднюю школу в Житомире, он в возрасте 18 лет эмигрировал во Францию, поступил в духовную семинарию, был посвящен в сан в 1938 году, а в 1940 году вступил в ряды Сопротивления в городе Лионе. Заочно приговоренный к казни в 1943 году, он под чужим именем был назначен кюре в один из приходов в окрестностях Муассака и сражался в маки в департаменте Тарн-э-Гаронн. После войны он открыл контору на Елисейских полях; его занятие — беженцы. Так он связался с Пажесом. Немало чиновников, бывших участников Сопротивления, сохранили привычки подполья. Постепенно появились связи. Но при этом нельзя было ни в коем случае ставить в затруднительное положение политических деятелей или осложнять отношения Франции с ее союзниками.

Жена Жюля Мока рассказала Марку Ярблему, товарищу детства Бен-Гуриона, редактору французской сионистской газеты на языке идиш "Унзер Ворт" и представителю политического отдела Еврейского агентства, о дружеских отношениях между Пажесом и Гласбергом и посоветовала воспользоваться ими. Ярблом пригласил священника и Эхуда Авриэля в ресторан. Во время завтрака Гласберг принял предложение работать для Мосада. Он навестил Пажеса и рассказал ему о новых страданиях евреев Центральной Европы.

— 250 тысяч евреев прозябают, как и в гитлеровские времена, в лагерях на территории Германии, не считая 32 тысяч, которые обречены владеть самое жалкое существование в Австрии на средства ЮНРРА, 30 тысяч человек Джойнт содержит в Италии и 150 тысяч застряли на польской границе. А ведь каждая жизнь, вырванная у палачей, это чудо, каждая душа, которая выстояла, не погрузившись в пучину безумия, — это душа, на которую снизошла благодать. Благодаря какому чуду, какой благодати эти евреи, мужчины и женщины, а главное подростки и дети смогли выжить и сохранить веру в жизнь, несмотря на все ужасы? Сионистские идеи нашли у них страстный отклик,

ибо они находятся в нравственной пустыне, и нет у них другой надежды. Сионистские идеи дают надежду на исход на далекую родину, где они станут свободными и будут приносить пользу. Мужчин необходимо верить в то, что их руки способны созидать и строить, женщинам — что и впредь они смогут рожать детей. Людям нужно обрести смысл жизни. В их унылых лагерных буднях возникли очаги жизни: фермы, школы, где они, готовясь к переезду в Палестину, изучают язык иврит и основы сельского хозяйства. Эти несчастные люди мечтают о Земле обетованной, текущей молоком и медом. Эта мечта, эта надежда тем сильнее, что не угасала она в еврейской душе за два тысячелетия рассеяния. Поверьте мне, дорогой друг, решение этого вопроса не относится к области политики. Это дело милосердия.

Пажес, на которого эти слова произвели сильное впечатление, решил поддержать столь страстно защищаемое его собеседником дело. Он сразу же предложил оформлять коллективные визы, выдаваемые его ведомством в двух экземплярах для того, чтобы использовать оригиналы и копии на различных пограничных пунктах. Итак, в то время, когда Управление безопасности территории препятствовало деятельности английских агентов, Отдел регламентации закрывал глаза на то, как использовались транзитные визы, а морская инспекция выполняла распоряжения Жюля Мока. У англичан и в самом деле были некоторые основания сомневаться в том, что Франция действительно обеспечила нейтрализацию своих границ и берегов, как это было обещано министерством иностранных дел. 21 марта Дафф Купер вручил Жоржу Бидо меморандум, состоящий из четырех пунктов. Французское правительство в течение четырех недель обсуждало этот документ, представлявший собой настоящий ультиматум.

”На протяжении последних месяцев посольство Его Величества неоднократно направляло министерству иностранных дел ноты и заранее предоставляло полные

сведения относительно многочисленных судов с незаконными иммигрантами на борту, которым в конечном счете удалось покинуть французские территориальные воды и направиться к берегам Палестины... Французское правительство не приняло никаких действенных мер для пресечения...

За последнее время количество таких рейсов увеличилось. В настоящее время главным центром перевозок является Марсель... Имеются многочисленные доказательства того, что незаконная еврейская иммиграция — это не стихийное переселение беженцев, а тщательно организованная сионистская кампания...

Правительство Его Величества предлагает французскому правительству безотлагательно принять действенные меры для предотвращения выхода новых судов с нелегальными иммигрантами из французских портов..."

Ответ на эту ноту заставил себя ждать. У Парижа были дела поважней: забастовка мясников — столица на целый месяц осталась без мяса, экономические трудности, сокращение дневного хлебного рациона до трехсот пятидесяти граммов и многое другое, в том числе и важные внутренние политические проблемы.

В понедельник 21 апреля Рамадье, в отсутствие Бидо, собрал министерскую комиссию по вопросам, поставленным английской нотой. В этом совещании приняли участие заместитель председателя совета министров Пьер-Анри Тетжен, поддерживающий Жоржа Бидо и временно исполняющий его обязанности, Жюль Мок, Феликс Гуэн — председатель совета по планированию (социалист), государственный министр Ивон Дельбос (радикал), государственный министр Марсель Роклор (радикал), генеральный директор отдела административных и социальных конвенций министерства иностранных дел Ремон Буске, Марсель Пажес и Андюз-Фарис — генеральный секретарь управления торгового флота. В результате дискуссии, продолжавшейся более часа, были приняты решения, о которых в частном порядке сообщили Андре Блюмеля.

1. Временно исполняющему обязанности министра иностранных дел Тетжену поручается подготовить твердый ответ Даффу Куперу.

2. Уточняется, что подвергаться проверкам будут только коллективные визы, формальности в отношении индивидуальных виз будут теми же, что и применяемые ко всем другим иностранцам.

3. Решено, что Франция не будет высылать евреев, тайно проникших на ее территорию.

Три дня спустя Тетжен направил ответ Даффу Куперу.

"1. Проверки, предусмотренные законодательством, проводились во всех случаях, когда были сделаны соответствующие декларации отплывающих судов. Расследование показало, что некоторые из судов, перечисленных в нотах посольства Великобритании в Париже, взяли на борт пассажиров без соблюдения установленных формальностей. Компетентным учреждениям было предложено обращать особое внимание на проверку оборудования по обеспечению безопасности, находящегося на судах "Архангелос", "Президент Уорфильд" и "Анал", стоящих в настоящее время в Марсельском порту.

2. Французское правительство предписывает всем префектам выдавать французские въездные визы по коллективным паспортам лишь после проведения предварительной проверки французским министерством иностранных дел и соответствующими посольствами и представительствами аутентичности въездных виз...

3. Прежде чем приступить к рассмотрению вопроса о выполнении распоряжений, связанных с высылкой иностранцев, незаконно проникших на французскую территорию, правительство Франции должно убедиться в том, что страны, на территории которых эти иностранцы проживали, готовы снова их принять. Это распоряжение относится главным образом к западным зонам Германии и к Австрии, где проживало большинство иммигрантов перед въездом во Францию. По

этому поводу французское правительство желало бы получить от правительства Великобритании гарантию того, что командование английской зоны Германии расположено принять этих иммигрантов...

В заключение считаю необходимым сообщить Вашему Превосходительству, что вышеприведенные распоряжения будут выполняться во Франции без какой бы то ни было расовой, языковой или религиозной дискриминации".

Руководители Мосада были обеспокоены, несмотря на заверение Блюмеля и Пажеса, утверждавших, что речь идет всего лишь о формальных уступках. Удастся ли им провести операцию "Президент Уорфилд" на французской территории? Встревожившись, они отправили корабль из Пор-де-Бука в Италию за три дня до ответа Тетжена Даффу Куперу. Теперь, когда из-за регламентации транзита будет затруднена доставка иммигрантов, они боялись делать ставку на французскую Ривьеру. Особенно сильно был обеспокоен доктор Моше Снэ. Он покинул пост командующего Хага́ной, чтобы приступить к обязанностям руководителя политического отдела Еврейского агентства в Европе и контролировать от имени агентства деятельность сети Алии бет. Его выводы были пессимистичны. Международная конъюнктура внушала тревогу.

Мирная конференция в Москве окончилась ничем. Пятого мая в Париже министры-коммунисты были вынуждены выйти из коалиции, находившейся у власти с самого Освобождения. 16 мая Бидо, выступая на пресс-конференции, намекнул на то, что между Францией и Англией ведутся переговоры по Ближневосточному вопросу. 29 мая постоянный представитель Великобритании в ООН сэ́р Александр Кадоган обратился к правительствам 58 стран-участниц с призывом принять срочные меры для пресечения транзита через их территорию и отпра́вления из их портов незаконных еврейских иммигрантов в Палестину. 5 июня в Гарварде государственный секретарь Соединенных Штатов

генерал Маршалл изложил свой план помощи экономическому восстановлению Европы, предлагавший, как ответную меру, политическое сближение западных стран. 17 июня Бевин встретился с Бидо в Париже для выработки совместного предложения о созыве европейской конференции по поводу плана Маршалла.

Внимательно следивший за событиями Снэ счел необходимым обратиться к странам Восточной Европы и пойти по пути дальнейшего укрепления связей, возникших в результате заключения первых договоров с Клементисом в Праге, с Тито в Белграде и с Анной Паукер в Бухаресте. Он надеялся использовать порты Адриатики и Черного моря для решения проблемы переброски беженцев. Но нужно было действовать. 12 июня "Президент Уорфилд" снова оказался в Порде-Буке.

Как-то в полночь Веня зашел к Шаулу. Вдвоем они решили форсировать ход событий, воспользовавшись двойной игрой французов.

Веня вызвал Руди в Марсель: судно должно быть готово к выходу в море до 20 июля. Место посадки будет сообщено в последний момент. Выбор его будет зависеть от Жюля Мока и местной полиции, во главе которой стоял комиссар Амбрози в Марселе. Жюль Мок советует использовать порт Сет, депутатом от которого он является и где большинство служащих и технических специалистов являются активистами социалистической партии. Однако он советовал швартовать судно не в новом портовом бассейне, морской фарватер которого пересекается подвижным мостом, а в старом бассейне аванпорта, имеющем свободный выход к морю.

Но в связи с новыми распоряжениями относительно коллективных виз на выезд в другие страны возникли новые трудности. Для их разрешения Веня воспользовался доброжелательностью колумбийского консула в Марселе генерала Хосе Делано, уже выдавшего фиктивную коллективную въездную визу группе из 1250 беженцев. Правда, на этот раз от него требовались

услуги более деликатного свойства, а именно: выдать 4500 индивидуальных въездных виз по списку фамилий, наугад выбранных из телефонной книги. Консул согласился за пять долларов с каждого документа, при условии, что ни один из получателей визы не въедет в Колумбию. Но подписать 4500 виз — дело не легкое, и генерал Делано предпочел передоверить эту работу Вене, вручив ему свое факсимиле и печати. Оставалось только доставить пассажиров. На юге Франции большинство транзитных лагерей опустели после предыдущих рейсов, и кандидатов на подпольную алию набралось всего несколько сотен. Пришлось обратиться к обычному источнику Алии бет — лагерям беженцев в Германии и Австрии.

Этой работой занимались эмиссары и проводники "Брихи".

ЭРНСТ

Мольштрассе в Мюнхене превратилось в еврейскую улицу, большинство сионистских и несионистских еврейских организаций расположились в реквизированных домах. Здесь-то Эрнст Франк и получил от Вени следующее сообщение: "Срочно организуйте новую операцию, соберите 4500 кандидатов и отправьте их в течение недели, между двумя воскресеньями. Получите 24-го две транзитные коллективные визы на 850 человек каждая. Первый состав — 29-го".

"Язва Бевина" — под этим ироническим названием "Бриха" закодировала ночные операции по эвакуации лагерей и перевозке беженцев. Конечно, у Эрнста уже имелся опыт в этом деле. Но перевезти в такой короткий срок более 4 тысяч беженцев, переправить их во Францию, имея на руках визы всего лишь на 1700 человек, — это уже был рекорд. Смелости ему было не занимать; в ноябре 1940 года он бежал из Германии на речном пароходе, курсировавшем по Дунаю; он находился на борту судна "Патрия", стоявшего на рейде в Хайфе, когда оно было взорвано Хаганой. На этом судне англичане намеревались вывезти из страны 1770 нелегальных иммигрантов. Около 250 человек погибли во время взрыва. Эрнст избежал депортации. Семь лет спустя Эфраим Декель назначил его своим помощником и посадил в контору на Мольштрассе, откуда тот должен был руководить мюнхенским центром сети, которую Эфраим так тщательно сплел и раскинул по всей Европе.

Декель тоже был смелым человеком. Бывший агент Хаганы в палестинской полиции, он был послан саперно-пожарной бригадой Хайфы "изучать методы тушения пожаров за границей". На самом деле этот вездесущий кругленький молодой человек, державший всю свою бухгалтерию в голове, без усталости носился по одиннадцати европейским странам, имея в своем распоряжении триста эмиссаров и тысячу сопровождающих и проводников, мобилизованных на местах, чтобы обеспечить "проницаемость границ". Если он выбрал местом своей штаб-квартиры почти тысячулетнюю пражскую синагогу, то это произошло потому, что через чешскую столицу проходили потоки беженцев, двигавшихся на юг (в Италию через Вену) и на запад (во Францию через Мюнхен). Кроме того, Чехословакия была единственным государством, правительство которого признало официально бюро "Брихи" (25 июня 1946) и открыто поддерживало его деятельность.

В лагерях появление еврейских добровольцев из Палестины в форме солдат союзных армий и офицеров ЮНРРА — Администрации по вопросам помощи и восстановления при ООН — воспринималось как приход мессии. Совсем иные чувства охватывали самих добровольцев — для них эта встреча была настоящим ударом. Перед ними были физически и нравственно разбитые люди, без прошлого и без будущего. а иногда и без всяких нравственных устоев, неспособные вести борьбу. Этих людей необходимо было убедить, что для них еще есть место на земле, что это место — среди своего народа — придется, может быть, завоевать ценой новых страданий. Их нужно было приучать к дисциплине, заставить избавиться от громоздкого тряпья, соблюдать порядок при посадке на грузовики, часами молчать в духоте, под раскаленным брезентом, при переключке отвечать на чужое имя. Правда, теперь есть транспорт, есть поезда... Но 18 апреля американская армия отказалась принимать, кормить и перево-

зить новых беженцев, массами прибывавших из Восточной Европы.

В каждом лагере перемещенных лиц, где содержались евреи, ребята из "Брихи" и представители различных партий и молодежных движений Палестины создали комитеты Алии. Каждая партия стремилась укрепить свое положение, завербовать побольше сторонников, получить побольше субсидий. Было немало партийных раздоров. Несмотря на положительную роль, которую эти комитеты сыграли в организации общественной жизни в лагерях, их присутствие затрудняло отбор кандидатов для предстоящей операции.

Эрнст понимал всю сложность своей задачи — эти 4 тысячи добровольцев должны были достойно представлять "перемещенное население", так, чтобы подготовляемое плавание стало символом, образцовым исходом из Европы, подобным исходу из Египта. Действовать надо было срочно. Эрнст обратился к комитетам Алии в 20 лагерях на территории американской и британской зон с просьбой выбрать контингенты перемещенных лиц пропорционально числу беженцев, находящихся в лагере с учетом страны происхождения и процента голосов, полученных каждым из движений на Базельском сионистском конгрессе. Все группы он разместил в двух больших лагерях американской зоны. Там он их перераспределил и разбил на пять групп для пяти железнодорожных составов; он позаботился также о наилучшем использовании обещанных виз. Документы были выданы 23 июня вице-консулом Франции в Мюнхене Моравиком. Это были визы для 1689 человек, сроком на три месяца, предусматривавшие — в соответствии с распоряжением министра от 16 апреля, — что заботу о них возьмет на себя Совет помощи эмигрантам и трудящимся-евреям.

— Я не могу дать вам больше, не привлекая внимания чиновников и не рискуя тем, что это станет известно в министерстве иностранных дел, — объяснил Пажес Вене и Гласбергу. — Но вы можете использовать их дважды, на двух пограничных пунктах одновременно.

Устройте так, чтобы это было в воскресенье, в час обеда. В случае, если дежурные полицейские проявят любопытство или усердие и попытаются связаться с руководством управления, я оставляю телефонисту номер телефона, по которому со мной можно будет связаться. По уклончивому или резкому ответу они поймут, что нарушают покой важного чиновника и не станут настаивать.

Получив списки, Эрнст сразу принялся за дело: снял копии для "параллельных" автоколонн, которые двинутся по дорогам; перевозка пассажиров по первым спискам будет осуществлена по железной дороге в поездах, которые американцы обещали предоставить международному бюро беженцев; напечатал 1689 удостоверений. Но не все еще было сделано. Надо было, чтобы документы хоть в какой-то мере соответствовали возрасту и полу тех, кому они вручались; а главное, не допустить ошибки при подборе мнимых семей — они должны были казаться хоть сколько-нибудь правдоподобными. Оригиналы виз под номерами 2874/47 — 2879/47 были вручены 1689 беженцам, сконцентрированным в лагере Ландсберг-ам-Бех в Баварии, неподалеку от Мюнхена. Оттуда-то и должны были отправиться в Страсбург два специальных поезда, сопровождаемые американскими солдатами. Это были старые деревянные товарные вагоны, вмещавшие по 25—30 пассажиров.

Вторая партия беженцев должна была ехать на грузовиках. Автоколонны намечено было отправить от казармы Седан в Нойе-Ульм, в сотне километров к западу от Мюнхена, у самой границы французской оккупационной зоны. С первыми беженцами прибыли 70 детей из сиротского лагеря в Индерсдорфе. Один из старших подростков, Цви Якубович, которому не исполнилось еще и шестнадцати лет, подготовил их к "пикнику". Эта группа детей официально считалась пропавшей без вести. Их передали на попечение воспитательницы по имени Мая, которая посадила их на один из первых грузовиков автоколонны.

Организация автотранспорта была поручена жене Эрнста Ханне. Всего предполагалось три автоколонны по 33 грузовика, которые будут последовательно отправляться каждые 3 дня с 28 июня по 5 июля. Грузовики выезжали ночью. Впереди в "шевроле" ехала Ханна с Меиром Портом. Автоколонну замыкали две машины с сопровождающими. Последним ехал Габриэль Лурье в форме офицера ЮНРРА, — в случае чего, он должен был выручать. Взад и вперед вдоль колонны носился на мотоцикле сорви-голова Ицхак-Югослав.

В воскресенье, 29-го числа, в соответствии с разработанным планом, первая колонна подошла к мосту Неф-Бризак. Вторая колонна, также по графику, прибыла в следующий четверг. Но накануне отправления третьей колонны поступило тревожное сообщение о военных патрулях на дорогах. Ханна назначила сбор в 12 километрах от лагеря, разработала новый маршрут и добилась от французского вице-консула еще одной новой визы для 906 человек.

Переход из американской во французскую зону не представлял особых трудностей: немецкие полицейские, дежурившие с французской стороны, были готовы все сделать за пачку американских сигарет. Автоколонны машин с натянутыми брезентами и потушенными фарами пересекли Шварцвальд. Случилась неприятность: на перекрестке французская военная машина врезалась в один из грузовиков. Подвыпившие французские солдаты подняли шум. Ицхак, в фуражке американского офицера, тут же подъехал на своем мотоцикле, схватил за шиворот одного из пьяных и уложил его в нокаут. Предупрежденная французская военная полиция нагнала было колонну и захотела проверить груз. У сопровождающих лиц не было разрешения на проезд по этой зоне. Шестьдесят пачек американских сигарет и пятьсот франков решили дело, никто никого не видел. Караван мог продолжить свой путь.

Ни одному из чиновников на границе и в голову не пришло позвонить в министерство внутренних дел для

проверки достоверности транзитных виз. В воскресенье, 29 июня, особый комиссариат в Кольмаре, которому подчинялся пограничный пункт Неф-Бризак, проверил оба списка первой автодорожной колонны; никаких осложнений не было.

Во вторник, 1 июля, пограничники Рейнского моста в Страсбурге регистрировали въезд по железной дороге 847 беженцев. В четверг, третьего июля, их было 634: номера виз соответствовали номерам въездных документов пассажиров первой колонны. В тот же день 842 транзитника, прибывших автотранспортом, были отмечены в Неф-Бризак: у 635 из них те же имена и номера, что и у пассажиров, прошедших за два дня до этого контроль на Рейнском мосту.

В следующее воскресенье 906 беженцев одновременно перешли мост Неф-Бризак. 418 фамилий уже были использованы во вторник 1 июля в Страсбурге и в четверг 3 июля в Кольмар-Мюлузе.

На другом берегу Рейна были наготове Люсьен Рюбель и Зизи-Пороилес. Они мобилизовали студентов-медиков в качестве сопровождающих: с помощью Красного Креста организовали прием беженцев, их доставку на Мюлузский и Страсбургский вокзалы и перевозку в Марсель. По дороге чуть не случилось несчастье: между Мушром и Амберье из поезда выпал младенец в коляске. Стрелочница нашла его живым и невредимым: он зацепился пеленками за колючий кустарник.

— Настоящее чудо! Спасенный Моисей, — воскликнула женщина, когда сопровождающие, остановив поезд, пришли за ребенком.

Х А Н А Н

Почтенный Фредерик То, председатель Марсельского отделения Федерации еврейских обществ Франции, — лицо официальное. Этот общительный человек всюду вхож. У него собственный дом на Рю-де-Конвалесан, неподалеку от зоопарка, а живет он в красивой белой вилле на берегу моря, в имении, в котором, согласно донесению разведывательной службы от 31 мая 1947 года, размещалась мореходная школа (готовившая рулевых, лоцманов и радистов) организации ОРГ, которой он руководил.

По другому полицейскому донесению, г-н То руководил одиннадцатью центрами по приему и содержанию еврейских беженцев. Это были виллы и замки, обнесенные высокими стенами, окруженные парками или нависающие над морем. Они были расположены в радиусе 50 километров вокруг Марселя. По оценке Службы общей безопасности в этих центрах было 1650 мест, кроме, примерно, 10 тысяч мест в двух больших военных лагерях, полученных от армии. Указывалось также, что спальные принадлежности, кухонное и отопительное оборудование были выделены из излишков американской армии или предоставлены ЮНРРА и Джойнтом. Но, как отмечалось в донесении, полицейских допускали туда только при наличии специального разрешения представителя еврейской общины, ответственного за контакты с внешним миром.

На самом деле господин То занимался административными делами, снабжением и улаживанием спорных

вопросов. Настоящими же руководителями, душой этой "роскошной" на вид жизни были трое ребят из Хехалуца, обосновавшихся в том же доме, где помещалась Федерация. "Три мушкетера", которых, в сущности, как в романе Александра Дюма, было четверо: два еврея-иностранца, один натурализовавшийся и одна французская еврейка родом из Тура. Главным "хозяином" был Ханан Райхман, эmissар Еврейского агентства. Он прибыл во Францию в январе 1946 года. Ему тридцать пять лет.

Выходец из Силезии, Ханан эмигрировал из Германии в Палестину в 1933 году. Три года спустя он был направлен Еврейским агентством в Данию, где должен был организовать работу среди первых жертв гитлеровских преследований и поддерживать связь с оставшимися в Германии халуцим. Весной 1940 года, когда вермахт захватил Данию перед тем, как напасть на Норвегию, Ханан находился в Копенгагене. С палестинским паспортом в кармане, обеспечивавшим некоторую защиту, он в течение шести недель обивал пороги всех посольств нейтральных стран, добываясь визы. В конце концов ему удалось выехать в Швецию, где он и застрял на некоторое время. Действительно, Советский Союз, еще не вступивший в войну, запрещал подданным Британской империи транзит через свою территорию. Пришлось несколько месяцев дожидаться разрешения, чтобы через Россию добраться до Балкан, а потом и до Греции, в самый момент вторжения. Ханану в конце концов удалось вернуться в Палестину через Турцию. Но уже в начале 1946 года он отправился во Францию на помощь Рут Ключер и Эхуду Авриэлю. После двухнедельной стажировки в гостинице "Метрополь", в штабе Мосада, он прибыл в Марсель, где наладил связи с Руди и его ребятами.

Тот, кому суждено было стать его правой рукой, был уже на месте. Он прибыл недели на две раньше с группой халуцим, приехавших для прохождения сельскохозяйственной подготовки в школе-ферме в Шатонеф-ле-Руж. Его звали Альфред Мюллер: об

Алие бет он не знал ровным счетом ничего, не знал даже того, что существует нелегальная иммиграция. Он тоже родом из Германии. Бежал во Францию в 1937 году, в возрасте 12 лет. Прошел школу халуцианского движения, участвовал в Сопротивлении, затем принялся за изучение электричества и акустики. Директор центра Хехалуц в Париже послал его инспектировать молодежные лагеря и фермы-школы Аквитании и Гасконии, а потом и в Марсель. Он еще не знал о том, что всеми делами Хехалуца заправлял Ханан Якоби — представитель Мосада.

Альфред собирался пробыть в Марселе два дня. Однако его попросили дождаться приезда Ханана Райхмана. Он все понял, когда ему тут же поручили снабжение первого транзитного центра, расположенного в незаконченном доме, в котором еще не было окон.

Продукты питания все еще нормировались, а Хехалуц не имел никаких фондов. Приходилось ловчить. Он покупал мясо на черном рынке, и у него никогда не оставалось денег на трамвайный билет, так что он клал пакет в вагон прямо на пол, а забирал его товарищ, ожидавший на конечной остановке.

Первого мая 1946 года Альфред отправился на вокзал Сен-Шарль за тридцатью иммигрантами из Голландии. В праздник Труда общественный транспорт не работал. Нужно было пройти двенадцать километров пешком. Чтобы не привлекать внимания к своей когорте, Альфред купил красных флагов, под социальным прикрытием которых она благополучно добралась до места назначения.

Организация еще только создавалась. У нее не было ни финансов, ни счетовода, да и существовала-то она только благодаря усилиям добровольцев. Среди них была и Симона Леви, ассимилированная французская еврейка, содержащая магазин предметов культа в Турени, на берегу Луары. Она ездила в Германию по заданиям ЮНППА. Ее разговорчивость, общительность и связи могли весьма пригодиться. Она знать ничего не знала ни об иудаизме, ни о сионизме, зато она, как

никто другой, умела отыскивать заброшенные дома, уединенные недорогие поместья, нанимать рабочих и подрядчиков для оборудования спален и уборных, находить врачей и добывать лекарства, а также завоевывать расположение властей.

Благодаря Симоне Леви вскоре удалось приобрести еще два дома. Все же к Рождеству еще не хватало места для приема нескольких сот марокканских евреев. Симона прослышала о том, что где-то в окрестностях Марселя находится лагерь вьетнамских солдат. Она добилась от коменданта согласия предоставить в ее распоряжение часть свободных помещений. Полупьяный офицер согласился принять беженцев, не дожидаясь разрешения министерства (и действительно, ответ прибыл только через шесть месяцев). Разрешения не нужно, гласило письмо, присланное властями. Лагерь ваш, раз вы в нем находитесь.

Во Франции не найти было лучшего места для транзита. И платить не надо было ни гроша. Вскоре были эвакуированы последние солдаты, и лагерь целиком оказался в распоряжении Хехалуца.

Джойнт предоставлял деньги и запасы: целые грузовики очиненных карандашей, собранных в США, белье, килограммы шоколада и ящики ананасов.

Перебравшись на Рю-де-Конвалесан, группа приобрела четкие организационные формы. Для ведения бухгалтерии нашелся четвертый "мушкетер" — двадцатисемилетний Шарль Артану. Он приехал из Парижа в Марсель с беременной женой в надежде найти транспорт: он хотел, чтобы ребенок его родился на земле Израиля.

Его семья, прибывшая из Румынии, получила французское гражданство в 1939 году, за месяц до войны. Шарль Артану отдавал все свои силы Центру для эвакуированных детей, созданному еврейскими пионерами в Муассак, в департаменте Тарн-э-Гаронн. В марте 1941 года он вместе с Израэлем Пугачом основал в старом замке без света и воды убежище для евреев-иностранцев. Там обучали сельскохозяйственным ра-

ботам. После закрытия Центра вишийскими властями Шарль вступил в Сопротивление. Вернувшись в Париж, он нашел работу в сионистской молодежной организации и решил, наконец, эмигрировать со своей женой.

По прибытии в Марсель Шарль сразу же обратился в Хехалуц. Альфред Мюллер, к которому он попал, выслушав его просьбу, заявил с места в карьер:

— Еще успеешь уехать. Ты принесешь гораздо больше пользы делу, если поработаешь здесь. Нам нужны французские граждане, вроде тебя, для того, чтобы заниматься эмигрантами из Германии.

И молодой француз стал управляющим хозяйством. Прежде чем приступить к исполнению своих обязанностей, он целую ночь слушал рассказы людей, спасшихся из нацистского ада. Среди них была и горстка отчаянных ребят, бывших борцов Варшавского гетто, оставшихся в живых после подавления восстания.

Постепенно Пальмах взял лагерь под свой контроль. Он пытался навязать свои взгляды Мосаду и Хехалуцу, единственная задача которых состояла в том, чтобы отправлять в Палестину как можно больше людей. Пальмах предпочитал выбирать тех, из которых могут выйти солдаты. Это привело к политическим разногласиям, поставившим под угрозу будущее всей организации, с таким трудом созданной триумvirатом с Рю-де-Конвалесан. С увеличением числа лагерей росла и их политизация. Но это не все. Религиозные круги тоже захотели иметь собственный лагерь в Провансе. К ним попали и русские партизаны, и члены "ревизионистской" партии Бейтар, связанной с "Эцелем". "Левые" лагеря и слышать о них не хотели. Боец Пальмаха Шмуэль по прозвищу Джинджи (Рыжий), докер из Хайфы, который прибыл во Францию в холодильнике "Трансильвании", установил в лагере почти военную дисциплину. Эмигрант из Франции профессор Лионель Наман жаловался в письме своей семье:

”Нами командует какой-то рыжий коротышка-альбинос. Каждое утро свисток: в семь часов он нас собирает на рапорт, нескончаемый и неопиcуемый. Здесь и бородатые старики с пейсами, как будто сошедшие со страниц Шолом-Алейхема, и дети, и беременные женщины, и девушки, и юноши. Все строится по группам, каждая со своим командиром. Тишина. Абсолютная тишина. Маленький рыжий Шмуэль отдает распоряжения: кому подметать, кому убирать уборные, кому чистить картошку... Полная изоляция — вот наш удел. У входа — охрана. Жители соседней деревушки ломают головы: что за люди живут за этими стенами? Впрочем, наши соседи уже привыкли к странностям этой виллы; тут побывали и боши, и американцы. Теперь она отдана несчастным еврейским беженцам, которые спаслись из лагерей смерти. Они еще не знают, что значит быть свободными, особенно самые молодые. Целыми днями они лежат молча на походных раскладушках. Проходят дни, недели... ”Асур! Асур! Нельзя! Нельзя!” Все запрещено, ничего нельзя. Они ведут себя, как капо!”

Во главе лагеря Ла-Сьота стоит радиооператор из Пальмаха Ури Горен, известный своей грубостью. Он ввел железную дисциплину. Разве может он в свои девятнадцать лет представить себе страдания своих ”подопечных”? Правда, иногда он проявляет и теплоту, и сострадание. Но долг его — подготовить этих людей к тяжелым условиям опасного плавания.

Прибывает первый состав из Германии; ”Президенту Уорфильду” приказано приготовиться к отплытию 10 июля — на десять дней раньше намеченного срока. Так посоветовали Вене его французские друзья, опасаясь нажима британского союзника. Дата отъезда будет до последней минуты храниться в строгой тайне. В сети приняты все меры, чтобы предотвратить просачивание сведений из одной группы в другие.

Ханан, Альфред, Симона и Шарль знают об ожидающемся прибытии большого числа беженцев, но им ничего не известно о готовящемся отправлении. Симо-

на раздобывает новые помещения, заказывает походные кровати. Она наблюдает за работой полевого госпиталя и яслей, где около двадцати врачей работают под руководством марсельца, доктора Менделевича. Доктор Якобсон, эксперт французского правительства на Нюрнбергском процессе, открывает психиатрическую лечебницу, где находят убежище подпольные кадры сети.

Шарль занимается снабжением, бухгалтерией и хозяйственной частью огромного "гостиничного" аппарата, в который превратился Хехалуц. Он бесконтрольно распоряжается его большим бюджетом и всеми запасами продовольствия. Однажды польские беженцы чуть не зарезали его за сыр рокфор: они решили, что он кормит их испорченными продуктами, чтобы нажиться. Его обвиняли в том, что он хочет построить себе в Палестине дворец. Возможности его были огромны, потому что все от него зависело: он мог даже изменить в Марселе курс доллара. Но это ему и в голову не приходило.

Что касается Альфреда, то он обрабатывает присылаемые из Парижа поименные списки, которые должны совпадать как с коллективными визами, посланными в Германию, так и с индивидуальными, полученными от генерала Делано, консула Колумбии. Целыми ночами сидит он за работой, ведь нужно оформить 4500 "удостоверений личности". Он вспоминает: год тому назад он немало побегал по иностранным консульствам в Марселе, добиваясь выдачи коллективных виз. Только представитель Эфиопии согласился выполнить его просьбу. В последнюю минуту он сообразил, что Эфиопия не имеет выхода к морю, а следовательно, и портов. Порт Джибути, находившийся вблизи от нее, принадлежал Франции. Он обегал все писчебумажные магазины, пока не раздобыл подробную карту Восточной Африки, и в последнюю минуту нашел более правдоподобный вариант — порт Массада в Эритрее.

К счастью, организация давно уже изжила эти кустарные методы. Визы теперь поступают непосредственно из парижского отдела Мосада. С помощью студента юридического факультета из Женевы Цви Динштейна, мастера гравировать и подделывать подписи, удалось открыть "фабрику фальшивок", успевшую выпустить уже около двенадцати тысяч поддельных документов. Теперь надо только подготовиться к прибытию пяти специальных поездов.

Ханан и г-н То договорились с Национальным обществом железных дорог: составы, в порядке исключения, должны быть поданы на товарную станцию Канэ. Начальник станции опасается, что пути будут загромождены в течение двух или трех дней, как уже случилось в других местах. Ханан его успокаивал: каждый состав будет эвакуирован сразу по прибытии. Уже приготовлены сорок грузовиков.

Первый состав подошел к перрону 30 июня, после наступления сумерек. Собрав начальников купе, Альфред ознакомил их с инструкцией: разбить пассажиров на группы по 30 человек с учетом их политических взглядов, религиозных убеждений, страны рождения, возраста и родственных связей; сообщить им о порядке, установленном в лагерях, и обещать, что это последний короткий этап перед отправлением в Палестину. По свистку все они, соблюдая порядок, вышли из вагонов третьего класса со своими узелками, кое-как перевязанными картонными чемоданами и рюкзаками; затем они выстроились в конце перрона. Свои козы шкуры, немецкие рубища, русские пилотки и сапоги вермахта они выменяли на американские солдатские одеяла и нашили себе из них кепки, пижамы, блузки, брюки. Но мертвенный цвет лица, отличающий всех беспаспортных, у них сохранился. Печать усталости легла на их изможденные лица. Они таращат глаза, они впервые увидели удивительное средиземноморское небо, которое пламя крематориев никогда не освещало. Завтра многие из них впервые

увидят блеск моря. Но только издали: выходить за пределы ферм-лагерей запрещено.

Первым делом надо было составить семьи в соответствии с документами, полученными из "отдела" Цви Динштейна. Бродячие фотографии с улицы Канебьер за одно утро обошли все двенадцать транзитных пунктов и сфотографировали всех находящихся там беженцев. Пленки были проявлены в тот же вечер. На следующее утро друг Руди, хирург, летит в Леон, где префектурой департамента Рона должны быть оформлены по всем правилам выездные документы. Он берет их с собой. На свидетельствах ставится пометка: "По разрешению господина министра внутренних дел от 26 июня 1947 года".

Когда седьмого июля прибыл последний состав, с оформлением в префектуре возиться было уже некогда. Последние восемьсот выездных документов выпустила "собственная фабрика".

Тем временем Иоси совместно со своим штабом разрабатывал подробную программу жизни на корабле, включая и меню, и часы раздачи питьевой воды и пищи. Он посетил все лагеря, начальники которых согласно его инструкциям начали подготовку людей к жизни на корабле. Беженцы должны были вести себя так, как будто плавание уже началось. Кроме того, проводились тренировки, учебные тревоги и репетиции посадки на судно: переключки по ночам, подъем в 6 часов утра, обязательный душ, походы с рюкзаками на спине, рассредоточение групп, проверка багажа и т.д. Нужно было научиться упаковывать все вещи за пять минут, нужно было всегда держаться наготове. Тяжелое это было испытание для несчастных людей, проводших по году, а то и по два года в полном безделье в лагерях перемещенных лиц. Эти люди инстинктивно опасались всего, что было связано с военной дисциплиной: свистки будили у них невыносимые воспоминания.

7 июля Иоси, Руди и Айк в последний раз обошли все сборные пункты, где ютились более пяти тысяч

беженцев. Проверили, насколько хорошо проведена подготовка. Снова стали отбирать людей: больных и чесоточных нельзя было брать. Строго ограничили багаж. Разрешили взять с собой не более десяти килограммов на человека. Этим людям грабили столько раз, что они уже привыкли. Безропотно расстались они со своим лагерным тряпьем. В их глазах Иоси и его товарищи — сказочные герои, которые перевезут их за море и помогут им забыть прошлое.

Альфред и Клод Мизрахи в течение двух ночей наняли 172 грузовика, разработали ночные маршруты и синхронизировали рейсы в порту Сет, где ждал "Президент Уорфильд".

И тут возникло неожиданное препятствие: местные транспортники решили присоединиться к забастовочному движению, охватившему ряд секторов французской экономики. Как выйти из положения? Руди ответил:

— Найти политическое решение.

Мосье Андре и Ханан Райхман, оба члены социалистической партии Мапай, вступили в переговоры с Всеобщей конфедерацией труда. Были пущены в ход и все связи в коммунистических кругах. Внесли миллион в кассу солидарности бастующих. В тот же вечер были получены специальные пропуска, которые водители должны были предъявлять пикетчикам.

В ночь с 9-го на 10-е июля во всех двенадцати провансальских лагерях прозвучал сигнал. Заворчали моторы приближающихся грузовиков. С потушенными фарами задним ходом въезжали они на территорию лагерей. Казалось, под соснами пришла в движение сама почва. Сейчас на краю этой проклятой Европы, которую они готовились безмолвно покинуть, безлунная ночь, но небо чисто и безоблачно.

КНИГА ТРЕТЬЯ

В МОРЕ

Я не моряк: от страданий меня качает.

Реймон Радиге

СИМОНА

В среду, 9 июля, на втором этаже ресторана "Терминюс", в Сете, был устроен ужин на двадцать персон. Среди приглашенных был и особый комиссар порта Лоран Лебутэ, начальник пограничного отдела Службы общей безопасности. Он знал, что ему предстоит встреча с представителями таинственной организации, которой он прежде оказывал услуги. Ему было хорошо известно, что в лунные ночи из пустынных бухточек отчаливают не одни только контрабандисты.

Еще во времена оккупации, пользуясь своим служебным положением, он помогал многим евреям перебраться через демаркационную линию и был отстранен от работы вишийским правительством. Для него помогать людям, спасшимся из лагерей, означало продолжать дело Сопротивления.

В эту среду Лебутэ узнал, что вечером фостинис приведет в Сет большой корабль и что это очень важно. Дул сильный мистраль; комиссар рассудил, что раньше 22 часов судно в порту не появится. За оставшееся время он рассчитывал выяснить планы экипажа. В гостинице "Терминюс" он застал настоящий военный совет: по-видимому, речь шла о плавании в Колумбию. Среди присутствующих он заметил энергичную молодую женщину. Ее звали Симона Леви. Она отозвала его в сторону.

— Корабль придет сегодня вечером. Завтра он должен быть готов выйти в море. В котором часу вы можете начать проверку? Наши пассажиры люди усталые,

а на солнце так жарко... Так что чем раньше, тем лучше.

— Как правило, мы начинаем работу около восьми... Но мы можем приступить и в семь.

При виде разочарования молодой женщины он добавил с улыбкой:

— Я не хочу торговаться, как лавочник. Начнем, когда назначите. Завтрашнее утро для меня начинается ровно в одну минуту первого.

— Спасибо, — с жаром ответила Симона, — но полночь — это слишком рано. Для наших путешественников самое удобное время три часа утра. Это ведь совсем особые пассажиры.

— Я знаю. Мои люди будут на месте в 3 часа. Не беспокойтесь, я уверен, что все пройдет хорошо, — и Лебутэ поднял бокал.

А в это время, за 200 километров отсюда, 172 разнокалиберных грузовика уже катились к двенадцати лагерям. Предварительно еще днем в Марселе состоялось тайное собрание всех лагерников-французов.

— Отъезд сегодня вечером. Каждый из вас сядет рядом с шофером. Получите конверты с инструкциями, открывать их будете по дороге каждые 20 километров. Вы отвечаете за посадку и за дисциплину на машине. Начальники лагерей поедут впереди, их заместители будут замыкать автоколонну.

Было около шестнадцати часов, когда участники собрания отправились за грузовиками. С наступлением темноты, в тот самый час, когда "Президент Уорфильд" причалил к пристани, первые машины с потуженными фарами подошли к лагерям.

Снова взвешивают рюкзаки, снова перебирают багаж, снова выбрасывают вещи. Собравшись по свистку, при свете карманных фонарей, мужчины, женщины и дети разбились на тридцатки, вскарабкались на грузовики и забрались под брезент.

По плану первые грузовики должны были выйти в 22 часа, а последние — в 3 часа пополуночи. Было разработано три разных маршрута. Посадка на корабль

должна была начаться в 3 часа и к 9 часам закончиться. Но не шуточное это дело — согласовать движение двенадцати колонн в радиусе пятидесяти километров, чтобы они без пробок и задержек равномерно прибывали в порт. Альфред и доктор Менделевич носились на легковушке из лагеря в лагерь и давали "добро" на отправление. Симона выехала из Сета навстречу грузовикам и поехала вдоль колонн, следя за тем, чтобы между ними было достаточное расстояние.

Первый караван вышел в двадцать три часа — с часовым опозданием. Через каждые два часа полагалась остановка. В Салоне и в Арле были устроены контрольные пункты, куда прибывали все грузовики, прежде чем направиться в порт. Место назначения до самого конца не было известно ни водителям, ни сопровождающим. Маршрут выяснялся по мере распечатывания конвертов. И все-таки, несмотря на жесткую дисциплину, которой подчинялись пассажиры, колонны запаздывали и график не выполнялся.

"Когда наступил час посадки на грузовики, ровно через две минуты после их прибытия, — писал в своем дневнике Эрвин Бирнбаум, — ожидание стало для нас почти невыносимым. Моя группа во второй машине. Это сплошь молодые люди от 16 до 18 лет, прошедшие двухгодичный курс сельскохозяйственной подготовки, после чего они нелегально перешли три границы, порой по колено в снегу. Проезжаем Марсель. Мы очень встревожены: нам кажется, что нас везут не к морю, а в противоположную сторону. Может, что-нибудь изменилось? Целые часы проходят в смертельной тревоге. Восходит солнце. Неожиданно видим указатель с надписью Монпелье. Натан сообщает нам, что это место рождения французского поэта-бродяги Франсуа Вийона. Эх, тихо рассказывает историю его жизни, читает его баллады. Потом — длительная остановка и снова тревожное ожидание. Нас заверяют, что это — последняя остановка перед прибытием. Выясняется, что никто из нас в жизни не видел корабля..."

Уже совсем рассвело, когда один из грузовиков вышел из строя. Шофер, не справившись с мотором, отправился на поиски механика. Под брезентом люди стали волноваться. Решили отправиться на ближайший переговорный пункт — необходимо было предупредить марсельский центр. Растолкали спящего таксиста. Но шоферу ранние пассажиры показались подозрительными, и он, недолго думая, отвез их в полицию. У ребят при себе не было никаких документов; выездные визы им предстояло получить перед самым выходом на набережную. Позвонить в Марсель, разумеется, им не удалось, их под конвоем привезли обратно на место аварии. К счастью, за это время нашелся и механик. Последовали объяснения.

— Ах, вот в чем дело, — сказал бригадир жандармов. — Мы в курсе. Можете ехать дальше.

Через час другой грузовик зафыркал, дрогнул и остановился. На протяжении трех километров его тащил на буксире трамвай. Он прибыл на место в 7 часов утра. От длинного ряда автоколонн, расположенных в километре одна от другой, каждые полчаса отделялись десять грузовиков, которые вываливали свой человеческий груз на мол Сен-Луи в порту Сет и тут же, не задерживаясь, уезжали порожняком, чтобы не загораживать въезд в порт.

Оператор кинохроники Жиль Бонно как раз в это время налаживал свою камеру, собираясь запечатлеть велогонки Тур-де-Франс.

— Это еще что за цирк! — спросил он дежурного полицейского, показывая на сновавшие взад и вперед грузовики, затянутые брезентом.

— А ничего, евреи какие-то уезжают. Опаздывают с посадкой.

Жиль Бонно был профессиональный киножурналист, он не пожалел пленки и заснял сцену, не подозревая о тайном характере операции и о том, что он снял документ исторической важности.

Комиссар порта Лебутэ был профессиональный полицейский и потому знал все. Но он был и участник

Сопротивления и потому ни во что не вмешивался. Как было условлено с Симоной, его подчиненные сидели у трапа с трех часов утра. Три инспектора и собственный секретарь Лебутэ приступили к оформлению документов и следили за посадкой 4052 эмигрантов, едущих в Колумбию. Организаторы операции не хотели показать, что опоздание автоколонны их тревожит. Только в пять часов появились первые грузовики. Когда пассажиров выстроили по двое, им раздали выездные документы и номерки, соответствующие спальным местам, и проставили полицейские штампы, было уже пять тридцать, а посадка была назначена на три часа. И вездесущие британские агенты уже насторожились.

Чтобы отвлечь их внимание, Руди распорядился инсценировать подготовку к посадке в порту Ласьота, по ту сторону Марсея. Но из-за опоздания колонны отвлекающий маневр не удался. Какой-то человек, выдававший себя за английского журналиста, обогнул очередь пассажиров и попросил интервью у комиссара Лебутэ.

— Вы же видите, это беженцы из концентрационных лагерей. Они едут в Южную Америку — осваивать там земли. Смотрите, вот их виза.

Но англичанин был не лыком шит. Часов в десять над портом появился разведывательный самолет Британского военно-воздушного флота (его база была на Истрии) и долго летал, делая фотографии. Со своей стороны, бывший офицер британского флота Миншел Мерлин сообщил из Бандоля, где стоял его шлюп "Леди Энн", своему шефу Фредди Кертни, что в Ласьота ничего серьезного не происходит. Теперь все внимание сосредоточилось на "Президенте Уорфильде", который, как кит Иону, заглатывал свой человеческий груз. Набережная гудела, как улей, несмотря на требования сопровождающих:

— Ша! Ша! Шекет! Да замолчите же! Успокойтесь!

Каждые полчаса триста мужчин, женщин, детей, стариков слезали с грузовиков, получали свои мешки

и выстраивались в очередь для получения посадочных документов, затем по свистку сопровождающих они становились в очередь на посадку. Трап дрожал под ногами. Даже если бы можно было ускорить движение грузовиков и свести до двадцати минут интервал между колоннами, понадобилось бы не меньше шести часов, чтобы загрузить в утробу судна 4500 человек. Да и шесть часов — это настоящий рекорд. "Сторожевые псы" службы порядка поднялись на борт первыми, их узнавали по бело-голубым повязкам. Среди них было много выходцев из Польши в начищенных сапогах и несколько евреев, говоривших по-французски, в том числе Шломо Тубуль и Норбер Клигер.

Шломо возглавлял смешанную группу Еврейских пионеров, посланную в лагерь Аренас после девяти-месячного обучения в сельскохозяйственной школе в районе Тулузы. Он был родом из Алжира. В 1943 году вступил в вооруженные силы Свободной Франции. По распоряжению генерала де Голля, ему было возвращено французское гражданство, которого его лишило вишийское правительство. Увлечшись идеями сионизма, он решил перебраться в Палестину сразу же по окончании войны.

Месяц назад он женился на Саре и предпринял свадебное путешествие в лагерь Аренас. Последние ночи он был занят тем, что расставлял походные кровати и заучивал свое новое польское имя — Витольд Буза-лег. Ему поручено разводить пассажиров по местам и следить за тем, чтобы люди не покидали своих нар до отплытия судна.

Норбер Клигер, неожиданно оказавшийся начальником лагеря Кайоль, вел колонну грузовиков, которая первой прибыла в Сет. Ему 21 год. Он родился в Страсбурге, в семье беженцев из Польши, и много чего повидал за время немецкой оккупации. Окончив среднюю школу, он был учеником в типографии, когда его интернировали и отправили работать в шахты; после попытки бегства он, в январе 1944 года, был отправлен в Освенцим. Освобожденный Красной армией,

он "репатриировался" в Брюссель на самолете американской армии. Попробовав свои силы на журналистском поприще, он вскоре отказался от судебной хроники и вступил сначала в либеральную молодежную сионистскую организацию, а потом в Иргун Цваи Леумми. Так как ни то, ни другое движение не смогли помочь ему добраться до Палестины даже нелегальным путем, Норбер отправился в Марсель с намерением раствориться в массе беженцев и попасть на какой-нибудь корабль Алии бет. Еврейское агентство направило его в лагерь Кайоль, начальником которого он вскоре был назначен. Теперь на борту "Президента" он стал начальником тридцатки и, стоя у лестницы, следил за тем, чтобы пассажиры не бегали с палубы на палубу. Когда какой-то полуголый мальчишка в фуражке морского офицера попытался пролезть на корабль, Норбер загородил ему дорогу. Произошла короткая перепалка. Подошел моряк, похлопал Норбера по плечу.

— Оставь ты это дело, старик! Это ведь капитан. Его прозвали "Пупсик", но он отчаянный парень.

Так Норбер познакомился с Айком Ароновичем. Благодаря этой встрече ему досталась должность главного кока и он стал членом экипажа.

Облокотившись на ящик, пастор Грауэл смотрел на иммигрантов. Первой на трап вступила белокурая четырнадцатилетняя девочка с большими карими глазами. Когда она сбросила вещмешок, на ее руке обнажилось ярко-красное клеймо — номер, выжженный в концентрационном лагере. Священника бросило в дрожь. Несколько часов он простоял, неотрывно глядя на молчаливую процессию. Очередь ненадолго задерживалась около столика, за которым сидели сотрудники комиссара Лебутз; затем каждый пассажир вручал свои документы ответственным на корабле, а те торопливо относили их в машинное отделение.

Вдруг раздался треск и отчаянные крики. Одна из стоек, на которой было закреплено четыре ряда нар,

не выдержала тяжести людей, лежавших вплотную друг к другу, и рухнула. Несколько человек было легко ранено. Несколько сот пассажиров оказалось на верхней палубе, где им пришлось ждать, пока плотники укрепят три ряда нар, вместо четырех.

Каждый пассажир получил постоянное место на все время плавания: две тысячи человек на нижней палубе Д, две тысячи на палубе С, тысяча на палубе В, выделенной для семей с малолетними детьми, где находились шестьдесят кабинок с умывальниками. На верхнюю палубу А допускались только члены экипажа, командный состав и некоторые счастливицы, которым не хватило места внизу. На палубе Д, которая практически находилась на уровне трюма, духота и жара стояли невыносимые. Когда все пассажиры улеглись, стало невозможно шелохнуться. Все проходы были завалены вещами.

“Нашей группе еще повезло, — писал Эрвин Бирнбаум. — Хотя мы и внизу, мы все же выше ватерлинии этого высоченного судна. Через иллюминатор можно разглядеть линию горизонта. Это зрелище поддерживает силы. Наши лежаки — сколоченные вместе доски, прикрытые соломенными тюфяками. Сесть невозможно, можно только лежать. Рюкзак служит подушкой. При малейшем движении задеваешь соседа”.

Полицейские таможенники решили отказаться от проверки, чтобы ускорить посадку и покончить со всеми формальностями до полудня. В списке у комиссара 4052 фамилии. Его сотрудники успели проверить 2352 “паспорта”, затем они передали свои печати Симоне и ее друзьям. Практически посадка закончилась. На борту “Президента Уорфильда” 4554 пассажира, в том числе 1282 женщины и 1672 ребенка.

“Мне непонятно, как нам удалось их всех поместить, — записал Джон Грауэл. — Наш корабль был рассчитан на 700 пассажиров. На борту более 400 беременных женщин. До сих пор существовало правило не брать женщин, начиная с восьмого месяца беременности. Но для этого плавания пришлось сделать исключение”.

В девять часов тридцать минут портовая администрация получила сообщение от морской инспекции города Марселя о том, что в порт направлен морской инспектор. Он потребовал еще одного осмотра перед отплытием. С молчаливого согласия Лебутэ, Иоси и Айк ускоряют посадку, чтобы поставить портовые власти перед свершившимся фактом.

В 10 часов 45 минут Оливье Лаборд, главный начальник местной морской инспекции, передал на "Президент Уорфильд" инструкции, полученные из Марселя, но поступившие, по-видимому, из Парижа: так как капитан не предъявил свидетельства о безопасности, предусмотренного международными конвенциями и французским законом, он не имеет права принимать на борт пассажиров. Лаборд напомнил, что законодательство об охране человеческой жизни обязывает суда, плывущие под иностранными флагами с пассажирами на борту, оформлять свидетельства о безопасности и предъявлять их при осмотрах, которые они должны проходить перед выходом в море. Разумеется, все это было новым препятствием.

В 11 часов 35 минут посадка была закончена с пятиминутным опозданием. На палубах-дортуарах жара стала невыносимой. Вентиляция еще не работала, машины только запускались.

В полдень, когда настало время убирать трапы, комендант порта передал сигнал о том, что кораблю запрещается поднимать якорь. Иоси попросил провожающих удалиться, затем он сказал Руди, что надо добиваться контрприказа из Марселя.

В Париже, в секретариате Мосада на улице Шабане и в штаб-квартире Шаула в гостинице "Метрополь" — настоящая паника. Как только в отдел шифровки посольства Великобритании в Париже поступили доклады Фредди Кертни, а главное, фотографии, снятые с разведывательного самолета, началась война за каждую минуту. Веня, вовремя предупрежденный работниками Роже Вибо и кабинетом министра внутренних дел Эдуара Депре, следил за машиной посла Даффа

Купера, попросившего аудиенции у Жоржа Бидо в полдень, чтобы предъявить ему неопровержимые документы.

Атака шла по всем правилам и на всех фронтах. Посольство нажимало одновременно на подчиненное Жюлю Моку ведомство торгового флота, всячески подчеркивая, какую огромную ответственность оно берет на себя, разрешая выход в море судну с неудовлетворительным спасательным оборудованием, капитан которого не может даже предъявить свидетельства о безопасности. Генеральный консул Великобритании в Марселе господин Кей ранее предпринял подобные же шаги в отношении морской инспекции.

По совету Жермен Мок, жены министра, Веня срочно отправился к Роже Каруру, заместителю директора канцелярии министра транспорта. Карур был вне себя.

— Послушайте, господин Померанец, англичане знают о ваших приготовлениях, они оказывают беспрецедентное давление на министерства и на Совет министров Франции. Это вмешательство носит политический характер, а сейчас не время усложнять положение г-на Депре и г-на Мока, которые столько для вас сделали. Вы должны высадить ваших людей, в противном случае мы практически будем лишены возможности вам помогать...

— Будьте осторожны, — прервал его Веня. — Если вы помешаете отправлению судна сегодня, завтра отношения между Францией и Англией будут испорчены. Есть только один способ избежать дипломатических осложнений между вашими двумя странами и — конфликта внутри вашего собственного правительства, — это не препятствовать выходу судна в море без вашего разрешения. Мы готовы взять всю ответственность на себя, если это понадобится. В противном случае наши люди откажутся сойти на берег, и французские власти окажутся в крайне затруднительном положении.

— В таком случае поговорите с кем-нибудь повыше меня.

За несколько часов Веня повидался с Леоном Блюмом, Депре, Вибо, посоветовался с десятками лиц. Он так и носился от одного кабинета к другому. Он уже собирался просить Сюзи Бидо, жену министра иностранных дел, которую аббат Гласберг знал по Сопротивлению, замолвить слово перед министром. Но Жорж Бидо, которому не давали покоя Дафф Купер и Эрнст Бевин (ожидавшийся на следующий день в Париже, где он должен был открыть Европейскую конференцию, посвященную плану Маршалла), обратился непосредственно в канцелярию Жюля Мока, чтобы помешать отправлению "Президента Уорфильда". Блюм и Меер посоветовали Вене отказаться от решения сняться с якоря "несмотря ни на что", но при этом не высаживать иммигрантов с корабля. Вибо и Депре думали иначе:

— Действуйте, только быстро. Потом будет поздно.

На всякий случай Вибо дал ему номер телефона начальника полиции порта Сет.

Веня и Гласберг бросились к другим ответственным лицам и связались с гостиницей "Терминус" в Сете, где Руди и мосье Андре со своим штабом ожидали инструкций. Время шло. Положение на месте ухудшилось.

Около четырнадцати часов г-н Оливье Лаборд послал на корабль, все еще стоявший у причала, представителя морской инспекции. Французский офицер потребовал, чтобы Айк проводил его в машинное отделение. Ему было поручено конфисковать горелки котлов, так как это был единственный радикальный способ помешать выходу корабля в море. Он наткнулся на вежливый, но категорический отказ капитана и удалился, по-видимому, даже довольный, что дело повернулось именно так.

Тем временем комиссар Лебутэ отправился в Монпелье, где должен был доложить префекту департамента Эро г-ну Вайсу о выполнении формальностей, связанных с посадкой. Г-н Вайс — родственник Жюля

Мока, как и он, — еврей довольно левых взглядов, выпускник Политехнической школы и участник Сопротивления. Вскоре после прибытия полицейского чиновника зазвонил телефон. На проводе — Эдуар Депре. Он встревожен происходящим в порту Сет. Префект протягивает трубку Лебутэ.

— Мне буквально не дают покоя министерство иностранных дел и даже совет министров, на которых сыплются протесты британского посольства. Что вы там столько возитесь?

С помощью префекта комиссар пытается успокоить министра внутренних дел: все в порядке, документы пассажиров "Президента Уорфильда", направляющихся в Колумбию, должным образом оформлены пограничной службой. Санитарное состояние соответствует нормам, предписанным морской инспекцией. Депре удовлетворился этим ответом.

— Так чего же они ждут?

Лебутэ вернулся, чтобы узнать, как обстоят дела: оказалось, что начальник морской администрации, подчиняясь нажиму сверху, отказался предоставить строптивому капитану лоцмана, лодочников и буксир, хотя договоренность об этом имелась. Кроме того, желая снять с себя всякую ответственность, он обратился к полиции с просьбой обеспечить охрану шести швартовых "Президента Уорфильда". Связавшись по телефону с Парижем, Руди узнал, что усилия Вени были тщетны.

А на корабле, в удушливой тесноте своих нар, измученные пассажиры заснули, так и не узнав о нависшей над ними опасности. Машины давно уже смолкли, небо над трубой было чистое. День близился к концу.

Б И Л Л

Усталый и осунувшийся, вышел Поль Рамадье из Елисейского дворца, где под председательством президента Венсана Ориоля до поздней ночи заседало правительство, так и не исчерпав повестки дня. В час тридцать ночи он возвратился в Матиньон, где его ожидали представители бастовавших правительственных чиновников. Новому министру труда Даниэлю Мейеру предстояло решить трудную задачу, выработать контрпредложения, приемлемые как для чиновников, так и для его коллег из партии радикалов и христиан-демократов. И так как самому Рамадье некогда было заниматься делами Вени, он поручил своей жене Клетте разобраться во всем вместе с Леоном Блюмом и с другими социалистами из кабинета министров.

Надо сказать, что вся эта история оказалась весьма некстати. В самом деле, французское правительство постоянно консультируется с британским министром иностранных дел по вопросам, связанным с европейской экономической конференцией, открытие которой должно состояться в Париже через два дня. Трудно правительству Франции уклоняться от настойчивых вопросов Бевина и посольства его страны относительно благоприятных условий, созданных на территории Четвертой республики для подпольных сионистских организаций. Рамадье, на которого сыплются самые противоречивые советы, не знает, как быть.

— Ваш друг Бевин настаивает на том, чтобы соблюдался дух соглашения, заключенного между нами

весной, — неустанно повторяет Бидо, который хочет сыграть на интернациональной солидарности между лондонскими лейбористами и французскими социалистами.

— Надо иногда уметь говорить "нет" правительствам дружественных стран, — сухо возражает Депре.

К вечеру из Праги пришла телеграмма, в которой сообщалось об отказе Чехословакии послать делегацию на парижскую конференцию. Теперь обоим союзникам придется теснее сплотиться, и возможности французского правительства в этой игре будут еще более ограничены.

Один из членов пражского парламента доверительно сообщил иностранному корреспонденту: внезапный раскол Европы на два блока — результат нажима Москвы. В свою очередь, нажим Лондона на Париж может расколоть министерскую коалицию во Франции, а ведь вопрос, в сущности, второстепенный: дело-то идет всего-навсего о каком-то пароходе, набитом эмигрантами, которых, в конце концов, придется принести в жертву политике блоков.

В тот самый час, когда намечался этот исторический перелом, Иоси и Айк вышли на берег, чтобы обсудить создавшееся положение с братьями Кремье и местными руководителями Мосада. Предстояли встречи с чиновниками из морской инспекции и с префектом департамента. Необходимо было вырвать решение до наступления ночи. В восемнадцать часов комендант и капитан "Президента Уорфильда" в джипе мосье Андре отправляются в Монпелье. Айк облачился в шикарную форму, которую обнаружил в шкафу своей каюты. Чтобы произвести впечатление на своих собеседников, он попросил Ивонну пришить к рукаву еще две нашивки. Иоси тоже хотел подчеркнуть торжественный и патетический характер их миссии: он захватил с собой представителя пассажиров Мордехая Ройзмана, двадцативосьмилетнего руководителя группы халуцим. Шестого июля он перешел Рейн с группой из 30 беженцев, направляющейся в лагерь Арена. Французско-

го языка он не знал, но преспокойно справлялся с обязанностями переводчика во время бесед между эмиссарами, говорившими на иврите, и пассажирами, большинство которых понимало только идиш.

Все они собрались в кабинете Вайса.

— Я хотел встретиться с капитаном, — сказал префект.

— Так это я, — сказал Айк на ломаном французском языке и покраснел.

— Вы? — префект был поражен: очень уж юн был этот мальчишка в форме. — Вот тебе и раз...

— Послушайте, господин префект, мои соотечественники из Гондураса и мои пассажиры, едущие в Колумбию, — жертвы произвола французской морской администрации, которая попыталась конфисковать горелки с моего корабля, а теперь задерживает его в порту, пренебрегая международными законами.

Жизнерадостный префект ответил легкой улыбкой на этот бурный протест.

— Ваш гондурасский экипаж? Ваши эмигранты, направляющиеся в Колумбию? Давайте-ка лучше говорить начистоту. Я ведь прекрасно знаю, в чем дело.

— А дело в том, что вы на поводу англичан, даже в собственных территориальных водах.

— Да нет же. Поверьте, мы вам сочувствуем. Надо только дождаться инструкций из Парижа.

Складывалось впечатление, что их собеседник хочет играть в открытую, и Иоси переходит на английский язык. На борту 4500 пассажиров, есть запасы продовольствия, воды и медикаментов на недельное плавание. О том, чтобы высадить пассажиров, не может быть и речи. К тому же их личные документы уничтожены, так что французским властям придется взять на себя их содержание.

— Вы берете на себя ужасную ответственность. Если вы не добьетесь, чтобы ваше начальство отменило эмбарго, ответственность за последствия вам придется взять на себя.

— Я обещаю сделать все, что смогу. Но здесь у меня

нет никаких материальных возможностей вас выручить. Я буду настаивать, чтобы Париж отпустил вас без лишнего шума. Но, знаете, у них наверху сейчас столько дел, что сегодня никак нельзя ожидать ответа.

Тем временем Руди вместе со вторым братом Кремье обрабатывал морскую инспекцию, и небезуспешно. С помощью протокола, составленного морским архитектором г-ном Травьером, они убедили инспектора по вопросам навигации г-на Пуйи безотлагательно провести положенный перед отплытием осмотр. Г-н Травьер со своей стороны готов был удостоверить, что "Президент" может принять 4500 пассажиров. При этих условиях судно будет годно к плаванию при соблюдении некоторой осторожности. В частности, необходимо максимально ограничить хождение пассажиров по судну. Что касается г-на Пуйи, то он имеет право подписать разрешение на выход в море, когда рассмотрит свидетельство о безопасности, выданное при отплытии. К сожалению, такого свидетельства на борту не оказалось. В таком случае г-н Пуйи хочет видеть капитана: требуется свидетельство консигнанта, подтверждающее существование такого документа. Поскольку Айк и Иоси еще в дороге, Бернард Маркс выдает себя за капитана и вручает г-ну Пуйи свидетельство об утрате, составленное на английском языке, которое он сам подписал.

Через несколько часов эта фальшивка попала в глаза английским агентам, которые таким образом узнали наконец — как они полагали — имя капитана. Господин Кремье со своей стороны подписал требуемое свидетельство. Оно гласило: "Капитан показал нам свидетельство Гондурасской республики, в котором указывается, что судно может перевозить пассажиров во время своей стоянки в Марселе. Подпись: агент судна в Марселе".

Затем инспектор Пуйи выдал следующее разрешение:

"Пароход "Президент Уорфильд", регистровый тоннаж брутто 1814 тонн, плывущий под флагом респуб-

лики Гондурас, принял на борт в порту Сет пассажиров для непродолжительного плавания. Перед его отправлением в марсельском порту был проведен специальный осмотр судна: осматривали представители бюро "Веритас" и инспекции торгового судоходства. Бюро "Веритас" выдало для указанного плавания новое свидетельство о годности к плаванию от 19 июня 1947 года. Инспекция торгового судоходства констатировала, что на борту имеется обязательный комплект спасательных лодок, несколько дополнительных спасательных плотов, а также запас индивидуальных спасательных жилетов. Спасательное оборудование рассчитано на более чем 4300 человек. В порту Сет я смог удостовериться в том, что в общем судно в хорошем состоянии и пригодно к плаванию и что были приняты необходимые меры для обеспечения безопасности судна и людей, находящихся на борту. Судно обеспечивает транспортировку специальных пассажиров. Отправление разрешено. Сет, 10 июля 1947. Инспекция судоходства. Подписано — Пуйи".

Но к чему эти документы, предназначенные для того, чтобы снять ответственность с французских морских властей, если полиция порта по-прежнему не выпускает корабль, а администрация отказывается предоставить буксир и лоцмана? Из-за особенностей сетского порта, — узости канала, формы бассейна и конфигурации фарватера — ни одно судно не может выйти в открытое море без лоцмана.

Вернувшись из Монпелье, Иоси и Айк узнали, что центральные власти в Париже распорядились не спускать глаз с "Президента Уорфильда" и перевести его на следующий день, в 8 часов утра, во внутренний бассейн, отгороженный подвижным мостом, исключаящим всякую возможность выхода в море без разрешения портовой администрации. Иными словами, французское правительство тем самым закрыло себе возможность отступления в вопросе о выполнении обязательств, взятых на себя перед англичанами. А люди из Мосада ни в коем случае не могли повторить во

Франции скандал, устроенный за год до этого в Италии: голодовку и угрозы коллективных самоубийств на борту корабля, задержанного англичанами в порту Ла Специя.

Иоси и Айк вернулись на корабль с убеждением, что действовать надо "сегодня вечером или никогда". Они поручили Руди и мосье Андре деликатную миссию: раздобыть лоцмана и буксир, сколько бы это ни стоило. Ночь была не за горами. Пора было, под носом у полицейских, убирать трап.

Тогда-то на пристани и появился комиссар Лебутэ. Чтобы попасть на судно, ему пришлось сесть в лодку подвыпившего рыбака. Добрых полчаса ушло у него на то, чтобы ощупью, то и дело натываясь на тела спящих людей, устлавших всю палубу как ковер, перебираясь через груды рюкзаков, загораживающих дорогу, добраться до капитанского мостика, где находился Айк. Он вручил ему корабельные документы и пожелал удачи. Но разрешение поднять якорь судно получит только в том месте, которое будет ему указано завтра.

В половине десятого вечера Руди вызвал Иоси в гостиницу "Терминус" для срочного телефонного разговора с Парижем. Иоси сошел на берег. По телефону он узнал голос "хозяина". Шаул Мееров говорил серьезно и спокойно, но, судя по тону, ничего хорошего ожидать не приходилось:

— Мы исчерпали все возможности воздействовать на центральные власти, больше ничего не добьешься. Наши друзья в правительстве бессильны перед нажимом министерства иностранных дел. С этой стороны надеяться не на что: завтра во второй половине дня Бидо поедет в Бурже встречать Бевина, который прилетает на конференцию. Тогда уже будет поздно. Вам остается только одно: собственными силами выйти в море. Любой ценой — это наш последний шанс, как бы он ни был мал.

— Но мы можем разбить корабль о мол этого чертова порта.

— Попробуйте подкупить каких-нибудь чиновников. Сделайте все возможное и поторапливайтесь. Это приказ.

— Понял.

— Я верю. Держитесь.

— Вы тоже.

— Мужайтесь. Давайте.

Иоси повесил трубку, подошел к столику, за которым сидели Руди и мосье Андре, и вызвал Айка, чтобы разработать план бегства.

— Без буксира отсюда не выйти, — сказал капитан Жаку Лифшицу.

Начались энергичные поиски. Наконец Фостинис нашел опытного лоцмана, который согласился за два миллиона — четырехлетнее жалование — провести корабль. Первый миллион он потребовал немедленно. Около заброшенного маяка в двенадцать часов ночи Аик вручил ему деньги и договорился, чтобы тот к двум часам был на месте. Предполагалось, что он явится один и проведет корабль по счислению, так как буксира достать было негде.

Иоси вернулся на корабль и созвал свой штаб: четырех эмиссаров Хаганы, обязанности которых были строго разграничены.

Азриэль Энав — эмигранты знали его как Узи — отвечает за радиосвязь.

Цви Кацнельсон, по прозвищу Мири, ведал снабжением.

Вопросами санитарии занимается Сима Шмуклер, медицинская сестра киббуца Афиким в Галилее, родом из Литвы. Маленькая, черноглазая, черноволосая, она уже год была членом Пальмаха. За один месяц она организовала в марсельских лагерях медицинскую бригаду, однако у нее сразу же оказалось больше пациентов, чем учеников. Несколько женщин родили, едва успев приехать. За неделю было не менее тридцати выкидышей. На борту предусмотрен лазарет на пятьдесят коек с оборудованием. Есть три медпункта — по одному на каждую палубу; медицинский персонал

насчитывает двенадцать квалифицированных сестер и восемнадцать врачей и студентов-медиков, набранных на месте; в их числе один шотландец и женщина-педиатр из России, на шестом месяце беременности.

Ответственность за порядок и безопасность на корабле несет двадцатичетырехлетний кареглазый иерусалимец Миша — старший инструктор Пальмаха и бывший курсант Плугат ха-Ям. После Черной субботы* Миша переименовал имя. Во Францию его послали в качестве сопровождающего судно. Теперь его звали Гад Абрамович.

Собравшись в капитанской каюте, все четверо слушали Иоси, излагавшего свой план. Пришел сюда и совершенно упавший духом пастор Грауэл. После Бога, Иоси — единственный полновластный хозяин на корабле. Его псевдоним — Амнон. Он будит членов экипажа, шепчет приказания: разогреть котлы, подготовить лебедки и инструменты, чтобы, в случае необходимости, перерубить якорный канат, установить запасные лампы и фары, спустить лестницу для лоцмана, быть готовыми сняться с якоря через полчаса, и ни в коем случае не привлекать внимание французской охраны. Он поручает Грауэлу напоить стражников, накормить их до отвала, засыпать подарками.

Может быть, все эти предосторожности и излишни. Уверенные в том, что за ночь ничего случиться не может, местные власти спят.

В Париже аббат Гласберг повел Веню в редакцию левой газеты "Фран-Тирер", где с большим сочувствием относились к сионистскому сопротивлению. Это был час, когда номер идет в печать. Веня и Гласберг, которым помогал Франсуа-Жан Арморен, расположились в кабинете главного редактора, откуда они решили позвонить коменданту порта. Они собирались сказать ему, что говорят из ведомства торгового флота и

*Черная суббота — 29 июня 1946 года, день, когда британскими властями было арестовано почти все руководство еврейского ишува в Палестине.

что ожидается приказ отпустить судно. Но абонент обеспечил себе покой: он попросту не отвечал на телефонные звонки. Отчаявшись, они попытались связаться с комиссаром, потом со своими товарищами. Никто не отвечал.

В это время в агентство Франс-пресс поступила телеграмма, инспирированная англичанами, в ней сообщалось о предстоящем отплытии еврейского судна, которое грозит нанести удар по завтрашним переговорам в министерстве иностранных дел. Из "Фран-Тирера" Веня организовал телефонные звонки в редакции всех газет, чтобы помешать публикации этой телеграммы. Около двух часов ночи они расстались с Гласбергом. Веня решил уйти с улицы Шабане, прекратить временно деятельность секретариата, переехать в другую гостиницу, приостановить радиосвязь до тех пор, пока так или иначе не решится дело в Сете.

В Елисейском дворце Совет министров перенес свое заседание на девять часов утра.

В Сете Аик вернулся на свой корабль. Он встревожен — погода не хороша — дует мистраль, да и неизвестно, явится ли вовремя лоцман, которому он дал такую взятку.

В два часа ночи во второй раз разжигается огонь в топках котлов, запускаются машины, и судно содрогается от их гудения: экипаж готовится сняться с якоря. Проходят минуты. Грауэл довел охранников до кондиции. Но вокруг темно и тихо. Лоцмана нет как нет.

Пастор раскупоривает еще одну бутылку коньяка в честь портового служащего и таможенника, подошедших к дежурным полицейским. Барни Маркс и Билл Бернштейн решили воспользоваться этим отвлекающим маневром, чтобы добраться вплавь до битенгов и высвободить четыре троса, удерживающие носовую часть судна, и один из двух перлиней, укрепленных сзади. Они торопливо разделись, брассом проплыли несколько метров, отделявшие их от колец, подтянулись на руках и отвязали швартовый трос. Никто их

не заметил. Айк стоит с фонарем на песенке, приготовленной для лоцмана, и всматривается в звездную темноту, потом начинает что-то насвистывать. Ответа нет. Он начинает подавать световые сигналы. Проходит десять минут, четверть часа, полчаса.

Через сорок пять минут он поднялся к Иоси на капитанский мостик. Они подождали еще четверть часа. Лоцмана не было. Видимо, парень решил, что ему хватит и одного миллиона. Если к тому же ему не заплатили еще и англичане... К трем часам стало ясно, что он уже не появится. Скоро наступит рассвет, в море выйдут рыбацьи лодки...

Иоси вскочил на ноги:

— К черту лоцмана! К черту англичан! Больше ждать нельзя, Айк! Теперь или никогда! Будем выбираться отсюда собственными силами. Выбора у нас нет.

— Мне, как моряку, трудно взять на себя такую ответственность. У нас один шанс из десяти!

— Знаю. Беру ответственность на себя. Но постарайся сделать все, что можешь. Пошли!

Пастор подарил своим собутыльникам несколько ящиков виски и шампанского — пусть себе спокойно идут по домам и кончают в кругу семьи так весело начавшийся вечер. Сам же он, полупьяный, сел в лодочку и поплыл к лестнице, приготовленной для лоцмана. В это время Барни рубил тросы, а главный механик Муня поддавал пары и запускал двигатели. Лебедки уже наматывали якорные цепи. Вдруг судно будто осело под тяжестью нового груза. Заскрипели швы, закашляли моторы, один из тросов натянулся, остановился винт, словно его засосало илом.

— Черт подери! — воскликнул Барни. — Наверно швартовые концы зацепились за винт. Ничего себе работа! Придется посмотреть, в чем там дело. О сухом доке не может быть и речи.

Билл надел первый попавшийся скафандр и скрылся под судном. Через несколько минут он поднялся на поверхность и сказал:

— Ничего не поделаешь. Трос совершенно запутался

в лопастях, а винт так засосало, что ни одному водолазу не справиться.

Айк взглянул на Иоси. Не хотелось даже себе признаться, что все пропало из-за такого пустяка. Попросил Муню поддать еще пару, запустить турбины на полную катушку — вперед-назад до момента разрыва, то есть до тех пор, пока не поддастся кабель или винт. Терять все равно нечего. После получасового движения взад и вперед Билл нырнул еще раз. На душе стало легче: трос перетирается, а винт невредим.

В четыре часа ночи 3600 лошадиных сил, наконец, одержали победу. Последний толчок, винт разбросал во все стороны остатки своих пут и стал крутиться нормально. Медленно, в полной темноте "Президент Уорфильд" отошел от причала и направился к центру старого бассейна. Разогнавшись, судно наскочило на бетонный столб противоположной набережной. Все офицеры, собравшиеся на палубе, помогают Айку повернуть корабль так, чтобы выйти к аванпорту. На этот раз форштевень задевает пирс, по которому размахивая руками бежит рыбак. Пришлось снова маневрировать — вперед-назад, чтобы высвободиться, снова повернуть на четверть оборота, прощупывать шестами фарватер, продвигаться наощупь, чтобы ориентировать судно по оси канала. Рыбак на пирсе не переставал подавать знаки. Айк понял его так, что, пройдя пролив, нужно повернуть направо, в сторону мыса Сет. Вот уже целых полчаса как он маневрирует, чтобы выйти из этого чертова рейда.

Увидев открытое море, экипаж с облегчением вздохнул. Короткая передышка. Выход оказался с противоположной стороны.

Вместо того, чтобы сменить галс на 180°, Айк решил пойти задним ходом. Но ветер сорвал последний решающий маневр. Раздался зловеющий треск: судно село на мель в ста метрах от пристани.

Наступило долгое молчание. Смертельно бледный Айк подошел к группе офицеров. Он плакал. Никто не мог проронить ни слова. Первым взял себя в руки

Иоси: он пересчитал спасательные шлюпки и стал соображать, сколько времени понадобится для эвакуации корабля и его ремонта.

На берегу Руди и мосье Андре стоят в оцепенении. Куда девать четыре тысячи пятьсот беженцев, у которых и документов-то никаких нет? Начали рассчитывать, сколько надо нанять лодок для того, чтобы вот так, сразу, справиться с совершенно неожиданной операцией. Английские агенты, которые не переставали злорадствовать, бросились к телефонам. "Президент Уорфильд" сел на мель у самого выхода из порта".

Билл задумчиво поглаживал свою рыжую бороду. Вдруг он положил руку Айку на плечо.

— Ну, старик, ничего не поделаешь, надо рисковать. Дадим максимальное давление, запустим турбины на полную катушку, пусть машины летят ко всем чертям! Может быть, с Божьей помощью... Я знаю, каково на это решиться. Но что для нас всего страшнее?

Это безумное предложение тут же обсуждается руководителями. Они соглашаются, может быть, потому, что Билл — единственный морской инженер на корабле.

— Хорошо, — говорит Иоси. — Начинайте.

Айк и Билл кубарем скатываются в котельную и отдают приказания. Они обливаются потом — но не от жары: они следят за стрелкой тахометра и думают о тысячах несчастных, которые и не подозревают, что на карте теперь не просто их будущее, а сама жизнь.

Никогда еще стрелка не показывала больше 90 оборотов в минуту, а сейчас — 95, 100, 105, 110, 115 оборотов... Билл и Айк не смеют взглянуть друг на друга. 115 оборотов это предел. Трюм вздрагивает. Сердца людей бьются в унисон с глухим шумом турбин. Еще один толчок, самый сильный...

Пытка кончилась. Эти пятнадцать минут тянулись вечно. Медленно двигаясь, вправо-влево, вперед-назад, судно постепенно стало освобождаться от песчаных клещей. Оно поворачивается, ворошит песок. За

полтора часа "Президент Уорфильд" описал полный круг вокруг своей оси.

Тогда-то по левому борту и появился лоцман с буксиром и предложил свои услуги. Поздно. Аик знаком дал ему понять, что больше не нуждается в помощи. К изумлению рыбаков и французских чиновников, собравшихся на пирсе, "Президент Уорфильд" стал удаляться от волнореза, держа курс к юго-западу, в сторону Испании. На осмотр машинного отделения и днища корпуса у Билла и Муни ушло полчаса. Они убедились в том, что серьезных повреждений нет. Было шесть часов тридцать минут утра. Два с половиной часа назад "Президент" снялся с якоря, но только теперь Иоси дал приказ выйти в открытое море и попросил Азриэля наладить радиосвязь с парижским центром.

Руди и мосье Андре на джипе отправились в Монпелье, чтобы по телефону связаться с Шаулом и Веней.

Если бы руководитель Мосада и его помощник тоже находились на борту, эта ночь не была бы для них более трудной. Расставшись с аббатом Гласбергом, Веня проехал двести пятьдесят километров для того, чтобы сообщить полицейский код подпольной радиостанции Хаганы, которую труднее было запеленговать, чем парижские передатчики. К шести часам утра никаких известий из Сета еще не поступало. Вернувшись в свою новую штаб-квартиру, Веня позвонил коменданту порта, чтобы узнать от имени колумбийского консульства о судьбе эмигрантов и их корабля. Поняв по ответу телефониста, что его разговоры подслушиваются и записываются, он повесил трубку и отправился к Шаулу, тот просидел всю ночь у телефона и приемника. Наконец, в семь утра раздался звонок. Руди сообщал из Монпелье о том, что "Президент Уорфильд" вышел в море. Вскоре Азриэлю удалось поймать волну, на которой поддерживалась связь между Парижем и Тель-Авивом с ретрансляцией через Италию. Шаул и Веня слышали голос Иоси.

На капитанском мостике недавнее отчаяние сменилось кратковременным восторгом. Изможденные после четырех бессонных ночей руководители и члены экипажа в исступлении бегали по палубе и бросались друг другу в объятия. Грауэл уснул, едва успев прочитать короткую молитву; заснули прямо на палубе Иоси, Гад, Азриэль, Мири и Сима.

Но Билл дернул Айку за рукав и крикнул:

— Рано еще радоваться, товарищи. Посмотрите-ка туда. — И показал на горизонт.

В ярком свете утреннего июльского солнца притихшие люди увидели, всего в трех морских милях от себя, белый силуэт миноносца "Мермейд".

ПОЛЯ

”Пятница 11 июля. Солнце только что скрылось в вечно синих водах Средиземного моря. Прошло 15 часов с тех пор, как мы вышли из маленького французского порта Сет, и я постараюсь описать здесь события первого дня плавания, — так начал свой дневник молодой выходец из Бельгии Норбер Клигер. — Все здесь отлично организовано. Приказы и инструкции передаются через громкоговорители на четырех языках: на иврите, идиш, венгерском и польском. Раздача пищи происходит с образцовой быстротой. На кухню имеют доступ только начальники тридцаток; у каждого из них по два ведра.

Да, кстати, чуть не забыл. С самого утра за нашим кораблем, на расстоянии примерно в две мили, неотступно следует английский эсминец. Навел справки. Оказывается, этот ангел-хранитель наблюдает за ”Уорфильдом” вот уже... три месяца!

Суббота 12 июля. Теперь я могу судить о положении дел на корабле. Снабжение более чем достаточное. Бисквиты, мясо, сыр, рыба. Пить дают четыре раза в день: воду, чай, кофе, шоколад. С умыванием дело обстоит хуже. Чтобы вымыться целиком, нужно родиться счастливым или нахалом. Должен сказать, что все как-то находят выход из положения. Единственное, что действительно отвратительно, это спальные места, особенно в трюме возле машинного отделения. Там стоит удушливая жара. Полки устроены в три яруса, что не способствует чистоте воздуха. К счастью,

плавание должно продлиться только шесть дней! Все эти люди знали, на что они идут. Чтобы добровольно согласиться на это, нужно быть большим идеалистом, или же не иметь никакого выбора.

Странные люди эти эмигранты. Они собрались со всех уголков земли и говорят на разных языках, но, кажется, что все они члены одной семьи. Здесь есть евреи из России, Польши, Чехословакии, Болгарии, Венгрии, Румынии, Австрии, Германии, Франции, Бельгии, Люксембурга, Голландии, Швеции, Англии, из всех трех Америк, из Северной Африки, из Швейцарии. Есть даже один еврей из Китая и одна еврейка из Бирмы! И все они живут одной надеждой — добратся до берегов Земли обетованной.

Здесь также представлены все партии, все убеждения: бородатые ортодоксы с пейсами, организованные молодые группы, отрекшиеся от религии предков и признающие лишь традиции еврейского народа; группа северо-африканцев, считающих себя истинными потомками древних евреев и ничего не знающих о своих европейских братьях; одиночки из Аргентины, Мексики, Бразилии, говорящие только по-испански и португальски! Все они, старые и молодые, верующие и вольнодумцы, социалисты и буржуа, с востока и с запада, явились сюда с одной целью — вернуться в страну, обещанную им Всевышним! Все они хотят вновь увидеть страну, которой они никогда не видали. Ностальгия, которую они на протяжении двух тысячелетий воспевали в своих молитвах, захватила их с такой силой, что они последовали ее призыву. Они говорят об этой стране так, будто покинули ее лишь несколько лет тому назад. Пусть теоретики доказывают им, что стремление иметь свою страну — это политическая необходимость. Может, они и не совсем неправы, но главное — ностальгия.

Наш корабль, по-видимому, весьма заинтересовал англичан. Сегодня утром появился еще один эсминец. На нем два самолета, которые летают над нами на высоте примерно в двадцать метров и все время фото-

графируют. В полдень один из эсминцев подошел к нам на расстояние около пятидесяти метров, по правому борту, и спросил:

— Везете ли вы в Палестину нелегальных иммигрантов?

Нечего и говорить, что ответа не последовало. Минут десять спустя эсминец снизил скорость и как верный пес последовал за нами, на расстоянии двух миль. Что там ни говори, у нас прекрасное судно. Мы идем со скоростью не более 12—13 узлов, чтобы не выдать наших возможностей. Говорят, что разработан план прорыва блокады и что есть шансы на успех. Поживем, увидим”.

Француз Жак Лифшиц, ведущий дневник для секретариата корабля, значительно более сдержан. Вот как он описывает первые два дня плавания:

”По переходам приходится передвигаться ползком. Говорят на 23 языках. За нами следует броненосец и крейсер. Над нами на малой высоте летают самолеты. Все время дежурю на медпункте. Море спокойно. В субботу в полночь мы переставим часы на час вперед”.

Как только пересекли границу территориальных вод, на корабле загрели все 24 громкоговорителя: ”Спокойно, не шумите, займите свои места!” — повторяли они во время посадки. Потом они умолкли. Сейчас они передавали призыв командира Амнона (Иоси) соблюдать дисциплину:

”Товарищи, никогда еще ни одно судно не перевозило столько олим на Святую землю Израиля. Это оказалось возможно благодаря Хагане и помощи еврейской общины Палестины и Соединенных Штатов. Следуйте всем инструкциям, всем предписаниям ваших руководителей и тем, которые будут передаваться по громкоговорителям. Не выходите на палубу, когда захочется узнать, что это за судно появилось на горизонте, что это за самолет появился в небе. В случае тревоги вы будете предупреждены гудком сирены. При трех последовательных гудках вам следует тихо занять свои места. Паника — наш самый опасный враг”.

Пять переводчиков повторяют этот текст на разных языках, как и все другие передачи для пассажиров. Все 150 начальников тридцаток были собраны для организации служб снабжения, гигиены и порядка по иерархическим принципам, принятым в транзитных лагерях. Но когда начальникам групп было впервые дано указание спуститься с ведрами на кухню за чаем, все бросились туда одновременно в полном беспорядке, самые расторопные вернулись с кофе и сухарями. Запах раскаленного железа, масла, мазута, скученность, духота, жара и запах всех этих людей, отрезанных от мира и загнанных в трюмы, рассчитанные только на груз, — все это побудило индивидуалистов устроиться на палубе, где зной все же выносим, несмотря на отсутствие тени. Целая толпа бросилась на ют. "Сторожевым псам", ответственным за дисциплину, пришлось приложить немалые усилия, прежде чем удалось оттеснить эту человеческую массу на нижние палубы, где оставшиеся успели удобно расположиться, развесить свое тряпье на стойках нар и на иллюминаторах, полностью закрыв доступ света.

Призывы Иоси через громкоговорители не оказали никакого действия, пришлось руководителям спуститься вниз, чтобы навести порядок. Мужчины переносят мешки с песком на дно трюмов — для балласта. Дети, посланные молодежными организациями, расчищают им дорогу. На верхнюю палубу допускаются только дежурные. К концу первого дня командование полностью контролирует положение. Сима выдворила из госпиталя удобно расположившихся там симулянтов. Жизнь на борту пошла своим чередом.

— Раз уж англичане хотят составить нам компанию, — говорит Мири остальным руководителям, — лучше ликвидировать за первые семь дней двухнедельный запас воды и продовольствия. Мы можем удвоить рацион. Главное — обеспечить раздачу в определенные часы и проводить ее достаточно быстро, чтобы не повторялись беспорядок и разбазаривание первого дня.

И он разрабатывает меню на три тысячи с лишним калорий в день. Утром пол-литра молока с какао, творожный сырок и триста граммов сухарей; в обед суп, мясо, фруктовые консервы; вечером чай или кофе, банка сардин или тунца, рис. Дети получают дополнительную овсянку, томатный или грейпфрутовый сок и свежие овощи.

Начальники тридцаток, выстроившись в длинной безмолвной очереди, за сорок минут получают на кухне продукты для своих групп, входят по пять человек.

Раздача питьевой воды строго контролируется в машинном отделении — по одному литру в день на человека. Рационирование позволит сэкономить и правильно распределить запасы. Для умывания, стирки и прочих нужд придется довольствоваться морской водой.

В субботу к вечеру жизнь на борту начинает принимать организованные формы. Возникает даже некоторое оживление. "Душевное состояние этих людей поистине изумительно, — записал пастор Грауэл. — Они, по-видимому, способны на любые испытания ради достижения цели путешествия и только ради нее. Многие проводят время за чтением Библии, и я думаю, как она зажигает своими словами сердца людей, устремившихся в это святейшее из святых паломничеств. Волнующее зрелище представляют все эти мужчины в черных ермолках, с бело-синими молитвенными покрывалами на плечах, читающие Слово, обратив лица к востоку. Мне, христианину, их традиционное певучее чтение напоминает о том, что, наверное, точно такие же евреи из Галилеи две тысячи лет тому назад точно так же читали и толковали слова Писания".

Но набожные евреи здесь в меньшинстве — молча страдают они от безудержной энергии пионеров и бурной деятельности сионистских активистов. Едва колокол пробил вечернюю вахту, как на передней палубе, на полубаке, под россыпь балалаек и звон гитар зазвучали песни. Поющие расселись под белыми колеблющимися огнями мачты. К четким и жестким ритмам

этих напевов, выученных в надежде хоть когда-нибудь увидеть мирные поля и плантации киббуцов, примешивается огромная, бесконечная, могучая печаль. Море спокойно. Небо ясно. Свесив ноги, замороженные собственным пением, люди впервые в жизни смотрят, как фосфоресцирует море за бортом "Президента Уорфильда" и как летучие рыбы выскакивают из пенящейся борозды позади корабля.

На следующий день, несмотря на субботу, с раннего утра взялась за работу "культурная" комиссия. Ее задача — организовать ежедневный выпуск стенгазеты на трех языках (идиш, румынском и венгерском), которую решено вывешивать в пятидесяти экземплярах на всех четырех палубах. Разрабатывается также радиопрограмма с музыкальными и информационными передачами, уроками иврита и чтением писем радиослушателей. С помощью одного из членов экипажа — американца, умеющего обращаться с микрофоном, и собственных "дикторов и переводчиков" Азриэль может наладить вещание по семь часов в сутки: с 9 до 12, с 14 до 17 и с 19 до 21 часа. Для этих передач будут специально организованы хоры. Предусматривается получасовая программа под названием "Пластинки по заказам". Есть и метеосводки, — их принимает радиотехник Генри Лейбнер, — есть также по пять-шесть раз в день трансляция на английском языке.

Со своей стороны Макс налаживает с Мосадом радиосвязь по азбуке Морзе; передачи ретранслируются подпольной радиостанцией "Алеф", работающей в Мажанта. Через двенадцать часов после отплытия из Парижа в Тель-Авив была передана первая телеграмма следующего содержания:

"После 24 часов приключений и борьбы "Президент" вышел сегодня утром в море с 4500 пассажирами на борту. Отплытие разрешено не было. Только в 5 часов по Гринвичу отдали концы. Держитесь, и мы будем держаться".

В субботу в 13 ч. 15 мин. Макс сообщил координаты судна "Алеф": "38°29' северной широты, 7°41'

восточной долготы. Скорость 11,5 узлов. Море спокойно”.

К вечеру корабль проходит вблизи маленького итальянского острова Пантеллерия в Тунисском проливе, на полпути между мысом Бон и Агридженто. Поднимается ветер. Как и у берегов Сардинии, Аик, войдя в мелководье, отрывается от своего эскорта, который не может следовать за ним из-за большой осадки эсминцев. Отличный признак. Есть надежда, что удастся осуществить план: маневрировать вдоль побережья Палестины, на границе территориальных вод, а затем резко повернуть к берегу, чтобы на полной скорости врезаться в отмели.

Море начинает волноваться. Больные толпятся у медпунктов и госпиталя. Некоторые пассажиры решаются выйти на палубу. На корабле начинается морская болезнь, и дисциплина слабеет. Детей рвет у дверей переходов... Женщины теряют сознание. Большинство врачей и сестер тоже страдают от морской болезни. Они отказываются работать в таких трудных условиях, и Симе приходится в одиночку сражаться с первыми припадками истерии.

Вскоре ей уже не на кого рассчитывать, кроме доктора Козна, исполняющего обязанности главного врача, и педиатра из России, Дворы Цукерфайн.

Доктору Козну всего 22 года. Шесть месяцев тому назад он покинул родную Шотландию, чтобы пройти курс усовершенствования в марсельских больницах. Вместо этого он при посредничестве Организации помощи детям поступил работать в транзитные лагеря Алии бет. Ему поручили отбирать беженцев по состоянию здоровья. Кроме того, он должен был набрать среди эмигрантов медицинских работников и обеспечить санитарные условия на корабле. В частности, ему поручили решить проблему вентиляции спальных помещений.

”Подготовив” человек двадцать медсестер и пятнадцать врачей в лагере Арена, он еще 8 июля обосновался на корабле, стоявшем на рейде Пор-де-Бук. Он

принимал оборудование, подвозимое для медпунктов, предусмотренных на корме каждой палубы, для госпиталя на открытом воздухе, под легким навесом, и для обеих кают на палубе В, превращенных в операционную.

Среди пассажиров была женщина с ногою в гипсе и мужчина с инфарктом, которых эмиссары решили взять на борт, так же как и женщин на последнем месяце беременности. Ведь сеть никогда еще не располагала столь быстроходным судном, а среди нелегальных пассажиров еще никогда не было столько квалифицированных специалистов. Сима выбрала Двору Цукерфайн, несмотря на ее беременность, для наблюдения за малолетними детьми, впервые взятыми в такое плавание. Двора родилась в Одессе в 1916 году; в возрасте 24 лет она была выслана в Сибирь вместе с отцом — бывшим директором банка в польском городе Пинске. Ее девичья фамилия была Призант. Она закончила факультет педиатрии в Новосибирске, вернулась в Варшаву в мае 1946 года и два месяца спустя, при известии о погроме в Кельце, бежала через Германию с единственной мыслью — отыскать своего брата, служившего в одной из частей Пальмаха в Палестине. Познакомилась она со своим мужем, юристом Марком Цукерфайном, в пограничном лагере, где они выдавали себя за немецких беженцев из Померании. Потом их перевели в американскую зону, и они работали в лагере перемещенных лиц Лихтенау в Гессе. Оттуда они по коллективной визе прибыли в лагерь Аренас за четыре дня до посадки на судно.

С тех пор как корабль вышел в море, Двора свободно ходит по всем палубам. Вдруг из той части "госпиталя", где лежат женщины на сносках, раздается крик: "Скорее, воды, воды!" У одной срок уже наступил. Эта тридцатилетняя женщина прошла через многое. В лагере смерти у нее оторвали от груди ребенка и бросили в пламя крематория. Сима распорядилась перенести ее в каюту американского офицера, которого попросили отправиться ночевать в кубрик. В четыре

часа утра родился мальчик. Он весил шесть фунтов. Впервые с начала плавания мать улыбнулась. Тронутая этим новым дыханием жизни, сочувствием Симы и Дворы, она сказала, что хочет жить, чтобы воспитать своего ребенка в Эрец-Исраэль и рассказать ему, что сделала Хагана, чтобы вырвать ее из ада.

По радио в 8 часов утра сообщили добрую весть: нашего полку прибыло. В честь этого события по всем двадцати четырем громкоговорителям раздался гимн сионистов — торжественная, могучая песнь надежды "Ха-Тиква".

Отдежуририв на кухне, Норбер записывает в своем дневнике:

"Воскресенье, 13-ое. Сегодня на рассвете к нам приблизилось американское грузовое судно. Члены его экипажа знают наших ребят — встречались в Италии. Проплыли вместе несколько миль. Потом они удалились, пожелав нам удачи. Да, удача нам бы пригодилась. Несмотря на морскую болезнь, жизнь на борту идет своим чередом. Группами молятся верующие. Молодежь распевает на иврите патриотические песни. На первой палубе — А — люди собрались вокруг аккордеониста. Это настоящий виртуоз с разнообразнейшим репертуаром. Он может сыграть и арию Тоски, и русскую песенку. Держась за руки, глядя друг другу в глаза, прогуливаются пары. Кажется, никто из этих людей и не подозревает о том, что два английских судна следуют за нами как тень. Все стараются забыть, что корабль, на котором они плывут, могут в любую минуту задержать и отправить на Кипр. Все говорят только об одном — о жизни в Палестине. Кто высказывается за киббуц, кто против. Кто оправдывает политику Еврейского агентства, а кто ее осуждает. Все считают, что лагеря для интернированных — это прихочая, последний этап. У большинства этих людей за плечами по семь лет лагерей. И еще один, последний, восьмой год за колючей проволокой их не испугает.

Один из английских эсминцев только что нанес нам визит вежливости. Как и в первый раз, он приблизился

и повторил свой вчерашний вопрос. Реакция та же. Ушел еще быстрее.

Я обошел госпиталь. Два часа спустя мне сказали, что одна женщина родила мальчика. Мать и ребенок чувствуют себя хорошо.

Из громкоговорителей льется музыка, передают новости со всего света. Я нахожусь в рулевой рубке вместе с рыжим дежурным офицером. Он из Бруклина”.

В радиорубке Макс получил телеграмму от ”Алефа”: ”Алеф — Судну: Сообщите точное число людей на борту — отдельно мужчин, женщин, детей, членов экипажа, количество и состояние шлюпок. Укажите также ваше наименование”.

В 12 часов дня Макс безуспешно пытается передать ответ. Свое сообщение ему удастся отправить только на следующий день: ”Судно — Алефу: Число 13-ое, час. 12, 36°26’ северной широты. 12°52’ восточной долготы. Скорость 12. Море среднее. Наименования нет. Будьте готовы к следующей передаче в 15 час. 30 мин. по израильскому времени.”

Под жгучим солнцем ”Президент Уорфильд” проходит мимо Мальты. Группа детей из Мюнхена просит картошки.

— Приходи через час, — говорит кок руководительнице группы Мае. — Сварю для них сверж меню.

Когда через час девушка вернулась с ведром, новый ”сторожевой пес” преградил ей дорогу.

— Что еще за картошка?

— Это не для меня, это для моих малышей.

Пока они спорили, ведро с картошкой исчезло. Мая разрыдалась.

— Еще немножко, и вы будете как лагерные капо, — бросила она парню в лицо.

Из-за подобных инцидентов у работников службы порядка опускаются руки.

Все пассажиры начинают выходить на палубу А — подышать свежим воздухом. Да не все ли равно, англи-

чане, наверное, уже прекрасно знают, что это за корабль и куда он плывет. Не известно им только одно — сколько иммигрантов на борту. Теперь, когда наступает вечер, пассажиры группами выходят из трюмов и располагаются на носу. Мужчины сидят на корточках вдоль борта. Молодые пристраиваются на лестницах, женщины на люках, дети на вентиляционных трубах и на реях. Тут же пиликают скрипки, обнимаются пары, а дежурные отправляются на кухни. Бегут люди с ведрами в руках, протискиваясь через сидящих, которых, в конце концов, разгонит наступающая ночь и представители службы порядка.

Понедельник 14-ое. Вместо побудки по радио передают "Марсельезу". Корабль остановился — первая авария в машинном отделении. Впечатление, что со вчерашнего дня время и пространство остановились.

Еще один день проходит. Тусклое солнце словно растопилось в небе. Над трубой огромное облако черного дыма. На палубах для пассажиров жара стала невыносимой. Мужчины не выдержали, разделись чуть ли не догола: в кальсонах, трусах или рубашках они лежат, прилипая друг к другу плотными спинами в своих дощатых клетках. Женщины в лифчиках. Нет воды, чтобы постирать белье. Канализационные трубы умывальников засорились. Краны сухие. Пресной воды выдают теперь по пол-литра в день. Один из мужчин стоял на дежурстве полуголый: у него солнечный удар, он бьется в конвульсиях. Беременную женщину, которая вот-вот разродится, непрерывно рвет. Ее зовут Поля Абрамович.

Ей 25 лет. У нее уже есть пятилетняя дочка. Когда она прибыла в лагерь Арена с своим мужем и ребенком, медицинская служба не разрешила их отправлять. Накануне отъезда, 9 июля, у нее начались боли и ее положили в госпиталь. Узнав, что готовится отплытие, ее муж нарушил все правила и среди ночи забрал ее оттуда. Несмотря на уговоры Симы, он не соглашался ни оставить ее, ни оставаться с ней самому — не скоро представится случай поехать в Палестину.

В 15 часов Жак заснул прямо на полу госпиталя. Когда он проснулся два часа спустя, Поля еще мучилась — роды были тяжелые. Врачи боялись осложнений.

”Три четверти пассажиров больны, — записал Норбер. — Они еще держатся на ногах, лица у них позеленели, в руках у каждого бумажный пакетик. ...Печальное зрелище! И подумать только, что в мире есть миллионы людей, которым ничего не известно о существовании этого маленького полуистребленного народа, пытающегося стать тем, чем он был в прошлом, нормальным народом, таким же, как другие! Они не знают, что где-то в море люди переносят ужаснейшие страдания, лишь бы добраться до страны, которая кажется им идеалом, Землей обетованной, где они смогут, наконец, отдохнуть. Я думаю обо всех министрах, обо всех политических деятелях, которые за круглым столом решают судьбу этой страны. Будь я руководителем Хаганы, я пригласил бы этих представителей на каждый такой корабль, а потом снялся бы с якоря, чтобы они приняли участие хоть в одном таком путешествии. Может быть, вернувшись к себе, они бы вспомнили, что они не только министры, но и люди!”

Прошлой ночью еще два английских судна присоединились к эскорту — эсминец ”R-36” и легкий крейсер ”Аякс”. Во время утренней аварии эсминец подошел к ”Президенту”: ”Мы можем вам помочь”, — завопил громкоговоритель. Аяк не снизошел до ответа. Один из американцев — членов экипажа — не преминул воспользоваться случаем и поразвлечься, просигналив флажками: ”Большое спасибо за вашу доброту. Мы ни в ком не нуждаемся”.

Азриэлю некогда заниматься подобными глупостями. Он получил новое сообщение из штаб-квартиры:

”Алеф — Судну: Ответьте на три вопроса: — Кто сопровождает? Какую максимальную скорость вы можете развить? Каков состав — сколько мужчин, женщин и детей?”

Иоси понадобилось некоторое время, чтобы произвести подсчеты. Он пришел продиктовать ответ Азриэлю:

”Амнон — Алефу: 4515 пассажиров, экипаж 36 человек. Четыре шлюпки, каждая на 37 пассажиров, три больших плота, 43 лодки на 25 пассажиров каждая, 10 надувных лодок на 10 человек каждая. Состояние хорошее”.

Затем он посылает еще две радиограммы:

”Амнон — Алефу: Сообщите нам немедленно название на иврите. Эмигранты предлагают назвать судно именем Мордехая Анелевича. Сопровождающие предпочитают ”Еврейское сопротивление”. Экипажу нравится имя ”Элеонора Рузвельт”.

”Амнон — Алефу. За нами следует эскорт эсминцев и крейсер. Постарайтесь сделать необходимое у Зелика*. Прибудем в четверг, в 11 часов утра. Высадимся, несмотря на присутствие английского флота. Со среды вечером начнем вести трансляции на волнах ”Голоса Еврейского сопротивления”. Примите от Гидона** специальное сообщение о передаче. В четверг будем передавать без перерыва на иврите и английском, подготовьте население, чтобы слушали наши передачи”.

Азриэль, получив от ”Алефа” ”добро”, установил контакт с ответственным руководителем подпольной радиостанции Хаганы, чтобы договориться, на какой волне вести передачи. Решили, что передача будет вестись на волне 8 мегагерц и ретранслироваться ”Голосом Еврейского сопротивления” на волне 6 мегагерц. Он просит провести испытания голосов и синхронизации, советует Иоси организовать детский хор, который будет исполнять песни Пальмаха в качестве позывного сигнала. Самому ему еще предстоит написать текст обращения к ишуву Эрец-Исраэль и поручить Грауэлу перевести его письмо специальной комиссии Организации Объединенных Наций.

В этот вечер в районе Крита бурно обсуждалось новое имя ”Президента Уорфильда”. В стенгазете было опубликовано три предложения. В ней рассказывалась

*Кодовое название предполагаемого места высадки вблизи Тель-Авива.

**Главный радист, кодовое имя.

героическая история руководителя восстания Варшавского гетто, Мордехая Анелевича.

Тем временем в духоте "хирургического" блока Сима и другие врачи пытались спасти Полю и хрупкого мальчика, которого она родила в 17 часов.

Вторник, 15-е. "Судно — Алефу: 0 ч. 30 мин., 35°5' северной широты, 16°40' восточной долготы. Скорость 10,4 узла. Ход 140. Море среднее".

"Алеф — Судну: По решению М* вы будете называться "Эксодус-47". На иврите "Иециат Эйропа 5707". Оба названия должны быть написаны рядом".

"Исход из Европы. 5707 год еврейского календаря". На пятое утро название было сообщено по громкоговорителям.

Активисты занялись приготовлениями: в твиндеке раскрашивают транспаранты, шьют бело-голубые флаги со звездой Давида, готовят мешки с песком и сети. На транспарантах по-английски написаны лозунги: "Солдаты, мы возвращаемся домой. Почему бы и вам не сделать то же самое?" Или: "1917 год — декларация Бальфура. 1947 год — Кипр".

На плакате изображена женщина с двумя младенцами на руках: "Англия! Вот твой враг!"

Доктор Коэн посмотрел на Симу, потом на женщину-врача из России. Он обнаружил у Поли, все еще лежавшей без сознания, перитонит вследствие прободения матки.

Ветер крепчает. Судно качает все сильнее. Жак не может уснуть. Он спускается в госпиталь — раздать по пятнадцать капель валерианки двадцати изнемогающим женщинам.

14 часов. Поля умерла от эмболии. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы эта весть распространилась по судну и посеяла панику. Воспользовавшись тем, что подготовка к высадке должна проводиться в тайне, Иоси эвакуировал всех с верхней палубы.

— Прошу не шуметь, — сказал Иоси весело настроенным дежурным, — только что скончалась от родов

*М. — центр Мосада в Париже.

женщина. Сейчас мы проведем погребальный обряд, на котором, кроме вас, никто из пассажиров присутствовать не будет.

Джон Грауэл и Билл Бернштейн перенесли на палубу тело покойной. Они уложили ее на чистой простыне, которую Сима расстелила прямо на голых досках. Американский пастор взял ожерелье, которое Поля сжимала в руках перед смертью, и передал его убитому горем мужу. Того поддерживали два матроса. Жак и Норбер мастерили "гроб" из толстой палаточной ткани. Завернутое в простыню тело положили в этот гроб, концы зашили и прикрепили к якорным цепям. Прежде чем прикрепить балласт к ногам покойной, и перекинуть тело за борт, Иоси прикрыл его бело-голубым флагом со звездой Давида. 18 часов. Айк остановил машины. Пастор Грауэл тихо провел обряд, предписанный его религией. Затем слово взял Иоси. Он сказал на иврите:

"Через мгновение море поглотит первую жертву этого плавания. Дороги Алии бет усеяны тысячами погибших — безвестных евреев, оставшихся без погребения. Новая жертва удлинит печальный список. Пусть это будет единственная наша потеря на этом корабле. И пусть Поля спит спокойно. Ее сын продолжит путь, который ей не удалось завершить. Ее сын вырастет свободным человеком. И пусть утешением для ее мужа будет уверенность, что мы с еще большей преданностью отдадимся восстановлению нашей древней родины и с еще большим мужеством встретим ожидающие нас испытания".

Последние слова он выговаривал с трудом. Раввин произнес заупокойную молитву. Моряки положили доску с телом на край борта и подняли ее за один конец. Тело соскользнуло в море и исчезло в пучине. В пурпуре заходящего солнца отчетливо вырисовывались стройные очертания судов эскорта. Английские матросы в бинокли наблюдали за происходящим.

Трое дежурных остались стоять рядом с убитым горем мужем. Глаза его были сухи, он сдерживал ры-

дания. Только сжатые кулаки выдавали его гнев — гнев на самого себя. Он вовлек жену в это смертельное путешествие. "Спасите, по крайней мере, ребенка", умолял он Симу. Иоси обещал ему это. Но необходимо было найти кормилицу для слабого младенца. При тесноте и болезнях палубной жизни это была трудно выполнимая задача. Одну из пассажирок все же удалось уговорить. Сима обещала раздобыть для нее все, что только может понадобиться. Однако в тот же вечер у женщины началась морская болезнь, и она уже не в состоянии была кормить ребенка Абрамовичей.

— Не отчаивайтесь, — говорит Двора Симе, пытаюсь подбодрить ее. — В России во время войны мы даже новорожденных кормили консервированным молоком. Попробуем дать мальчику сгущенного молока. Мы должны сделать все, что в наших силах, чтобы спасти ребенка.

— Но нужно, чтобы кто-нибудь взялся ухаживать за ним постоянно. Ни вы, ни я этого сделать не можем.

— Ну, что ж, поищем среди пассажирок, может быть и найдем одинокую и преданную женщину, которая возьмет на себя такую ответственность.

На следующий день, в среду, 16 июля, у сына Поли появилась постоянная няня. Это была шестидесятилетняя женщина-гинеколог из России, которая ехала в Палестину к своей дочери-киббунице.

"А Я К С"

За еврейским судном теперь следовало пять военных кораблей. Среди них был и крейсер "Аякс", прославившийся в бою с неуловимым и дотоле непобедимым линкором "Адмирал граф Шпее", гордостью германского военного флота.

При приближении к берегам Киренаики к эскорту присоединилось два минных тральщика.

Норбер записал в своем "дорожном дневнике": "Среда, 16 июля. Теперь у нас настоящий конвой. Почти весь английский средиземноморский флот как будто по договоренности прибыл сюда. И все из-за одного судна!"

В судовом журнале Жак записал, что тральщики появились в 12 час. дня и что "Аякс" пытался произвести впечатление на эмигрантов с помощью световой сигнализации и громкоговорителя.

"В 2 часа пополудни Цви меня предупредил:

— Мы сжигаем судовые документы и паспорта, которые не были уничтожены при отплытии.

С 10 часов уже виден египетский берег. Море из синего становится зеленым. В полдень крейсер наносит нам визит. Подходит на расстояние около десяти метров. Наверное, чтобы мы могли убедиться в мощи его оружия. Один из моряков Его Величества сигнализирует флажками. Другие, наставив на нас фотоаппараты, щелкают. Вдруг громкоговоритель начинает вопить по-английски:

— Говорит "Аякс"! Говорит "Аякс"!

Айк не выдержал. Выскочив из каюты в одних трусах, он бросился к микрофону и ответил: "Мы не "Граф Шпес"!". "Аякс" продолжал:

"Во имя человечности я прошу вас, пассажиров этого корабля, помешать любым попыткам ваших руководителей прорвать нашу блокаду. Заставьте их повернуть назад, пока еще не поздно. Нам известно, кто вы и куда держите курс. Вы туда никогда не попадете. Не подвергайте напрасной опасности ваших женщин и детей. Откажитесь повиноваться приказам подпольной организации. Помешайте вашим заводилам навлечь на вас несчастье".

В этот день "Аякс" четыре раза подходил к "Президенту Уорфильду", повторяя свои увещевания на английском, польском и немецком языках и на каком-то подобии идиш: "Мы понимаем ваши чувства. Если вы сдадитесь не позднее пяти часов утра, вам не будет причинено никакого зла. Если вы согласитесь следовать за нами, мы окажем вам медицинскую помощь, в которой вы нуждаетесь. В противном случае мы будем вынуждены вас арестовать, как только вы войдете в территориальные воды Палестины".

Каждый раз голос "Аякса" заглушали громкоговорители "Президента Уорфильда", передававшие то английский гимн, то еврейские песни, которые пионеры пели до хрипоты. На верхней палубе, под песню "Вопреки всем нашим врагам", пассажиры пустились в бешеную хору. Азриэль Энав ограничился тем, что ответил радисту "Аякса" на Морзе: "Ваше сообщение принял, спасибо". Американский моряк иронически добавил, пользуясь световыми сигналами: "Даже у английского короля нет столь пышного эскорта".

Во второй половине дня у египетских берегов британская эскадра провела демонстрацию силы: каждый из военных кораблей прошел почти вплотную к "Президенту Уорфильду", расчехлив свои батареи и показывая свои морские ударные отряды в белых касках и противогазах. В противовес этим маневрам, желая предотвратить распространение паники и пораженчес-

ких настроений, Иоси решился сообщить пассажирам план, разработанный командованием вместе с генеральным штабом Хаганы. Вот как Норбер комментировал эти события:

”Мы рассчитываем главным образом на скорость — до 22 узлов, — которую может развить наш корабль, разумеется, всего на несколько минут. Англичане имеют право взять нас на abordаж только в собственных территориальных водах, то есть в трех милях от берега. Нам придется минут десять отбивать их атаки, со всей возможной скоростью двигаясь к побережью. Из-за рифов и отмелей их корабли не могут подойти к берегу ближе, чем на километр. А мы, благодаря малой осадке нашего судна, способны идти по мелководью и стать на якорь вблизи Тель-Авива, где нас будет ожидать огромная толпа. 400 лучших пловцов прыгнут в воду на расстоянии мили от берега, а потом за ними последуют еще 400 человек. Пока англичане будут спускать свои шлюпки, мы с помощью тросов и канатов организуем посадку 1200 человек на суда Хаганы. Затем старики, женщины и дети будут высажены как можно ближе к берегу.

Мы будем отбивать атаки эсминцев с помощью брандспойтов, пара и разбрызгивателей масла. Кроме того, мы затянем все палубы, все отверстия, все щели и проемы сетями, чтобы англичанам не удалось забросить в трюмы шашки со слезоточивыми газами. План этот реален еще и потому, что англичане не могут позволить себе потопить наш корабль, поддерживающий радиосвязь с нашей наземной станцией. Им придется довольствоваться его захватом”.

На шестой день плавания на всех палубах ”Эксодуса” царил большое оживление. Перспектива столкновения и надежда на победу поднимала дух путешественников. Только в последний момент, когда будет завершена подготовка к бою и к высадке, которая начнется сегодня же с наступлением темноты, на корпусе и на мачте появится новое имя корабля. На рассвете будет восстановлена строжайшая дисциплина.

А пока что верхняя палуба — самое оживленное место на судне. Сюда приходят в любое время суток. Многие молодые люди предпочитают не возвращаться на свои полки и спать в спасательных лодках или прямо на шершавой палубе. Завернувшись в одеяла, убаюканные мерным покачиванием парохода, они считают падающие звезды. Некоторые дремлют. Время от времени кто-нибудь вскакивает:

— Огни!

И начинается бесконечное обсуждение: что за огни? Откуда?

Они столько раз шептали об этом друг другу, столько раз это повторяли, находили столько доводов в подтверждение своей надежде, что, в конце концов, поверили: завтра они ступят на желанную землю. Норбер, не посвященный в переговоры, которые Азриэль вел в этот день с генеральным штабом Хаганы, тоже думал, что счастливое событие произойдет завтра.

”Мы снова снижаем скорость. Теперь она не превышает 12—13 узлов. Пользуясь свободной минутой, спускаюсь в трюм, где работает с десятков наших матросов. Жара там 55—60 градусов. Эти люди, наверно, сверхидеалисты. Ни один из них не получает платы за свою работу. Главный инженер — Муня — второй нееврей в экипаже, американец польского происхождения. Это его третье плавание на корабле Хаганы, работает он за троих...

Завтра решающий день — день Т.А., как называли его наши американцы (день Тель-Авива). Мы должны подойти к берегам Палестины и начать свой бросок к суше. На корабле все готово. Ждем только приказа натянуть сети, подсоединить брандспойты и поднять еврейский флаг. Члены молодежных организаций оделись в свои формы. Они хотят явиться на встречу со своей землей в самой красивой своей одежде”.

В радиорубке Азриэль сортирует полученные и отправленные за день радиограммы.

”Алеф — Судну: Вам следует причалить в четверг 17 числа, между 18 и 19 часами по местному времени.

Подготавливаем берег. Можете вести передачи по радио для населения. Но не упоминайте о своем намерении прибыть в Зелик. В случае сопротивления действуйте, как обычно действовали на других судах в таких ситуациях”.

”Алеф — Судну: Первое. Мы готовы к завтрашнему вечеру. Второе. Работа будет сделана в Тель-Авиве, к югу от красного дома. Третье. Должны подойти с юга. Если крейсер потребует, чтобы вы шли на Хайфу, отвечайте утвердительно. На расстоянии около шести миль будьте готовы выполнить свой маневр с тем, чтобы подойти к берегу за полчаса. Четвертое. В случае помех продолжайте действовать в соответствии с нашими указаниями. Пятое. Поддерживайте радиосвязь, прекратите ее только в случае нападения, при этом дайте сигнал и уничтожьте все документы. Но не уничтожайте радиоустановку. Лучше спрятать ее вместе с самым необходимым оборудованием. Шестое. Если попытка высадки не удастся, найдите надежное укрытие для десяти членов экипажа и сообщите их имена. В случае насильственного перевода иммигрантов в Хайфе на другие суда, оставайтесь в укрытии до прихода бригады уборщиков. Возьмите с собой еду, воду и противогазы. Сигнал к выходу из укрытия — еврейская мелодия, которую будут насвистывать работники службы уборки. В этом случае по крайней мере один из вас должен будет остаться с иммигрантами и сопровождать их на Кипр. Седьмое. Подготовьте все шлюпки и плоты. Если подойдете к берегу, начинайте спускать их на воду, а пловцы пусть прыгают в море. Раздайте спасательные пояса и тросы, чтобы все было наготове. Конец”.

”Амнон — Алефу: Из-за атмосферных условий наша скорость ограничена. Сомневаемся в возможности подойти к берегу завтра, в четверг. Делаем все возможное, чтобы сохранить жизнь ребенку скончавшейся иммигрантки. Число пассажиров 4515, в том числе мужчин 1561, женщин 1282, юношей и девушек 1017 и детей 655”.

”Алеф — Амнону: Самое подходящее место для высадки между 32°526’ восточной долготы, 32°522’ северной широты, точно на уровне бульвара Нордау в Тель-Авиве*, в 1300 метрах от устья Яркона”.

”Амнон — Алефу: Причалим в 250 метрах от указанного места. Сообщите точно место высадки. Нас по-прежнему окружают военные суда. Если будут устойчивые метеорологические условия, прибудем в пятницу в 1 час ночи. Поправка — в 2 часа по местному времени”.

”Амнон — Алефу: 15 часов, 32°31’ северной широты, 27°13’ восточной долготы. Скорость 10,2. Море среднее”.

”Алеф — Амнону: Подготовлены ли укрытия? Укажите их место, чтобы можно было вас найти. Была ли вчера авария?”

”Алеф — Амнону: Вынуждены переменить место работы. Новое место — Бат-Ям, в двух километрах к югу от Яффо. Координаты 32° северной широты, 34°43’ восточной долготы. В случае невозможности прибытия в 2 часа ночи, желательно отложить операцию на пятницу 23 часа по местному времени. Здесь приготовления могут привлечь внимание. Начнем только в пятницу утром. При необходимости замедлите скорость. Если окажется невозможным подойти к Бат-Яму, постарайтесь добраться до Кирыт-Хаима. Сообщите сегодня к вечеру окончательное решение”.

”Амнон — Алефу: Не уверены, что прибудем в назначенный час. Предлагаем назначить сейчас же время операции в пятницу в Бат-Яме. Из-за скал и возможности столкновения с эсминцами не можем поручиться, что работа будет проводиться точно в указанном месте. Требуем работать при освещении. Не забывайте, что нас 4 с половиной тысячи”.

4500 человек, измученных морской болезнью, твердо знают, что скоро наступит неизбежное столкновение. На уровне Порт-Саида пароход поворачивает к

* В настоящее время здесь расположен пляж гостиницы ”Шератон”.

северу и медленно идет параллельно береговой линии. Роже Рофэ спустился в трюм, перед тем как приступить к оборудованию укрытий. В одном из убежищ Азриэль установил крошечный запасной передатчик, чтобы при любом обороте событий можно было поддерживать связь с радиостанцией штаба. Ночью он составил на иврите два призыва, передача которых назначена на следующий день. Вместе с Максом и диктором-американцем провел репетицию: "Алло, алло. Вы слушаете "Экзодус-47", плывущий к берегам Эрец-Исраэль..."

В четверг, 17 числа на всех четырех палубах восстановлена дисциплина. Судно разделено на несколько секторов, в каждом из которых назначены сопровождающие.

В 8 часов 30 минут "Президент" со скоростью 9 узлов пересек точку с координатами 31°46' северной широты, 31°08' восточной долготы. В 10 часов Норбер записал:

"Наше путешествие продлится еще один день. Только завтра мы войдем в палестинские воды. Это значит, что до столкновения осталось по крайней мере 20 часов. Море успокоилось (может быть, это хорошее предзнаменование), большинство больных снова на ногах. Англичане продолжают свои попытки уговорить нас немедленно сдаться. Мы отвечаем, как вчера. Кажется, они действуют скорее по привычке, сами не веря, что из этого может что-либо выйти. Ведь ни один из 33 кораблей Хаганы, снаряженных до нас, не последовал их призывам. Капитан ходит, как лев в клетке. Тяжелую ношу взвалил на свои плечи этот двадцатитрехлетний парень — ответственность за 4500 человеческих жизней. Айк втайне лелеет мечту, что ему первому удастся на виду у всех прорвать английскую блокаду..."

1500 добровольцев, членов различных молодежных организаций, ждут наступления вечера, чтобы занять свои места на верхней палубе. Мише (Гаду) поручено

организовать сопротивление в случае абордажа. Подросткам от 14 до 16 лет доверено вывесить в назначенный час боевые лозунги на иврите и на английском, натянуть полотнища тканей с новым названием корабля, опустить большие деревянные щиты, прикрепленные по обе стороны юта, чтобы заслонить, прикрыть прежнее название "Президент Уорфильд", спустить чужой, гондурасский флаг с пятью синими звездами на белом фоне и поднять флаг со звездой Сиона. 14-летняя Ривка вызвалась написать белой краской на корпусе судна "Эксокус-47". С шестилетнего возраста Ривка не видела ничего, кроме лагерей и жалких, наскоро сколоченных из рифленой жести укрытий на дорогах Европы.

На столе радиорубки навалены телеграммы. В течение всего дня разговор с побережьем ведется почти без перерыва. Иоси требует дополнительных уточнений и гарантий относительно места и условий высадки. Два батальона Пальмаха должны быть направлены к югу от Тель-Авива для обеспечения прикрытия.

"Алеф — Амнону: Назначаем высадку на завтрашний вечер. Возможно, что место работы придется еще перенести. Сообщим в 10 часов".

"Президент" — Алефу: Попытайтесь вести радиопередачи на той же длине волны".

"Алеф — Судну: Окончательное место работы — Бат-Ям, в полутора милях от Яффского порта. По прибрежной карте скал нет. Вам следует прибыть до 23 часов. Невозможно работать при освещении. Сообщите количество тросов и максимальную скорость в конце пути".

"Амнон — Алефу: 450 метров трехдюймовых канатов с пробками для спуска с корабля, 450 метров двухдюймового каната для швартовки, 60 метров пятидюймового каната и два тонких каната по 60 метров каждый для винтов эсминцев. 4 каната по 30 метров для спасательных лодок. Мы напоминаем, что наша радиопередача назначена на сегодня, в 21 час

30 мин. и что она будет вестись на основной длине волны. Предупредили ли вы население? Отвечайте быстро”.

”Алеф — Амнону: Внимание! Защита обеспечена только в ночное время в Бат-Яме. Днем невозможно. Если вам придется форсировать днем, лучше держать курс на Тель-Авив. Оказать помощь можно только при наличии толпы. В случае невозможности повторите попытку вблизи Хайфы. Отвечайте немедленно по поводу бат-ямского плана. Если нет, когда вы сможете добраться до Тель-Авива?”.

”Судно — Алефу: Прибыть в Тель-Авив можем начиная с 7 утра по местному времени. Укажите наиболее подходящее время. Из-под наблюдения военного эскорта уйти невозможно. Необходимо непосредственно форсировать берег. Подготовьте прием пловцов и лодок”.

”Алеф — ”Президенту”: Начинайте передачу сегодня в 20 часов по Гринвичу и завтра в 5 ч. 30 мин. Длина волны 8400 килогерц. Начинайте с позывного сигнала. Повторяйте его каждые десять минут: ”Слушайте голос иммигрантского судна, подходящего к берегам Эрец-Исраэль”. Держите микрофон на некотором расстоянии. Во время пробной передачи вас несколько раз прерывали. Будем ретранслировать на 6400 килогерц. Подавайте радиосигналы, чтобы отрегулировать нашу антенну за четверть часа до передачи. В течение трех минут читайте цифры по-английски. Желательно обратиться с призывом о вмешательстве к специальному комитету ООН и к еврейской солидарности, избегая при этом побуждать население к активным действиям”.

”Судно — Алефу: Поняли. Будем передавать по указанному расписанию. Следующая передача в 20 часов по местному времени. Увеличили скорость. Станем носом к Тель-Авиву завтра, в пятницу 18-го, начиная с 8 часов. Попытаемся прорваться в назначенный вами час”.

”Алеф — Судну: Ждем прорыва к девяти часам. Подтвердите”.

”Судно — Алефу: О’кей. Начнем прорыв в девять. Держитесь, и мы будем держаться”.

Вечером в мгновенно наступившей темноте были закончены последние приготовления, и судно окончательно превратилось в крепость.

В 18 часов Сима решила приступить к эвакуации больных из госпиталя, оборудованного на юте, где, в случае сражения, опасность была особенно велика. Старики и дети перешли на нижнюю палубу. Таким образом, в трюмах палубы Д прибавилось еще две тысячи человек. Медицинскому персоналу было поручено подготовить защиту от слезоточивых газов и все необходимое для оказания помощи раненым — на этот случай были отведены две каюты. Сима взяла на себя ответственность за пункт скорой помощи на левом борту, а фельдшер Ави из Америки — на правом. Если из-за ожидаемого сражения окажется невозможно эвакуировать раненых на медпункты нижних палуб, врачи и сестры соберутся на палубе А на рассвете. Одна сестра и один врач останутся внизу для наблюдения за больными. На палубе, на расстоянии десяти метров друг от друга, расставлены сосуды с борной водой, чтобы бойцы могли смачивать в них свои носовые платки. Были установлены брандспойты для противопожарной защиты, приготовлены гигиенические пакеты для перевязок.

Сотни консервных банок, бутылок с водой, мешков с картошкой, куча болтов подняты на палубу и сложены вблизи боевых постов — пригодятся в качестве снарядов и метательного оружия. Группам самообороны розданы дубинки, изготовленные из деревянных лестничных перил и остатков мебели, а также спасательные жилеты.

Воспользовавшись безлунной ночью, члены экипажа соорудили вдоль поручня верхней палубы настоящую деревянную баррикаду, скрепленную колючей проволокой и металлической сетью. Чтобы обезопасить рулевых в передней части юта, они забили листами толля иллюминаторы штурвального кубрика. Спасатель-

ные лодки подвесили на соответствующей шлюп-балке, через борт. Роже Рофэ и помощник боцмана, американец, дежурят у запасного руля, соединенного со штурвалом кормовой части нижней палубы. Их задача — обеспечить правильный курс в случае разрушения рулевой рубки. Норбер последовал совету Билла и отправился вздремнуть в свою каюту, но вскоре его разбудил американец Дэйв и попросил помочь ему подключить к кранам восемнадцать брандспойтов. Он проверил, хорошо ли подогнана к центральному котлу труба с отверстиями, обведенная вдоль корпуса на уровне пятнадцати футов над ватерлинией и способная создать настоящую паровую завесу вокруг судна. Это и есть то тайное оружие, которое должно сломить дух посланных на абордаж командос. Кроме того, подготовлены еще четыре трубы, по которым предполагается пустить масло под давлением 110 атмосфер.

Тем временем Азриэль занят радиопередачей. Детский хор он уже организовал. В условленное время — в 22 часа — он передает в эфир: "Вы слушаете голос Еврейского сопротивления с борта "Экסодус-47", плывущего к Эрец-Исраэль". Предупрежденные листовками постоянные слушатели подпольной радиостанции Хаганы принимают эту передачу, а громкоговорители на корабле ретранслируют речь Азриэля:

"На этом корабле Хаганы находятся 1600 мужчин, 1300 женщин, 1000 подростков и 650 детей. Британский флот сопровождает наше судно: мы окружены шестью военными кораблями. Сейчас мы в 100 километрах от берегов страны, но приближаемся к ним с каждой минутой. Наш корабль вышел из Балтимора в феврале, англичане не пожалели усилий, чтобы помешать ему выполнить его миссию: 25 апреля в Италии и 13 июня во Франции. За пять минут до назначенного для отплытия часа они оказали давление на французские власти, и нам пришлось вырваться из порта на собственный страх и риск, без лоцмана, перерубив якорные цепи. Это произошло 11 июля в 5 часов утра. На борту судна родились двое детей, но

одна из рожениц умерла. Нас, организаторов этого плавания, обвиняют в том, что мы используем в своих целях страдания наших европейских братьев. На самом же деле мы пытаемся спасти уцелевших после убийства шести миллионов евреев. Тогда не было ни самолетов, ни кораблей для их спасения. Теперь для охоты за ними нашлись в большом количестве и самолеты, и корабли. Люди, из которых состоит наш экипаж, не рвачи, как их называет английская пропаганда, а добровольцы, сыны нашего народа. Ничто не помешает росту иммиграции. Ничто не помешает этим евреям, не имеющим родины, совершить алию в Эрец-Исраэль”.

Затем перед микрофоном, который Азриэль установил на палубе, выступают дети. Наконец пастор Джон Грауэл обращается к членам специальной комиссии ООН по Палестине, находящейся на ее территории.

”Глубокоуважаемые джентльмены! Мы приглашаем вас на палубу этого корабля для сбора показаний и для того, чтобы вы могли воочию убедиться в волеизъявлении народа, не убоявшегося никаких страданий ради обретения родины. Вы убедитесь также в жестоком произволе англичан, которые хотят нас выслать или посадить за колючую проволоку”.

Передача длилась сорок пять минут. В заключение диктор сообщил, что следующая трансляция будет вестись завтра в 7 час. 30 мин. по местному времени, в тот момент, когда судно войдет в территориальные воды Палестины. На корабле громкоговорители огласили обращение станции Хаганы: ”Вы находитесь в шестидесяти милях от палестинских территориальных вод. Мы гордимся вашим мужеством, мы вместе с вами в борьбе за свободу Израиля; ишув ждет вас. Он мобилизует все свои силы для оказания помощи вам. Решимость и хладнокровие”.

Тем временем Азриэль установил связь со штабом:

”Судно — Алефу: Сообщите, соответствует ли передача вашим указаниям. Просим ответить немедленно”.

”Алеф — Судну: Прием хороший. Завтра в 5 час. 30 мин. по Гринвичу, во избежание помех, сократите продолжительность передачи до двадцати минут”.

Было решено дежурить на приеме всю ночь. Азриэль начинает готовить следующую передачу. Алеф сообщает: ”Ваши призывы о’кей. Впечатление колоссальное. Настаиваем на том, чтобы не передавать обращений, которые могут быть истолкованы как призывы к восстанию”.

В полночь группа Бирнбаума заняла позицию под ютом, на полубаке. Отослали девушек, так как это одно из самых уязвимых на судне мест. Сквозь металлическую сеть, отделяющую нос корабля, люди пытаются разглядеть огни бороздящих море английских кораблей. В полной темноте они наконец засыпают.

Проснувшись, Норбер записал в своем дневнике: ”Темно. Я смотрю на часы: двенадцать тридцать. Приказываю натянуть сети. Проверяю, все ли в порядке. Короче говоря, я стал ”лидером”. Встретил Айку, капитана. Он мне сообщил, что мы будем в ”их” водах часов в шесть утра”.

В это время, с приблизившегося в темноте почти вплотную эсминца, раздалось грозное предупреждение: ”У вас только-только хватит времени повернуть на сто восемьдесят градусов. Мы не хотим воевать с беженцами. Не позволяйте вашим вожакам вовлечь вас в это безнадежное предприятие. Если вы войдете в территориальные воды Палестины, вам придется остановиться и в 5 часов взять курс на Хайфу, мы вас будем эскортировать”.

Сосредоточенные на палубе группы охраны отвечают на этот ультиматум криками, пронзительными свистками, они во весь голос запевают ”Ха-Тикву”. Айка подымает сионистский флаг на обеих мачтах. Два больших деревянных щита с грохотом опускаются. ”Президент Уорфилд” умер. ”Эксокус-47”, корабль, собирающийся прорвать блокаду, открывает свое лицо, но еще скрывает свои возможности.

Между часом и двумя ночи у Азриэля последний разговор с Алефом.

”Алеф — Судну: Намерены ли вы действительно совершить прорыв в Кирьят-Хаим? Укажите свое местонахождение”.

”Судно — Алефу: Находимся примерно в двадцати милях от Газы. На рассвете достигнем границы и пойдем вдоль берега до Тель-Авива, чтобы начать прорыв. Спокойной ночи”.

Айк просит Норбера закончить к пяти часам установку брандспойтов. Бельгиец обходит трюмы. Все спят. Когда он вновь выходит на палубу, его часы показывают 2 часа 25 минут. Вглядываясь в темноту, он смутно различает лежащие на палубе тела и слышит шепот. Это Айк что-то обсуждает с моряками, указывая на какие-то предметы слева по борту: к судну под углом в 45° приближается миноносец. Он уже в ста метрах. Можно рассмотреть жесткие контуры и блестящие бока этого хорошо ухоженного боевого зверя, с замаскированными пушками, с пулеметами на башнях. Он плывет уверенно, бесшумно, почти не поднимая волны. На носовой части выстроились тени в белых касках.

— Что это он там делает? — спросил Норбер.

— Не понимаю, — ответил Айк, пожимая плечами. — Сейчас только два часа тридцать минут, и мы находимся в двадцати милях от их вод.

Вдруг по палубам ”Эксоdуса” пробегают лучи прожекторов. Они так ослепительны, что кажутся синеватыми. На фоне ночного неба вырисовывается фантастический силуэт старого парохода, превратившегося в пиратский корабль. Далеко отброшенная ночь кажется теперь задней декорацией сцены. Ослепленные вахтенные вскакивают на ноги. Айк, Норбер, матросы прикрывают глаза от света, невыносимого, как полуденное солнце. Рычащий угрожающий голос гремит по-английски: ”Остановите корабль! Вы находитесь в палестинских водах!”

На "Эксодаусе" все просыпаются. Предупреждение повторяют на немецком, на польском языках, на идиш. И снова по-английски:

"Стоп! Остановите ваши машины! Вы не имеете права бросить здесь якорь".

Айк начинает ругаться. Он вопит в рупор: "Лжецы! Гнусные лжецы! Вы находитесь в международных водах. Вы не имеете права нас здесь арестовать, черт-вы пираты!" Но голос с моря неустанно повторяет по-английски, — уныло и бездушно, как все громкоговорители, объявляющие время отправления поездов на всех вокзалах мира: "Я предупреждаю — если вы войдете в территориальные воды, я буду вынужден взять вас на abordаж, арестовать и отвезти в Хайфу. Каков ваш ответ?".

Иоси из радиорубки отвечает англичанину азбукой Морзе:

— На борту корабля "Эксодаус" более четырех тысяч пятисот человек — мужчин, женщин и детей, — единственное преступление которых состоит в том, что они родились евреями. Мы плывем в нашу страну по праву и ни у кого не станем спрашивать на это разрешения. Мы не имеем ничего против ваших моряков и ваших офицеров, но, к сожалению, их избрали для осуществления политики, на которую мы никогда не согласимся. Мы не примем закона, запрещающего евреям возвратиться на свою родину. Об этом не может быть и речи. Нет никого, кто бы меньше нас хотел кровопролития, но вы должны понять, что добровольно мы не согласимся отправиться в концентрационный лагерь, даже английский. И, наконец, я считаю своим долгом предупредить вас, что вы будете нести личную ответственность за любое вооруженное нападение на безоружных гражданских лиц. Я сожалею о том, что вынужден напоминать вам об этом, но такое уже происходило на нескольких из наших судов. Я надеюсь, что вы будете себя вести в соответствии с элементарными нормами человечности.

— Очень сожалею, дружок, — отвечает командир R-36, — но мы действуем в строгом соответствии с инструкциями. Подготовьтесь к встрече ударной части, которой поручен абордаж. И дайте отбуксировать себя до Хайфы. Не сопротивляйтесь, повторяю, не сопротивляйтесь!

Айк пожимает плечами: трепись, сколько хочешь. Тем временем Джон Грауэл приводит в действие сирену корабля, чтобы дать сигнал тревоги. Раздается страшный вой. Жак записывает: "2 час. 37 мин." Билл выплевывает свою вечную сигару и хватается за рупор: "Встретим этих скотов, как они того заслуживают". Айк бежит к рулевой рубке и дает команду "Под всеми парами!" Он приказывает повернуть лево руля 180°. Он хочет вернуться в открытое море, чтобы у англичан не было предлога действовать, пока не будет завершена подготовка к сопротивлению и расстановка боевых медицинских команд.

Сирена воеет без устали, а корабль несется вперед, как затравленный зверь. Еще один эсминец появляется по правому борту. А севернее, на берегу, два батальона Пальмаха под командованием Игала Аллона, приступили к перекрытию дорог из Тель-Авива. Один из руководителей Хаганы, Давидка Намери, мобилизовал все возможные лодки и суденышки. Он рассчитал, что для высадки 600—700 человек трем рыбацким судам понадобится полтора часа. Штук двадцать лодок и паромов готовы выйти навстречу "Эксодусу", прибытие которого ожидается между 6 и 7 часами утра. Но в 5 часов Алеф ретранслирует по "Голосу Хаганы" телеграмму, полученную с корабля: "Англичане атакуют с трех часов ночи. Есть убитые и раненые. Борьба продолжается".

Ц В И

Настоящий фейерверк вспыхнул в ответ на завывание сирены. К жесткому свету прожекторов добавились огни трассирующих ракет, вспышки сыпавшихся на палубу зарядов взрывчатки и разрывающихся слезоточивых бомб. Гремит настоящая гроза, трещит россыпь быстрых глухих выстрелов. Теперь оба эсминца всего в пяти метрах. На носу ряды людей в белых касках, в противогазах, с кожаными нарукавниками, в спасательных жилетах, со щитами в левой руке, с автоматами на груди, с кольтами и кинжалами за поясом. Это ударные отряды солдат морской пехоты. Марсиане в зеленых сетках. Они выстроились в ряд, готовые к нападению на уровне палубы А "Эксодуса".

Неожиданная атака застала врасплох большинство из 1500 заснувших "защитников". Только 800 из них среди дикого грохота добрались до своих боевых постов. И разом восемьсот консервных банок градом посыпались на палубу противника. Морские пехотинцы отхлынули, бросились к центру своего эсминца. Летели бутылки, отрывались доски. Женщины, приложив ко рту смоченные тряпки, по цепочке передавали снаряды "стрелкам". В ответ англичане направили на них струи ледяной воды.

На мгновение кажется, что суда отходят от "Эксодуса", но они тут же возвращаются и пытаются, подталкивая "Эксокус" с боков, замедлить его безумный бег в сторону открытого моря. Они осыпают его палубу градом слезоточивых бомб и гранат. Длинными лен-

тами тянется белый туман, медленно распространяясь по кораблю, добираясь до его надстроек. Он жжет глаза, разрывает бронхи бегущих парней, призрачно бледных в этом мертвенно бледном свете. Но внутрь корабля ему не проникнуть.

С обеих сторон морские пехотинцы пытаются забросить багры, крюки, сети, чтобы, преодолев заграждения из колочей проволоки, проникнуть на верхнюю палубу. Четыре такие попытки удастся отбить. Несколько нападающих свалились в воду. Их удастся заметить и выловить благодаря красным мигающим лампочкам, укрепленным на их поясе.

По лестнице, прикрепленной к поручням левого борта, взбираются три англичанина. Шести девушкам, вооружившимся железными ломami, удастся сбросить их в море. Невзорвавшиеся гранаты и дымовые снаряды подбирают и бросают обратно.

Оба миноносца, отошедшие было на некоторое расстояние, вновь стремительно приближаются. На этот раз они сжимают корабль с обеих сторон своими форштевнями и, нанеся глухой удар по его носовой части, разрушают деревянные надстройки. Судно вздрагивает, кажется, что оно приподнимается и тяжело падает, накрываясь на правый борт. Бойцы верхней палубы, подброшенные ударом, распластались на полу. Они цепляются друг за друга. Трещат и стонут расходящиеся швы судна. Воспользовавшись паникой, вызванной этим маневром, эсминцу R-91 ("Чилдерс") удастся забросить на палубу А трап, по которому на "Эксокус" проникает первая группа командос, 20 солдат морской пехоты. Сразу после этого R-91 отходит в сторону, уступая место эсминцу "Чифтэйн", идущему по правому борту. Еще удар. И так — семь таранов на протяжении двух миль. Вскоре на уровне 70 см над ватерлинией в деревянной обшивке палубы С образовались две пробоины. В трюмах появилась вода. Среди двух тысяч пятисот пассажиров, спасавшихся на этой палубе, началась паника.

Восемь морских пехотинцев врукопашную прокладывают себе путь к рулевой рубке, которую отчаянно защищает Билл Бернштейн. Они рвутся на капитанский мостик. Пятерых удается отбросить, трое хватают Билла, вытаскивают его из каюты, он падает под ударами. На ходу они избивают рулевого. Айк отключил привод руля; он намерен плыть по компасу с помощью вспомогательного штурвала. На четвереньках он добирается до Билла и тащит его в свою каюту. Трое нападающих забаррикадировались в рулевой рубке и попали теперь в окружение защитников "Эксодуса". Остальные члены ударного отряда в беспорядке отступают на носовую часть.

Тогда-то в мертвенном свете прожекторов и началась никому не нужная страшная бойня. Обезумев, англичане, которым так и не удалось захватить контроль над судном, бросают свои дубинки и, схватившись за автоматы "Томпсон", начинают косить людей, охраняющих лестницы юта. Один из членов экипажа, американец Дэйв Миллмен, падает, как подкошенный. Пуля, пробив челюсть, застряла в плече. Норбер отталкивает его на медпункт, расположенный в бывшей столовой экипажа. Юный Цви Якубович держит флаг. Ему пятнадцать лет, он сирота. Вместе с братом Исааком и шестьюдесятью восьмью другими подростками Цви бежал из лагеря Индерсдорф. Только что он вывел из строя один из прожекторов. И вот он падает под лестницу с разможенным очередью черепом — первая жертва безумного сражения.

На рассвете происходит третья атака. Англичане получают подкрепление. Четверо из них взобрались в спасательные шлюпки, подвешенные на балках. Один морской пехотинец, теряя хладнокровие, вынимает из кобуры свой кольт и принимается стрелять. Миша (Гад) приводит в действие механизм шлюп-балок и опускает обе шлюпки на головы семи солдат, которые с палубы эсминца в четвертый раз пытаются взобраться на "Эксодус".

Кто-то взбирается на крышу рулевой рубки, проби-
вает ее топором. Запершиеся внутри англичане сдают-
ся. Пастору Грауэлу, который обернул вокруг руки
американский флаг, едва удастся спасти их от линче-
вания. Он отводит их в свою каюту и заставляет вы-
бросить оружие за борт. И тут он узнает, что его друг
Билл лежит без сознания в каюте Айка. Он бросается
туда. Флаг по-прежнему красуется у него на руке,
тем не менее солдаты, вновь захватившие ют, его не
пропускают. Он возвращается, унося с палубы двух
раненых детей: одного с пулей в плече, другого — с
раздробленной рукой.

Сима перебегала от одного раненого к другому,
придерживая края фартука, полного марли и бинтов.
С начала сражения медицинская бригада находилась
внизу. Один только доктор Коэн поднялся наверх, но
у него снова начался приступ морской болезни. Двора
сидела в "госпитале" около тела Цви. Для ухода за
120 ранеными, из которых двадцать были ранены
тяжело, Сима могла рассчитывать лишь на фельдшера-
американца Ави. Ее запасы борной воды так и не при-
годились: на палубе осталось не более двух сотен
бойцов.

Труба, проложенная вокруг корпуса для выброса
пара, лопнула при первом же нажиме двух эсминцев.
Не защитники "Эксодуса", а англичане использовали
струю мазута под высоким давлением, и палуба старо-
го парохода стала грязной и скользкой. Одному из
нападающих в лицо угодила консервная банка, и с
брандспойтом в руках он упал, пачкая липкими жир-
ными пятнами белоснежные борта своего эсминца.

В котельной кочегары, надев на головы мешки,
смоченные морской водой, по-прежнему поддержи-
вают огонь. В машинном отделении, защищенном
сетью от слезоточивых гранат, заперты четырнадцать
пленных. В узких коридорах палубы С настоящая па-
ника. Толкотня, крики ужаса, драка, а над головой
верхняя палуба сотрясается от глухого неустанный
топота ног, взрывов. Одному старику кажется, что

вновь наступили трагические часы Варшавского гетто. Форштевень английского эсминца пробил стенку спального помещения и в трюм проникли полосы света. При ударе дети свалились с полок под ноги беспорядочно бегущих людей. При третьем таране брешь расширилась и в проем хлынула вода, увеличивая крен корабля. Женщины кричат: "Прекратите! Прекратите!" Верующие просят, чтобы подняли белый флаг. Но его негде взять. Нет и добровольцев, готовых подняться наверх, чтобы присоединиться к бойцам.

При седьмом ударе деревянные конструкции стали рушиться. Две тысячи человек оказались почти по колено в воде. Отовсюду несутся крики отчаяния, с центральной палубы зовут на помощь. В ту же минуту сильный взрыв сотрясает воздух. Иоси бегом спускается по лестнице. Он велит раздать ведра и приказывает пассажирам построиться в цепь и вычерпывать воду. Сделал он это главным образом для того, чтобы восстановить порядок и положить конец панике. Затем он отправился к главному механику в машинное отделение. Вдвоем им удалось запустить насосы. Через несколько часов вода была выкачана.

Тем временем полуголый Айк, весь вымазанный в мазуте, потерявший в драке один башмак, с окровавленными руками мчался с компасом в руке к запасному рулю, установленному на корме. Там Сид и Роже приняли на себя управление. Айк, взяв курс на северо-восток в направлении Хайфы, повернул судно на тридцать градусов и, сбивая с толку оба эсминца, идет зигзагом, словно "пьяный корабль", со скоростью 18 узлов. На борту у него сорок английских морских пехотинцев, практически полностью овладевших верхней палубой и капитанским мостиком, но совершенно лишенных возможности управлять судном. Английские корабли, столько раз таранившие его не с тем, чтобы потопить, а для того, чтобы арестовать, осторожно держатся в стороне, как укротители, не осмеливающиеся приблизиться к раненому животному. Эсминец "Чифтэйн", на который Гад обрушил

шлюпки, резко замедлил скорость. Другой эсминец "Чарити" остановился подобрать упавших в воду пехотинцев. Но четыре военных судна, не считая "Аякса", командир которого, капитан де Курси Айрланд, руководит военными действиями, все еще невредимы.

На захваченной палубе лежат десятки раненых, а на юте, возвышающемся над палубой, уцелевшие члены командос стараются подавить последние очаги сопротивления и отбить семнадцать своих попавших в плен товарищей. Они тоже взяли пленных, которых держат в штурманской рубке, в рулевой рубке, в кают-компании, в каюте капитана. Четырнадцатилетняя Ривка, которая надела на себя две кофты и две юбки — все, что у нее было, — вместе с несколькими товарищами оказалась в маленькой каюте по правому борту, позади штурманской рубки. Ее втолкнули туда последней, и ей как-то удалось захватить с собой молоток. Она смотрит на британского солдата, который запирает дверь. Она не может оторвать взгляда от его голубых глаз, не может его ударить и начинает тихо плакать. У одной из ее подруг не выдерживают нервы: "Выпустите нас! — вопит она. — Мы идем ко дну! Мы все утонем!" Чтобы заглушить ее крики, остальные поют "Ха-Тикву". А Ривка не поет, она плачет. Все, что здесь произошло за последние два часа, непереносимо: эта лужа крови на мокрой палубе, залитой мазутом, огни, взрывы, очереди, смертоносные выстрелы напоминают ей ужасы войны, испытанные ею в детстве в России. Прошла минута, внутренняя дверь каюты осторожно отворилась, и чей-то голос прошептал на идиш:

"Английских солдат здесь нет?"

Она повернула голову, узнала Мири, знаком показала, что нет: стражник давно покинул их.

— Хорошо, — сказал он. — Становись перед дверью. Если придут англичане, прижми ее спиной.

Вскоре на мостике появился морской пехотинец. Девочка прислонилась к двери, чтобы бесшумно ее

закрыть. Прошло несколько минут. Дверь снова приоткрылась. Мири приложил палец к губам:

— Они не обнаружили нашу радиоустановку за стенкой. Следи хорошенько за дверью. Мы продолжаем вести передачу для Палестины.

Действительно, при первой же атаке помощник старшего радиста Макс установил на палубе микрофон и Азриэль стал восстанавливать связь с Алефом. Это оказалось нелегким делом. Он добился успеха лишь к пяти часам утра, когда сражение уже заканчивалось. К этому времени ударные отряды англичан захватили палубу А и ют, однако радиорубку они не обнаружили. Правда, один из англичан туда заглянул, но, видя Азриэля, сидящего за столом и чем-то занятого, он удалился, извинившись: Sorry!

Азриэль посылает в эфир сообщение за сообщением по мере изменения ситуации:

”Судно — Алефу: Плыдем к Хайфе собственным ходом. Первая группа английских моряков пыталась взять нас на абордаж в два часа ночи. Отбились. Они сделали вторую попытку, применив огнестрельное оружие и бомбы с газом. Упорная борьба. У нас убитый, пятеро при смерти, более двадцати тяжело раненых, сто человек раненых легко. Корабль накренился. Нужна помощь, чтобы добраться до Хайфы”.

”Амнон — Алефу: Все сопровождающие чувствуют себя хорошо. Один из членов экипажа убит выстрелом. Предупредите семьи”.

”Судно — Алефу: Первое. Битва продолжается с 2 ч. 30 мин. Взяли десять пленных. У нас трое убитых, в том числе двое детей. Двадцать человек с пулевыми ранениями, в том числе некоторые с тяжелыми. Все захваченное оружие выбросили в море.

Второе. Пришлось прекратить борьбу. Взяли двадцать пленных, в том числе несколько раненых, с ними ведем переговоры об условиях сдачи.

Третье. Находимся за пределами территориальных вод, в двадцати пяти милях от берега. В течение двух часов подвергались нападению шести эсминцев. В 3 час.

30 мин. утра они пустили в ход газы и открыли огонь. Теперь эсминцы приближаются, чтобы подобрать раненых. Продолжаются переговоры с пленными.

Четвертое. Настроение бодрое. Судно сильно повреждено: в машинное отделение проникает вода. Капитанский мостик захвачен. Айк ведет корабль с помощью запасного руля. Мы все еще хозяева на борту. Продолжаем идти на Хайфу. Окружены эсминцами; над нами летят самолеты. Уточнение: на борту тридцать пленнх англичан.

Пятое. Вода поднимается все выше. Все деревянные палубы повреждены. Тридцать пленнх, из них несколько тяжело раненых, все еще в наших руках. Даже если будем вынуждены прекратить передачу, дежурьте постоянно на приеме. Будем вести передачи для населения, как договорились, в условленные часы на тех же волнах. Если у вас будут новые инструкции, предупредите”.

По приказу Иоси, Джон Грауэл начал переговоры с тремя пленными, которых он охранял. Со своего поста на заднем штурвале прибежал Айк. Предупрежденный Гадом, он ни за что не хочет сдаваться. Доходит до того, что он даже угрожает пистолетом своим товарищам. Те сразу же его обезоруживают, револьвер исчезает.

— Вечно одно и то же, — протестует он. — Вы политики из Мосада! Вам только бы разжалобить человечество. Вы точь-в-точь как осторожные руководители Еврейского агентства. Вы не согласны с нами, с Пальмахом, не согласны, что надо вести борьбу до конца. А ведь в алии наша истинная сила. Слишком уж вы умеренные. Да вы и с самого начала не верили в успех нашего предприятия. А у нас еще есть шансы! Мы находимся в двадцати одной миле от берега, у нас семнадцать пленнх, а что до тех тридцати трех морских пехотинцев, которые занимают палубу, — то их легко нейтрализовать. Я могу плыть три или четыре часа с помощью заднего руля; эсминцы, сбитые с толку нашими зигзагами, очень уж рискуют при таранах;

значит, мы можем на всех парах выброситься на отмель в трехстах метрах от берега; туда они не смогут последовать за нами.

Иоси качает головой, смотрит на Айку в упор, берет его за плечи и, ни слова не говоря, ведет в медпункт. Преодолевший недомогание доктор Козн склонился над ребенком, у которого изо рта идет кровь. Человек двадцать лежат без движения. Рядом с Дейвом, у которого разворочена челюсть и выпучены глаза, два тела, прикрытые одеялами: юный Цви и Мордехай Баумштейн, двадцатилетний доброволец, убежавший из лагеря для перемещенных лиц в Бад Райхеналь.

— Смотри сам, — сказал Иоси Айку.

К ним подошел врач; он очень бледен.

— Шестеро раненых нуждаются в немедленном переливании крови. Это вопрос жизни или смерти. Офицер, лежащий в вашей каюте, еще не пришел в сознание, и я не знаю, чего ожидать.

По просьбе Иоси, Сима составила отчет о состоянии раненых. Результаты весьма неутешительны: много, слишком много ранений в живот и в легкие, пулевых ранений, травм черепа. Продолжать плавание невозможно. Требуется немедленная помощь. Сима и ее бригада бессильны. Им не справиться даже с детьми, обожженными газом, даже с младенцами из яслей, которых заранее, до начала боя, эвакуировали в трюм.

Теперь англичане бросают гранаты на нижние палубы, чтобы заставить судно остановиться. Дело ясное. Придется вести переговоры. Аик сдастся и возвращается к рулю. Завершена операция, которую английский королевский флот назвал "Operation Igloo".

"Мы поднимаемся на палубу, — записал Норбер. — Те самые англичане, которые только что вели себя как настоящие преступники, теперь крайне вежливы. Даже раздают шоколад и конфеты, или вернее, пытаются раздать, так как никто не хочет с ними разговаривать и никто от них ничего не принимает. Отправляюсь в госпиталь, куда перенесли нашего старшего офицера, рыжего Уильяма Бернштейна. У него размозжен ду-

бинкой череп. Он без сознания, и врач сказал мне, что не знает, сможет ли тот выкарабкаться”.

Нет, Биллу не выкарабкаться. Хрип его становится все сильнее. Не обращая внимания на гнев Айка, Иоси торопится доставить раненых в Хайфу. Он приказывает механикам немедленно остановить машины. Шесть военных кораблей, удивленные таким маневром, с недоумением окружили ”Эксокус”. Иоси вызвал Грауэла. Пусть английский лейтенант Макферсон, пленный, находящийся в рулевой рубке, срочно просигналит, чтобы прислали медицинскую помощь и кровь для переливания. На палубе среди англичан трое тяжело раненых. В шесть часов утра к ”Эксокусу” подходит шлюпка под флагом с красным крестом.

Старый врач военно-морских сил, лейтенант Бетт, и сопровождающие его ”томми” бледнеют при виде открывшегося им зрелища. Они решают перенести тяжело раненых на свой корабль и обращаются за помощью к санбригадам других эсминцев. В обмен двадцать солдат морской пехоты займут места бойцов ”Эксокуса” и будут возвращены пленные англичане. С помощью Джона Грауэла Иоси продолжает вести переговоры с лейтенантом Макферсоном. Он добивается согласия англичан не спускаться в машинное отделение. Кроме того, англичане разрешают второму офицеру, Бернарду Марксу, назначенному капитаном вместо Айка, вернуться к главному рулю и самому довести корабль до Хайфы. Они не возражают также против того, чтобы оба сионистских флага по-прежнему развевались на мачтах. Белые каски расхаживают возле подступов ко всем лестницам. Кто уж тут взбунтуется!

На нижних палубах восстановилось относительное спокойствие. Насосы начали выкачивать воду из трюмов. Доктор Коэн в белом халате, со стетоскопом на груди, под эскортом солдат начал обход корабля вместе с главным врачом, присланным с ”Аякса”. Он не сказал английскому коллеге о своем шотландском происхождении. Он представился как беженец

по имени Рамбам. Врачи осмотрели сто сорок шесть раненых и больных и составили список из двадцати шести человек, которых необходимо госпитализировать в Хайфе. Остальные признаны достаточно здоровыми, чтобы выдержать кипрские лагеря.

Когда первая белая каска появилась у двери центральной палубы, где находились старшие дети с руководительницей Маей, один из мальчиков, Исаак Якубович, который только что узнал о смерти брата, вцепился солдату в горло. Товарищи оттащили его; подросток отбивался. Он пронзительно вопил, выкрикивая имя матери, погибшей в газовой камере. Появился взъерошенный, вымазанный в мазуте Айк. С сожалением покинул он запасной руль после того, как была вновь восстановлена связь привода с главным штурвалом. Он тихонько посадил Исаака себе на колени и погладил его по голове.

— Подождите, я приведу вам руки в порядок, — сказала Мая свергнутому капитану. — Это же сплошные открытые раны!

Когда она начала обрабатывать их спиртом, Айк потерял сознание. Часы на его запястье показывали 8 часов, 18 июля. Наверху, в его каюте, сидел Барни Маркс. Он понимал, что его ожидает по прибытии в Хайфу; ведь он — командир пиратского корабля. Но он согласился пожертвовать собой ради руководителей своей организации. В виде компенсации за это он решил уничтожить съестные припасы, чтобы ничего не оставить англичанам. Пока его помощники рядом с ним молча поглощали фруктовые консервы, творожные сырки, кокосовые орехи и томатный сок из неприкосновенного запаса, выданного всем пассажирам, он хладнокровно принимал душ из шампанского. "По крайней мере, это не достанется инглишам". Внизу началось разграбление трюмов с продовольствием.

А наверху, запершись в радиорубке, Азриэль, под охраной Ривки, с 7 часов утра вел радиопередачи на частоте 8400 килогерц:

”Слушайте нас, мы продолжаем наши передачи. Вы слушаете иммигрантское судно Хаганы ”Эксокус-47”. Мы пытаемся добраться до Хайфы с максимальной скоростью, с учетом повреждений, полученных ночью. На борту несколько тяжело раненых, нуждающихся в переливании крови. Из-за волнения на море нам не удалось еще перевезти их на эсминцы, которые нас эскортируют. Идем со скоростью 13 узлов. Предупредим вас о часе прибытия в Хайфу. До сих пор не удалось точно установить число жертв утреннего боя. Все насосы действуют, выкачана вода, залившая корабль. Продолжаем наши передачи...

...Положение без перемен. Сообщили, что, может быть, подойдем к берегу в 15 часов по местному времени.

Через полтора часа будем в Хайфе. Уже видны очертания горы Кармель на горизонте. Если раненым не будет немедленно оказана необходимая помощь, могут быть новые жертвы.

...Слушайте наши передачи. Будем стараться вести их до последней минуты”.

Приемный аппарат Морзе начинает попискивать.

”Алеф — Судну... Алеф — Судну: Принято решение о проведении всеобщей забастовки. Население в трауре. Алия не прекратится. В ответ на ваше обращение комитет ООН прибывает в Хайфу. Держитесь”.

В это мгновение в соседней каюте появились английские морские пехотинцы, дежурившие на юте. Почувствовав недомогание, Ривка покинула свой пост. Азриэлю и Максуду едва удалось удрать через другую дверь. Оборудование попало в руки командос. Полдень. ”Эксокус” с двумя эсминцами по бокам идет все медленнее, все тяжелее. До Хайфы несколько миль.

Безуспешно разыскивал Азриэль свой запасной передатчик. Перепуганные пассажиры, обнаружившие аппарат, попросту выбросили его за борт. Угасла последняя надежда на, пусть хоть пассивное, сопротивление британскому закону. А плененный, но не побежденный корабль шел вдоль берегов недоступной Земли обето-

ванной с ее зелеными полями и апельсиновыми рощами. Билл Бернштейн умер. Тело его было накрыто одеялом.

Впереди, на востоке, появился мыс. Англичане на юте размахивали разноцветными сигнальными флажками. Вопреки запрету, многие беженцы поднялись на палубу, на которой еще видны были следы ночного сражения. Они хотели увидеть панораму, разворачивающуюся впереди, под жарким послеобеденным солнцем. Около 14 часов им удалось разглядеть вдали город, сбегаящий по склонам горы Кармель. Прошло еще два часа. И тут у всех, даже у самых закаленных, глаза затуманились; по лицам потекли слезы, снова зазвучала медлительная, могучая, полная пафоса "Ха-Тиква". Петля за буксирами, "Эксокус-47" медленно шел мимо кладбища кораблей, прорвавших блокаду, мимо своих предшественников: как и "Эксокус", они боролись, а иные были выброшены на берег, выполнив свою задачу. Здесь, в этом заброшенном уголке порта, они стоят борт о борт; чайки сидят на их реях; палубы белы от птичьего помета. Ржавчина и прозелень их добивают. Подводная часть их уже изедана водорослями, облеплена ракушками. Они сами — парии, как те, кого они перевозили. Как парии, они согнаны сюда и стоят под охраной. Им нечего ждать. Никогда не увидят они иных гаваней. Так и будут они стоять неподвижно, под жгучим солнцем, в неподвижной, грязной, тяжелой от мазута воде, где только дохлые рыбы всплывают порой вокруг, гонимые винтами других кораблей. Сюда-то и загонят завтра бывшего "Президента Уорфильда". Здесь завершит он свои дни. Но изуродованный "Эксокус", с перерезанными канатами, повисшими тросами, разьежавшимися надстройками гордо идет под бело-голубым сионистским флагом. Радиоофицерированные катера, набитые вооруженными парашютистами, патрулируют в порту. Каждые пять минут взрывы подводных гранат сотрясают судно. Англичане боятся действий подводников Пальмаха.

В 16 час. 30 мин. корабль причалил левым бортом. Его ждал подъемный кран, две брезентовые палатки стояли на берегу, а по ту сторону пирса — покачивался белый корабль типа "Либерти", "Оушен Вигор". На верфях, кроме нескольких истощенных грузчиков-арабов, — ни одного гражданского лица. Зато в изобилии ржавые кусты колючей проволоки и повсюду солдаты в полной боевой готовности. Кордон из палестинских полицейских в черных фуражках и солдат арабского легиона в остроконечных касках сдерживает толпу у решеток, ограждающих вход в порт; отсюда раздаются патриотические песни. Люди у окон и на балконах машут руками и платками.

С "Эксодуса" им ответили. Оборванные бородатые мужчины, женщины с распухшими лицами, дети в грязной и рваной одежде, сгрудившись по левому борту на всех палубах, хором запели сионистский гимн. Солдаты слушали молча в тишине, нарушаемой лишь глухими подводными взрывами и трескотней катеров.

Выдвигают сходни. Солдаты морской пехоты, атакующие судно, цепочкой сходят на берег. Вокруг шеи у них намотаны пестрые тряпки сигнальных флажков. Их сменяют "красные береты". Это парашютисты из знаменитой 6-й десантной дивизии — наследники так называемых "крыс пустыни", из когорт Монтгомери, воевавших в Тобруке, Сицилии, Кане, Археме и, в конце концов, дошедших до Берлина. Три года тому назад, в ночь высадки союзников в Нормандии, парни из этой дивизии выбросились с парашютами под командованием генерал-майора Голса в немецком тылу: почти все мосты к югу от Кана оказались в их руках, в том числе Пегасос-бридж. Рэнвиль, первая французская деревня, пала в час ночи. В мае 1945 года, когда кончилась война в Европе, 6-я парашютная дивизия стояла в Висмаре, на берегу Балтийского моря. Возвратившись в Англию, она осенью 1945 года была направлена на Ближний Восток. С тех пор, пополненная бывшими польскими добровольцами из армии Андерса, она принимала участие во всех поли-

цейских операциях против вооруженных организаций еврейской общины Палестины, восставшей против мандатной державы. Из-за красного цвета своих берегов они получили прозвище "маки".

Демонстративно помахивая дубинками, "маки" сразу же перекрыли все выходы и переходы на судне и закрыли уборные. Деловито предложили сначала спустить на набережную тела трех убитых, затем вывести раненых и больных в сопровождении их ближайших родственников. Остальным раздали листовки, отпечатанные на четырех языках и призывавшие не оказывать сопротивления при высадке, выполнить все формальности, введенные год тому назад, и "занять места" для переправки на Кипр на трех кораблях, стоящих под парами у причалов.

"Ваш багаж будет выгружен и проверен солдатами. Вы получите его по прибытии на Кипр. Вы можете взять с собой семейные фотографии и деньги. Храните их отдельно от ваших бумаг, книг и документов.

Вы можете взять с собой фотоаппараты, но они должны быть открытыми, и все пленки будут проверены.

Вы имеете право написать письма вашим родственникам и друзьям в Палестине. Передайте их любому солдату на набережной, и они будут отосланы".

Громкоговорители с джипа предлагают сохранять спокойствие и соблюдать дисциплину. Излишняя предосторожность: отупевшая, унылая, пассивная масса пассажиров, измученная восьмидневным плаванием и травмированная ночным боем, согласна на любое убежище: в конце концов кипрские лагеря — просто приходящая Земля обетованной. Они не сопротивлялись, тем более, что и пальмаховцы, и руководители Хаганы вдруг куда-то исчезли. Некоторые смешались с толпой, чтобы не попасться в руки английских агентов уголовного розыска, некоторые спрятались на корабле в приготовленные укрытия, откуда их должна была выволить Хагана перед тем как дать им новое поручение.

Сопровождающие устроили жеребьевку. Одни должны были тайно высадиться на берег, другие — остаться с беженцами и плыть с ними на Кипр, всячески поддерживая их дух. Потом скроются и они: на острове уже есть свои люди. Среди первых командир Иоси Гамбургер (Амнос), главный радист Азриэль Энав (Узи), старшая медсестра Сима Шмуклер, капитан Ицхак Аронович (Айк), доктор Коэн и половина членов экипажа. Их имена были закодированы и переданы станции Алеф. Среди вторых — Миша Пери (Гад) и Цви Кацнельсон (Мири).

По разработанному плану Сима должна была представиться британским властям в качестве няни новорожденного, сына покойной Поли, его отцу врач с "Аякса" дал разрешение на высадку в Хайфе. Младенец, надыхавшийся слезоточивых газов, нуждался в немедленной госпитализации. Но в последнюю минуту, взглянув на старую женщину, гинеколога из России, которая ухаживала за ребенком, а теперь с жадностью всматривалась в берег, где ждала ее единственная уцелевшая дочь, Сима не выдержала и уступила ей свое место. Рядом с Гадом она прождала на палубе до часу ночи, а потом включилась в вереницу людей, медленно спускающихся по сходням на набережную, оцепленную колючей проволокой. Двойной ряд дубинок и автоматов указывал беженцам путь.

Доктор Коэн сновал взад и вперед между судном и машинами скорой помощи. Белый халат и стетоскоп служили ему пропуском, к тому же врач-англичанин трудился с ним вместе. Пятьдесят пассажиров было отправлено в Хайфскую больницу и лагерный госпиталь в Атлите. Когда отправили последних раненых, доктор Коэн вернулся на корабль за вещами с тем, чтобы примкнуть к толпе беженцев. Но оказавшись на борту, он снял с себя халат и крепко-накрепко заперся в одном из четырех убежищ, там, где раньше был продовольственный склад и где еще было полно мясного концентрата.

Человек двадцать из экипажа уже находились в трех остальных укрытиях, когда пришел Айк.

— Послушайте, парни, я должен вас предупредить — если вас найдут, вам грозит восьмилетнее заключение за пиратские действия.

Десять из них, услышав это известие, предпочли кипрские лагеря такой перспективе и смешались с безымянной толпой, всю ночь непрерывным потоком спускавшейся по трапу.

Эвакуация судна началась на исходе дня, сразу же после отправки больных. Несчастные люди ступили наконец на эту вожделенную землю — но всего на несколько мгновений. Они наклоняются, чтобы прикоснуться рукой к липким камням набережной. Приликаные офицеры со стеками просят их поторапливаться — сзади много народу. Впереди их ждут две прямоугольные военные палатки, похожие на ярмарочные балаганы. Людям приказывают сложить на полу свои мешки и сумки, то небольшое, что осталось у них после всех скитаний, всех законно и незаконно пересеченных границ, всех пережитых страданий. Затем, в первой палатке — тщательный личный обыск. Входят по десять человек, по очереди, мужчины и женщины. Во второй палатке людей посыпают ДДТ, особенно тщательно волосы. Правила гигиены обяыывают... По окончании процедуры никакого выбора: садись с кем попало, на какое пришлось судно: ведь плыть всего 17 часов, самое большее, сутки. Вдоль дока уже выстроились три корабля среднего тоннажа. На носовой и кормовой частях установлены большие проволоочные клетки с густым переплетом. Двери, закрывающие входы на все лестницы, забраны толстыми решетками.

Первым загружается "Оушен Вигор". Он стоит по другую сторону набережной. Группы беженцев и даже семьи разделились во время обысков и дезинфекции. Когда одно судно заполняется иммигрантами, начинают сажать на другое — "Эмпайр Райвл", потом на "Ранимед Парк". В окнах Хадар-ха-Кармель, еврейского района Хайфы, после захода солнца зажглись

субботние свечи. В эту пятницу в порт был допущен нейтральный наблюдатель. Присутствовать при пересадке нелегальных иммигрантов в плавучие тюрьмы разрешено было председателю специального комитета Организации Объединенных Наций по делам Палестины (ЮНСКОП), шведскому судье Эмилю Сандстрему. Он представляет свою страну в Международном трибунале в Гааге.

Прибыв в Палестину месяц тому назад, 16 июня, одиннадцать членов комиссии по расследованию, созданной ООН 13 мая в Лейк Саксес, нашли, что положение сложилось опасное. В первый же день их пребывания в Палестине английский военный трибунал вынес смертный приговор трем активистам организации "Эцель", захваченным с бомбами при попытке освободить из крепости в Акко своих товарищей. 13 июля в Иерусалиме, отдыхая на террасе ИМКА, члены ЮНСКОП узнали о том, что пять членов "Эцеля" в качестве ответной операции похитили двух сержантов английской службы безопасности, дежуривших в Натании — Пайса и Мартина. На следующий день подпольная радиостанция "Эцеля" признала: "Они у нас под надежной охраной, и мы их отпустим лишь при условии смягчения приговора нашим ребятам". В 19 часов англичане объявили военное положение в Натании и в двадцати других еврейских поселениях, насчитывающих тринадцать тысяч жителей. Два члена комиссии получили разрешение отправиться в эти места. По окончании расследования они составили следующий отчет:

"Населению запрещено выходить из домов. На улицах никого, кроме вооруженных солдат, обыскивающих один дом за другим. Мужчины от 16 до 40 лет загнаны на отгороженные участки для предстоящих допросов. Мэр города Овед Бен-Ами оценивает убытки, которые несет община, в 20 тысяч долларов в день. Он говорит, что готов отправиться прямо на радиостанцию, чтобы обратиться к "Эцелю" с призывом отпустить заложников, при условии, что наш комитет до-

бьется от верховного комиссара сэра Алана Каннингема благоприятного ответа на просьбу о помиловании трех парней, содержащихся в Акко”.

А теперь еще это жалкое шествие беженцев с ”Эксодуса” в Хайфском порту. Председатель ЮНСКОП и его спутник, делегат Югославии Владимир Симиц (брат министра иностранных дел в правительстве маршала Тито), которые оказались в окрестностях города, воспользовались случаем и попросили разрешения проверить условия пересадки беженцев на корабли. Иммигранты показались Сандстрему утомленными и вымотанными до предела. Но куда более сильное впечатление на него произвела безупречная корректность солдат Его Величества, умело помогавших беженцам во время высадки и посадки. В силу кастовой солидарности он восхищается даже высокомерной спесью, с которой британские чиновники относятся к этим ”туземцам”, вырвавшимся из восточноевропейских гетто и лагерей перемещенных лиц; к людям, кичащимся своими лагерными клеймами, невоспитанным, упрямым, беспокойным и вообще нестерпимо раздражающим. В тот же вечер он докладывает своим коллегам по комиссии, что по словам офицеров королевского военно-морского флота, им пришлось драться в открытом море, чтобы приблизиться к штурвалу ”Эксодуса” через заграждения из колючей проволоки; евреи бросали в них всевозможные предметы и дымовые снаряды; им пришлось ответить зарядами взрывчатки. По предварительным подсчетам имеется двое убитых и сто пятьдесят раненых; трех солдат морской пехоты пришлось госпитализировать по прибытии в Хайфу. В этот субботний вечер шведскому делегату еще не было известно, что американец Билл Бернштейн умер от ударов дубинками...

И действительно, солдаты стараются не нарушать полученных ими строгих указаний всячески избегать каких бы то ни было инцидентов во время высадки и посадки, которые могли бы вызвать сопротивление. Двора, например, была приятно поражена, когда один

из "маков" с улыбкой согласился отправить письмо, которое она написала своему брату — добровольцу Пальмаха. Вместе с мужем Марекком ее препроводили на "Эмпайр Райвл". Поднявшись по внутреннему трапу, она бросила последний взгляд на город, где брат ее, быть может, подготавливает ее спасение. А над головой — решетки вместо неба. И Хайфа вдали, как бы за решеткой. Нужно спуститься по узкой стальной лестнице без перил в помещение, выкрашенное масляной краской, где, как в операционной, светят рефлекторы. Сесть прямо на металлический пол — даже колени не разогнуть, — и под назойливый гул вентиляторов созерцать снизу голые расставленные ноги англичанина, облокотившегося на ложе своей винтовки.

Последними спускаются Гад и Сима. Молча пристраиваются они возле Марека и Дворы. У них вид заговорщиков. Англичане не обнаружили их убежища, но около часа ночи Айк выскочил как чертик из коробки и предупредил их о том, что, по-видимому, в одном из укрытий случилось несчастье. И тут же исчез.

— Я звал, стучал в стенку, но никто не ответил. Я боюсь, как бы они не потеряли сознание из-за недостатка воздуха.

Сима подумала: а может быть, все-таки предупредить англичан, чтобы спасти товарищей от удушья? Но в эту самую минуту появились парашютисты и вытолкнули ее и Гада с палубы.

Она перегнулась через поручни и окликнула старого еврея, которого заметила в лодке, неподалеку. Надо, чтобы в Хайфе узнали о тех, кто дал себя запереть на "Эксопусе". Тот не услышал. Придется ждать, пока судно переведут к другому причалу и пришлют бригаду уборщиков — для предупреждения эпидемии. Тогда можно будет действовать ...Но это будет только на исходе субботы.

В субботу в 5 час. 30 мин. утра посадка на последнее судно — "Ранимед Парк" была завершена. Власти зарегистрировали 4493 беженца, состояние здоровья которых позволяет им выдержать это плавание. За со-

рок пять минут — с 6 до 6.45 — все три плавучие клетки по очереди вышли в море. День начался. Норбер снова берется за свой дневник:

”Суббота, около 4 часов утра, все кончено. В 6 час. мы отдаем концы и берем курс на Кипр. Я нахожусь на борту ”Эмпайр Райвл”. Здесь крайне неудобно. Лежанок нет, спим прямо на полу, в трюме и в двух клетках на палубе. Клетки как в зоопарке. Перед ними прохаживаются солдаты 6-й дивизии. Вчера мне пришлось немного поспорить с майором, командовавшим воинскими частями в порту. Когда я спросил его, не является ли нападение на наш корабль за пределами территориальных вод грубейшим нарушением международных законов, он ответил мне с улыбкой:

— Международный закон? А что это такое? Международный закон диктует Англия!

К счастью, завтра мы будем на Кипре. Да у нас ничего и нет, кроме одежды: рубашка, брюки, туфли. Попробую заснуть”.

Вскоре после выхода в море кораблей-клеток, член ЮНСКОП от Гватемалы Хорхе Гарсия Гранадос принял в Иерусалиме, в доме ”Кадима”, неожиданных гостей. Два американских журналиста привели высокого блондина лет тридцати, возбужденного, истощенного, растрепанного, одетого в узкий для него костюм, явно с чужого плеча.

— Это отец Джон Грауэл из Уорчестера, штат Массачусетс, — сказал один из журналистов, вталкивая неизвестного в комнату; его товарищ торопливо прикрыл дверь. — Он был добровольцем на ”Эксодаусе”, и нам удалось вырвать его из рук английской полиции в Хайфе.

Этого было достаточно, чтобы Гарсия Гранадос приветливо улыбнулся и дружески протянул руку. Грауэл был так взволнован, что даже не ответил на его приветствие. Но сорокасемилетний гватемальский дипломат и не такое видал на своем веку. Журналисты и пришли

к нему именно потому, что знали о его отношении к революционной борьбе. Гарсия Гранадос воевал в Испании в рядах Интернациональной бригады. Уже два года он был послом в Вашингтоне и руководил делегацией Гватемалы в ООН, где постоянно выступал в защиту свободы народов, угнетенных империализмом великих держав.

— Англичане пытались бросить его в тюрьму вместе с капитаном Бернардом Марксом, штурманом и главным механиком, которых они собираются обвинять в пиратских действиях. Вы должны его выслушать немедленно. А потом он попросит защиты у американского консула.

— Скоты! — воскликнул Грауэл. — Они забрали все мои документы, карточку журналиста, верительные грамоты.

Американским журналистам удалось вытащить его как своего собрата, которому какой-то журнал, якобы, поручил написать репортаж о подпольной еврейской иммиграции в Палестину...

Так как он шестьдесят часов не спал, дипломат предложил ему немного отдохнуть, но американцы настаивали на том, чтобы он сперва выложил все, и немедленно. И пастор начал рассказывать все с самого начала, с того дня в Балтиморе, шесть месяцев назад, когда он появился на пароходе "Президент Уорфильд". Он не мог удержаться от рыданий, рассказывая о смерти своего лучшего друга Билла Бернштейна, которому он ничем не смог помочь. Он встал во весь рост:

— Я обвиняю британский флот в пиратских действиях в открытом море. Нужно, чтобы об этом узнал весь мир: они намеренно напали на нас вне территориальных вод, потому что знали, что не поторопись они, мы сможем прорвать блокаду!

Гарсия Гранадос тут же позвонил доктору Виктору Ху, представителю генерального секретаря ООН Трюгве Ли в комиссии, и попросил его установить непосредственный контакт с председателем Сандстремом. Реши-

ли, что на следующий день Грауэл даст показания комиссии в апартаментах шведского дипломата.

— А теперь отправляйтесь-ка спать, — посоветовал хозяин дома. — Завтра вы повторите свой рассказ моим коллегам.

В тот же день Хагана опубликовала обращение к представителям ООН с просьбой выступить против депортации "жертв пиратских действий в открытом море".

В воскресенье, 20 июля, пять делегатов ЮНСКОП, в присутствии трех руководителей секретариата, выслушали официальные показания Грауэла, который, по просьбе Сандстрема, изложил свою версию захвата "Эксодуса".

— Напав на рулевую рубку, англичане дважды стреляли без предупреждения. Из-за них Билл Бернштейн несколько часов лежал в каюте без всякой помощи. Ах, если бы только мне удалось до него добраться!

— Вы уверены, что на судне не было винтовок?

— Абсолютно уверен. За два дня до этого мы все на судне перевернули вверх дном. Мы обнаружили три пистолета и тут же выбросили их за борт.

— Скажите откровенно, англичане могли бы взять судно под свой контроль, не прибегая к силе?

— Нет, но пускать в ход огнестрельное оружие и пользоваться дубинками со свинцом — это уже слишком. Хватило бы слезоточивых газов. Как бы то ни было, — добавил измученный Грауэл, закрывая заседание, — ничто, никогда не помешает этим людям добраться до Палестины.

В тот самый час, когда пастор давал свои показания, Иоси, Азриэль, Айк и двенадцать их товарищей, которым удалось тайно высадиться, уже шли по палестинской земле. Они провели тридцать шесть страшных часов в герметически закрытых убежищах, не имея возможности ни шелохнуться, ни сесть, ни утолить жажду. Их освободили уборщики компании "Оген" филиала фирмы "Солель Бонэ", среди которых было

много агентов Хаганы и Пальмаха. Когда заживо замурованные слышали наконец песенку, которую насвистывали рабочие, они забарабанили в перегородки. На грязных переходах нижней палубы они чуть не попадали в обморок от света и воздуха. Служащие "Огена" помогли им переодеться в комбинезоны и кепки портовых рабочих. Они едва держались на ногах.

Они выходили по одному, смешиваясь с рабочими, имевшими пропуск от своего предприятия. В руках у них были мешки с мусором. В вагонах с мусором они и выехали из порта. В здании "Солель Бонэ", где находился штаб, им наконец удалось побриться и отмыться. Проходя мимо решеток у выхода с территории порта, Роже Рофэ говорил со своими спутниками по-арабски, так как предприятие нанимало уборщиков-евреев и грузчиков-мусульман. Маленькими группами они добрались до гостиницы "Кармелия", где их ждали руководители сети, Давидка Намери и Игал Аллон, а также фотограф — специалист по поддельным документам. Доктор Коэн прибыл на такси, переодевшись кладовщиком. Британские власти объявили комендантский час с 18 часов в ответ на покушение "Лехи" на двух полицейских, состоявшееся накануне прямо на улице в Хадар-ха-Кармель.

В 16 часов они приняли участие в гигантской похоронной процессии, следовавшей за гробами трех их товарищей. Толпа шла мимо магазинов, закрытых в знак траура. Во всех еврейских поселениях была объявлена всеобщая забастовка; в Тель-Авиве ожидалась демонстрация. Не прошло и часа, как пять тысяч солдат из третьей парашютной бригады принялись прочесывать город и порт Хайфы. Роже Рофэ, которому какая-то женщина дала костюм цвета хаки, сидел в гостинице и поглощал арбуз за арбузом: завтра ему предстоит отправиться в кибуц Дан с сорока лирами в кармане. Иоси и Аик перед наступлением комендантского часа выехали на машине в Джуару, где должны были отчитаться перед штабом Мосада и

разоблачить преступления англичан по радиостанции Хаганы.

Мандатные власти сразу же опубликовали опровержение:

”Судно подходило к берегам, двигаясь от египетской границы. В повреждениях, как его собственных, так и наших кораблей, виновна команда, непрерывно менявшая курс. Незаконные иммигранты ожесточенно сопротивлялись с помощью газовых и дымовых бомб и метательных снарядов. Один из эсминцев несколько раз был вынужден открыть огонь, когда действия пассажиров ”Эксодуса” угрожали жизни его матросов. Взятие на бордаж состоялось в территориальных водах Палестины”.

За словесной войной последовала просто война. В первую же ночь после объявления комендантского часа произошел взрыв небывалой силы. 21 июля, на рассвете, ударная группа из 16 пальмаховцев атаковала радарную установку на горе Кармель и военный лагерь, расположенный по соседству со штабом 6-й десантной дивизии. Схватка была кровопролитной. В течение дня ”Эцель” и ”Лехи” минировали дороги, взрывали джипы и грузовики. В городах расширялось забастовочное движение. Были совершены диверсии на нефтепроводах и железной дороге. В Иерусалиме, в кинотеатре ”Эден”, один из сеансов был прерван стрельбой из автомата и воем сирен. Люди на крышах стреляли в полицейских.

А на Кипре, где английские войска находились в состоянии боевой готовности, в порту Фамагуста напрасно ждали прибытия трех судов-тюрем. Даже власти острова не могли сообщить о них ничего. Согласно телеграмме, полученной в ночь с 21-го на 22-е из Лондона, ”по договоренности между британскими и французскими властями, а также в соответствии с соглашениями, подписанными в марте этого года, эмигранты будут возвращены в те порты, где они сели на судно”. Французский МИД не опровергал это сообщение.

На следующий день другая английская плавучая тюрьма, которую мандатные власти использовали для депортации — "Эмпайр Лайф Гард", — взорвалась и пошла ко дну в Хайфском порту: подводники Пальмаха установили на корпусе корабля мину с присосками.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ
ОБРАТНО К БЕРЕГАМ ЕВРОПЫ

Худшее не всегда прочно.
Кальдерон

БИДО

С воскресенья, 20 июля, добрососедские отношения между Францией и Англией, улучшившиеся было в связи с проблемой американской помощи Германии, были снова поставлены под угрозу из-за дела "Эксодуса". Предполагалось, что плавучие тюрьмы держат курс на Кипр. Однако, согласно официальной информации, поступившей из Лондона, их направили к французским берегам в гавань Вильфранш-сюр-Мер возле Ниццы. Затем, после расследования, они, под конвоем французского военного корабля, будут выведены на границу территориальных вод и переданы английскому эскورتу. Отсюда они поплывут, наконец, в Колумбию. В воскресный вечер не удалось добиться официального подтверждения этих слухов. Однако в одной из радиопередач Би-Би-Си на арабском языке был сделан намек на возможный кризис в отношениях между Лондоном и Парижем.

Посол Франции в Лондоне г-н Рене Массильи телеграфировал в министерство иностранных дел: "Бевин требует, чтобы Франция, которая после всех своих обещаний позволила кораблю выйти в открытое море, взяла на себя ответственность за содеянное и согласилась на этот раз сотрудничать с британскими властями. Бидо по-прежнему, как и в начале июля, опасался скандала, грозящего подорвать его дипломатические усилия и разрушить правительственную коалицию, поэтому он нажимал на Рамадье. Министр внутренних

дел Депре решил не торопиться с ответом на запрос Совета министров.

На улице Шабане, в штабе Мосада, снова переполох. После драматического отплытия "Президента Уорфильда" Веня опять, в последний раз, поехал на Ривьеру и организовал в Йере отправку небольшого иммигрантского судна на 250 человек. Затем в Бордо вместе с комиссаром службы безопасности он занялся другим вопросом: нельзя ли использовать для отправки беженцев также порты атлантического побережья как Ла-Рошель или Байонна, которые не находились под столь пристальным наблюдением Интеллидженс Сервис. Когда в понедельник 21 июля он вернулся в Париж, ему показали телеграммы, полученные радиостанцией сети. В первой руководитель политического отдела Еврейского агентства Моше Шерток просил сообщить ему, как проходит транспортировка беженцев с "Эксодуса" на Кипр. "По слухам, тут что-то не так". Вторая телеграмма была послана радиопередатчиком Алеф:

"Нет никаких подтверждений прибытия иммигрантов с "Эксодуса" на Кипр. Иностранные корреспонденты говорят, что не исключена возможность их высылки во Францию или Северную Африку. Все три судна, по-видимому, ожидают инструкций в открытом море. Население Палестины встревожено. Пастор Грауэл дал показания международной комиссии ООН по Палестине. Товарищи думают, что во Франции необходимо подготовиться к возможному возвращению беженцев. Предупредите нас и сообщите о намечаемых действиях".

Веня кинулся в министерство внутренних дел. В кабинете Депре он застал Андре Блюмеля и аббата Гласберга. Министр подтвердил: да, Бевин действительно предъявил английские требования.

В тот же вечер представитель Еврейского агентства в Лондоне профессор Бродецкий направился в министерство колоний. Он собирался выяснить три вопроса: "Где находятся в настоящий момент 4500 евреев,

посаженных в Хайфе на корабли? Каково их место назначения: Кипр, Мальта, Бенгази, остров Маврикия? Будут ли они сначала доставлены во Францию и каким способом?" Ответ был кратким: "Они будут доставлены во Францию с согласия французского правительства". Но в Париже, незадолго до полуночи, из хорошо информированных источников поступило сообщение, что правительство изучает вопрос, однако никакого решения еще не принято. Французские политические деятели отложили решение до следующего заседания Совета министров, которое должно было состояться через двое суток.

На следующий день, 22 июля, представитель министерства иностранных дел Англии господин Перри Феллоус заявил, что Великобритания снимает с себя всякую ответственность с того момента, как эмигранты возвратятся во французские территориальные воды, в четверг или в пятницу. Даже если Франция решит отправить их в Колумбию, представляется маловероятным, чтобы для их транспортировки были использованы английские корабли. "Наша задача вернуть их к месту отправления. Остальное — дело Франции". Он добавил, что не располагает никакими сведениями о намерениях Франции.

Вскоре после этого заявления пресс-атташе французского посольства в Лондоне сообщил журналистам, что суда-тюрьмы получают, по-видимому, разрешение зайти в порт Вильфранш-сюр-Мер, однако, не может быть и речи о высадке пассажиров: переговоры об их дальнейшей судьбе ведутся в Париже между господином Даффом Купером и министерством иностранных дел.

Лондонская пресса в тот же день опубликовала ответ Бидо на личное послание Бевина, просившего Францию о помощи в борьбе против незаконной иммиграции. Французский министр обещал своему британскому коллеге более тщательный контроль при отправлении судов, более строгое отношение к просьбам о визах и более внимательное наблюдение за портами.

Во второй половине дня новая неожиданность: посольство Колумбии в Париже заявило, что визы, предъявленные эмигрантами французским властям, были выданы без его ведома и без предварительного согласия министра иностранных дел в Боготе. Колумбийский консул в Марселе Хосе Делано был освобожден от своих обязанностей. Как бы то ни было, проверить визы пассажиров "Эксодуса" уже невозможно: газета "Ле Монд" сообщила, что они уничтожили все свои документы сразу же после посадки на судно.

В Палате общин государственный секретарь по делам колоний Артур Крич Джонс заявил, что судьба эмигрантов "Эксодуса" целиком зависит от французских властей:

— Я думаю, что правительство в Париже отдает себе отчет в том, какими последствиями чревато сложившееся положение.

По обе стороны Ламанша разгораются страсти. Тем временем в Иерусалиме представитель Еврейского агентства подливает масла в огонь:

— Еврейское агентство отказывается поверить, что Франция — страна, где господствует идеал справедливости и братства, — согласилась участвовать в столь жестоком деле. Если информация подтвердится, не найдется такого француза, который не испытал бы чувства стыда и унижения.

На следующий день, в среду 23 июля, Совет министров Франции, возвращаясь к традициям Третьей республики, впервые с 1938 года собрался в замке Рамбуйе, летней резиденции главы государства. На повестке дня: работа экономической конференции 16 европейских стран и недавние переговоры между Вашингтоном и Лондоном об американской помощи. Господин Андре Сегалья, генеральный секретарь правительства, в последний момент внес в повестку дня дело "Эксодуса".

Обсуждение этого непредусмотренного заранее пункта продолжалось два часа. Его прервало неожиданное появление посла Великобритании у подъезда дворца

Рамбуе. Бидо, извинившись перед своими коллегами, покинул зал заседания и удалился минут на двадцать для переговоров с английским дипломатом. Это был абсолютно беспрецедентный случай в истории французской правительственной практики. Но, как стало известно позднее, английский посол был вызван в Рамбуе по инициативе французского министра иностранных дел, который хотел объяснить, как трудно ему добиться поддержки своих коллег. Господин Дафф Купер простился с Бидо холодно, не преминув уточнить, что это вопрос принципиальный: интернирование на Кипре оказалось неэффективным и повело скорее к непосильной перегрузке мандатных властей, чем к прекращению тайной иммиграции. Поэтому отныне евреи будут возвращаться к местам их отправления.

— Этот принцип, временно отмененный в военное время, в мирное время вновь входит в силу.

Вернувшись в зал заседаний, Бидо попытался в последний раз убедить своих коллег-социалистов, пустив в ход соображения гуманности:

— Мы не можем отказать в помощи этим несчастным. Это все, чего наши друзья-англичане — ваши партийные товарищи — просят у нас: помочь им прекратить эти страдания как можно скорее, приняв беженцев в нашу страну.

В бешенстве Депре вскочил и стал стучать кулаком по столу:

— Пожалуйста, только принимать их в порту будут ваши чиновники! — загремел он. — А для проведения высадки я не дам ни одного жандарма!

Рамадье и Тетжен пытаются его успокоить. В заключение Совет министров решил, что Франция не будет уклоняться ни от подписанных ею обязательств, ни от долга гостеприимства, но что она не намерена прибегать к силе для высадки эмигрантов, если последние отклонят приглашение Франции. По окончании заседания официальный представитель правительства, молодой Франсуа Миттеран, министр по делам ветеранов и жертв войны, опровергая, что визит Даффа Купера

имел отношение к решению правительства, сделал следующее заявление:

”В этом трагическом деле, простом с точки зрения международного права, но сложном в связи с запутанностью обстоятельств, Франция намерена занять гуманную позицию. Она, конечно, не отрицает, что взяла на себя обязательство никого не направлять в Палестину, но, признавая, что эмигранты прошли через ее территорию, она подчеркивает, что не несет прямой ответственности за их отъезд, так как в большинстве случаев эти эмигранты прибыли из различных зон оккупации Германии и имели исправные на вид паспорта, в которых Колумбия была указана в качестве конечного местоназначения. Если суда, их перевозящие, снова придут в один из ее портов, Франция не намерена закрыть свои двери перед эмигрантами, но она также не будет заставлять их высадиться. Она займет по отношению к ним гуманную позицию и окажет немедленную помощь тем, кто захочет остаться на ее территории”.

Это внешне безобидное заявление Миттерана произвело в Лондоне впечатление взорвавшейся бомбы. Оно означало отказ от сотрудничества в вопросе, который Великобритания считала жизненно важным, и это в тот самый момент, когда перед лицом проблем, разделяющих Европу, единодушие было особенно важно.

В день заседания в Рамбуйе газета ”Ле Монд” в редакционной статье осудила английскую политику в самой ее основе:

”Вопрос не в том, было ли утлое суденышко, пытавшееся прорвать блокаду, захвачено в открытом море или в территориальных водах. В своей первой стадии дело ”Эксодуса” является не более чем одним из многочисленных проявлений подпольной иммиграции. Но теперь возник новый элемент, полностью меняющий всю проблему... Не странно ли, что нас хотят заставить взять на себя новые обязательства на Ближнем Востоке, когда еще совсем недавно были пущены в ход все средства, чтобы изгнать нас из этого района?

При этих условиях как мы поступим, когда английские транспорты придут к нашим берегам? Допустим ли мы высадку в наших портах пассажиров, не имеющих никаких документов, которые, как нам сообщают телеграммы, поклялись сопротивляться высадке в Европе любыми средствами, даже самыми крайними?.. Легко себе представить, в каком затруднительном положении оказалась бы Франция, если бы ей пришлось преследовать и вновь интернировать людей, единственное преступление которых заключается в том, что у них нет документов, легального статуса и родины, которых их лишили общие враги Франции и Великобритании”.

Клятва, на которую намекал редактор “Ле Монд”, якобы была найдена Хаганой в бутылке, выброшенной в море узниками плавучих тюрем. Текст ее подпольная радиостанция Хаганы передала в среду 23 июля: “Мы, 4500 евреев, спасшихся от нацистской смерти, стремились только к одному — попасть в Палестину. Англичане силой пересадили нас на три военных корабля, когда мы уже подходили к Святой Земле. До нас дошел слух, что нас, возможно, вернут во Францию. Мы клянемся священной землей Палестины, что никогда не высадимся во Франции. Пусть прольется кровь, но никто не сойдет на берег! Ныне мы обращаемся к французскому народу и взываем к совести всех свободных народов. Мы не потеряли веры в свободный мир и, в частности, в демократическую Францию”.

Это тотчас же всколыхнуло общественное мнение. Люди всех взглядов и убеждений принимали участие в митингах, собраниях, петициях, высказывали свое отношение к этой проблеме.

В парламенте, где должны были открыться дебаты по вопросам внешней политики, председатель Совета министров Рамадье заявил, что беженцы останутся во Франции, если они того пожелают, и даже получают разрешение поселиться на ее территории. Но любое решение по этому вопросу, — добавил он, — будет зависеть от воли самих беженцев. В здании Совета министров

непрерывно проводились совещания представителей министерств иностранных дел, внутренних дел и торгового флота. В пятницу, 25 июля, господин Бернар, вице-директор Управления национальной безопасности, председательствовал на более узкой конференции в министерстве внутренних дел, в которой приняли участие также Андре Блюмель и аббат Гласберг. Обсуждался вопрос о выборе порта высадки. В конце концов остановились на маленьком нефтяном порту у входа в залив Фос-Пор-де-Бук, находящемся в часе езды от Марселя, в месте, мало посещаемом туристами и легко контролируемом.

По окончании совещания Депре направил генеральному секретарю префектуры департамента Буш-дю-Рон господину Франсуа Колавери, исполняющему обязанности префекта Жана Муайона, уехавшего в отпуск, служебную записку с точными инструкциями, имеющими целью гарантировать беженцам свободу выбора:

”Париж, 25 июля 1947 года.

Как вам известно, правительство по соображениям гуманности решило не возражать против возвращения во Францию иммигрантов с корабля ”Экзодус-47”, захваченного английскими властями в Восточном Средиземноморье, в случае, если они прибудут в какой-либо французский порт. Таким образом было решено, что заинтересованные лица смогут высадиться на берег или, если они того пожелают, остаться на корабле. Их снабжение будет обеспечено, и если они захотят сойти на берег, им будет оказано гостеприимство. Эти иммигранты, числом около 4500 человек, среди которых, по-видимому, имеется большое количество женщин и детей, плывут в настоящее время к нашим берегам, на трех ниженазванных английских торговых судах: ”Оушен Вигор”, ”Ранимед Парк”, ”Эмпайр Райвл”, — прибытие которых ожидается начиная с понедельника, 28 июля сего года.

Поскольку правительство решило назначить местом высадки Пор-де-Бук, на вас возлагается обязанность обеспечить прием и направление в конечные пункты

назначения тех эмигрантов, которые пожелают воспользоваться нашим гостеприимством.

Взяв на себя, таким образом, руководство операциями, вам придется организовать и координировать работу различных служб, которые примут в них участие при нижеследующих условиях:

I. Высадка эмигрантов.

Как вам уже известно, правительство отказалось от какого бы то ни было участия в высадке тех иностранцев, которые не пожелают сойти на нашу территорию.

Во избежание каких-либо сомнений по этому вопросу портовые власти должны принять меры, обеспечивающие невозможность для британских судов подойти к причалам по завершении санитарного осмотра, предусмотренного правилами. Эти корабли соответственно бросят якорь на определенном расстоянии от причалов и операции по высадке будут производиться с помощью судов, которые будут предоставлены морской администрацией.

Необходимо предусмотреть раздачу листовок на соответствующем языке и использование мощных громкоговорителей как на набережных, так и на судах.

II. Прием на берегу.

Вам придется выбрать и оборудовать достаточно большое помещение, пригодное для временного пребывания эмигрантов с момента, когда они ступят на землю и до тех пор, когда они будут направлены на поезда, которые доставят их на место конечного назначения.

Министерством населения и здравоохранения уже приняты необходимые меры для обеспечения в нужное время необходимого персонала и оборудования, а также для госпитализации раненых и больных в случае необходимости.

Точно так же Управлением снабжения приняты необходимые меры для доставки продовольствия, предназначенного для высадившихся эмигрантов. Оно также предусмотрело необходимость обеспечить про-

довольствием эмигрантов, которые останутся на кораблях.

III. Транспорт.

Министерство общественных работ дало инструкции, согласно которым несколько железнодорожных составов будет направлено в порт накануне начала высадки. Организация доставки эмигрантов и их багажа к вагонам, местоназначение которых будет вам сообщено позднее, возлагается на вас. Вам придется также принять все необходимые меры для обеспечения питания и медицинского обслуживания по дороге.

IV. Полицейский контроль и мероприятия для обеспечения порядка.

Представитель моей центральной администрации, специалист в области эмиграции и транзита, назначен для проведения на месте — под вашим руководством — необходимых полицейских формальностей, а также для проверки личности высадившихся иностранцев.

Считаем необходимым незамедлительно предупредить вас о том, что эти формальности должны быть выполнены с максимальной скоростью с тем, чтобы свести к минимуму стоянку или транзит этих эмигрантов.

Вам, разумеется, предстоит, с помощью средств, которыми вы располагаете, а также с помощью всех тех средств, за которыми вам придется обратиться в мое ведомство, обеспечить полный порядок при проведении операции.

V. Частные мероприятия.

Представитель министерства иностранных дел господин Тадэ специально назначен для установления контактов с консулом Великобритании с тем, чтобы, воспользовавшись своим влиянием и авторитетом, он предотвратил насильственные действия со стороны командиров кораблей и не допустил применения мер принуждения, таких как, например, лишение пищи для того, чтобы заставить евреев согласиться на высадку. Любые контакты между французской полицией и эки-

пажами кораблей будут обеспечены при его посредничестве.

С другой стороны, то же ведомство намерено обратиться за содействием к представителям Временного комитета Международной организации по делам беженцев и Международного комитета Красного Креста.

И, наконец, французское общество взаимопомощи, Французское общество Красного Креста и, возможно, Временный комитет Международной организации по делам беженцев при поддержке содействия еврейских организаций, под руководством Объединенного комитета помощи евреям, будут участвовать как в приеме, в собственном смысле слова, так и в предоставлении убежища высадившимся эмигрантам.

Вам придется, разумеется, быть председателем миссии, которую вы должны будете сформировать, чтобы скоординировать действия руководителей различных отделов и организаций, принимающих участие в операции, руководство которой вам поручено.

VI. Отчет.

Вам следует направить мне как можно быстрее общий доклад с отчетом о выполнении всей операции, кроме отчетов по телеграфу и телефону, которые вам следует давать мне по мере развития событий.

Считаю излишним подчеркивать здесь важность успешного выполнения вашей миссии. Заранее убежден в том, что, действуя в духе человечности и понимания, которым наша страна всегда руководствовалась в подобных случаях, вы сумеете правильно осуществить намерения и решения правительства.

подпись: Эдуард Депре”

Министр внутренних дел одновременно подписал отношение за № 578, которое гласило:

”Министр внутренних дел обращается к гражданским и военным властям с просьбой по мере возможности облегчить миссию господина Андре Блюмеля, которому поручено установить контакт с беженцами, заключенными на кораблях и не допущенными в Па-

лестину, а также с различными еврейскими организациями. Подпись: Э.Д.”.

Для вящей представительности, отношение украсили всевозможными печатями, так как Блюмель, руководивший в свое время кабинетом предшествовавшего министра, не имел теперь никакого официального поста. Все свое свободное время он посвящал координации работы сионистских организаций. Несмотря на это Депре, с согласия Жюля Мока и председателя Совета министров Рамадье, ввел его в государственную комиссию, созданную в связи с делом ”Эксодуса”.

Кроме господина Блюмеля, членами комиссии были назначены пять человек: Жан Таде, представитель министерства иностранных дел; Франсуа Ксавье Руссо, представитель министерства внутренних дел; контр-адмирал Анри де Ку, ответственный за морской торговый флот; доктор Жан Симон Кейла, генеральный инспектор министерства здравоохранения и населения; господин Морис Гуино, генеральный секретарь Французского общества взаимопомощи.

К концу дня оставалось решить лишь вопрос о тексте листовки, обращенной к ”пассажирам”. Для того, чтобы окончательно ее отредактировать и издать на трех языках — французском, иврите и идиш — потребовалось дополнительное участие специалистов.

Тем временем в Марселе федерация еврейских обществ Франции, вместе с другими еврейскими организациями, устроила демонстрацию протеста, по окончании которой делегация вручила английскому консулу господину Кею послание с выражением своего возмущения. Ривьера от Сета до Монако кишела журналистами; сионистские организации выставили своих наблюдателей, чтобы следить за происходящим на море. А директор отдела иностранцев министерства внутренних дел Марсель Пажес, друг сионистов, с начала месяца уехал в отпуск. Его отсутствие вызывает тревогу у руководителей Мосада, которые опасаются, как бы решимость правительственной комиссии в случае нового давления англичан не ослабла. Поэтому Ве-

ня и Гласберг решили слетать на юг Франции на ферму родителей Пажеса. Из-за плохих метеорологических условий они добрались до Пажеса лишь в полночь. Ответственный чиновник с гордостью угостил их фруктами из своего семейного сада. Но их интересовало не это. Вместе они отшлифовали текст листовки, приготовленный работниками министерства под названием: "К сведению эмигрантов с "Эксода-47".

Затем Пажес набросал программу действий комиссии из десяти пунктов:

"1. Корабли станут на якорь за пределами порта, чтобы помешать любой попытке насильственной высадки.

2. Французские катера, которые будут предоставлены эмигрантам, не будут содействовать осуществлению подобных попыток.

3. Беженцы будут получать в течение двух дней пищу, чтобы иметь время обдумать свой ответ на французское предложение.

4. Комиссия будет действовать совершенно независимо от командования английских судов.

5. Больные, которые сойдут на берег для получения медицинской помощи, не будут считаться высадившимися добровольно и смогут вернуться на корабль, если они об этом попросят.

6. В случае чьей-либо смерти, родственники покойного, сошедшие на берег для похорон, смогут свободно вернуться на корабли.

7. Для ведения переговоров между комиссией и эмигрантами будет назначен переводчик-еврей.

8. Будет определен срок стоянки английских судов в территориальных водах Франции.

9. Французское общество взаимопомощи будет иметь право доставить на суда запас продовольствия перед их отплытием.

10. Не следует опрашивать эмигрантов в индивидуальном порядке".

Ночью Веня и Гласберг отправились в Париж. Они должны были передать эту инструкцию Блюмелю еще

до начала первого заседания, назначенного на следующий день в префектуре Марселя.

Заседание продолжалось весь день и затянулось до ночи. Тем временем был спешно организован лагерь на автодроме Мирамас: крытые трибуны были превращены в спальни, на поле выросли палатки. Французское Общество взаимопомощи реквизировало заброшенный лагерь американской армии, километрах в тридцати от Пор-де-Бука. Веня старается получить от морских властей три небольшие судна, чтобы подойти к кораблям-тюрьмам раньше комиссии. Специальные корреспонденты бесчисленных газет наводнили гостиницу "Арбуа", возле марсельского вокзала Сен-Шарль, в которой остановились представители правительства.

В пятнадцать часов два кинематографиста и один репортер "Фран-Тирера" вылетели из Мариньяно навстречу трем кораблям-призракам. На протяжении трех долгих часов они искали их в море.

В Пор-де-Буке все спокойно. В порту стоят три танкера. В заливе Фос ничего примечательного. Тень гидросамолета выписывает широкие петли на безжизненном море. Заметив корабль типа "Либерти", летчик спикировал, но увидел французский флаг... Высунув голову, он продолжал поиски. Ничего! Только два грузовых судна... держат курс на Марсель. Делать нечего, пришлось вернуться восвояси.

На следующий день, в понедельник, 28 июля, в 10 часов утра английский эсминец "Кардиган Дэй" стал на якорь в старом порту Марселя, у набережной Кэ-де-Бельж. Он как будто не входит в состав конвоя, но, вероятно, предваряет его прибытие. Командир корабля капитан Коллетт в сопровождении двух старших офицеров королевского военно-морского флота немедленно отправился в Пор-де-Бук. Там он собирается начать переговоры с правительственной комиссией, которая проверяла на месте ход подготовки к прибытию беженцев. В 14 час. 30 мин. он вернулся в Марсель, где присутствовал на очередном заседании, состоявшемся на этот раз в префектуре, куда также были

приглашены консул Кей, секретарь посольства Кольсон, военный атташе капитан Тирп и пресс-атташе Эшкрофт. Капитан передал послание полковника Грегсона, начальника конвоя, в котором последний изложил точку зрения своего правительства:

1. Пассажиры трех транспортных судов выразили желание высадиться во Франции. Следовательно, все должно быть готово к их приему. 2. Долг французского правительства предотвратить действия смутьянов и агентов Хаганы, которые могут организовать диверсии против кораблей, стоящих на якоре. 3. Нет никаких сомнений, что после разгрузки эти корабли покинут порт порожняком.

Выполнив поручение, капитан Коллетт щелкнул каблуками и удалился вместе со своими соотечественниками. Контр-адмирал де Ку проводил его до старого порта. Не прошло и трех часов, как эсминец вышел в открытое море. Комиссия, начавшая обсуждать английский документ при закрытых дверях, поддерживала по телефону постоянный контакт с соответствующими министерствами и с Советом министров. Теперь известно, что плавучие тюрьмы прибудут к границе территориальных вод — в трех милях от Пор-де-Бука — к 4 часам утра.

Тем временем в Марселе страсти разгораются. На улицах города полно еврейских активистов и коммунистов, трехцветная листовка призывает "всех тех, кто в течение четырех лет страдал от нацистского гнета" явиться во вторник утром в Пор-де-Бук: "Британский военно-морской флот, — говорилось в тексте, — решил применить грубую силу для того, чтобы заставить несчастных людей высадиться против их ясно выраженной воли. Все, кому дорога свобода, присоединяйтесь к нам и приходите выразить свой протест. С 6 час. утра на главной площади, за биржей, будут ждать автобусы".

В летнем лагере Сандерваль еврейские молодежные организации собирают своих членов-бойскаутов и пионеров — и предоставляют их в распоряжение француз-

ского отделения Хаганы и его руководителя мосье Поля. Последний отправляет в Пор-де-Бук Эмиля Нисри, по прозвищу мосье Эмиль, и поручает Пьеро Мучнику организовать студенческую службу порядка, а также разведывательную службу, чтобы контролировать маленький порт.

Последнее заседание в префектуре затянулось. По просьбе представителя министерства иностранных дел Жана Тадэ, комиссия приступила к составлению списка мероприятий, проведенных со вчерашнего дня для обеспечения контроля и возможного приема 4500 эмигрантов. Шесть врачей-евреев, трое клинических врачей, шесть медсестер-евреек, два председателя министерства здравоохранения находятся на месте. Они обеспечены всем необходимым.

Для приема здоровых эмигрантов приготовлены тысяча мест в школах, тысяча мест в еврейских транзитных лагерях, тысяча в Мирамас и три тысячи мест в бывшем американском военном лагере Калас. Французское общество взаимопомощи и еврейские организации содействия взяли на себя задачу размещения беженцев.

Господин Тадэ считал, что Джойнт должен участвовать в приеме и содержании эмигрантов. Блюмель установил контакт с руководителем отделения этой могущественной американской организации, доктором Джозефом Шварцом, остановившимся в Париже. Он получил сухой ответ:

— Джойнту не пристало брать на себя заботу о тех, кого высаживают силой, и быть соучастником этого акта неонацизма. Мы все же пошлем на место нашу представительницу во Франции Лору Марголис для обеспечения пассажиров, которые останутся на судах.

Между представителем министерства внутренних дел Руссо и его коллегой из министерства иностранных дел, который опасался постороннего влияния на свободное решение эмигрантов, возникла бурная дискуссия. Дело в том, что Руссо уже не в силах был сдерживаться и скрывать свои симпатии к сионизму. Этот

сухой человек с изможденным лицом очень тяжело переживал в свое время трагедию оккупации. В начале своей карьеры, будучи начальником кабинета при префектуре в Каркассонне, он верил, что евреев-иностранцев собрали в лагере Ривальт только для того, чтобы предоставить им убежище. Когда же он понял, что на деле вишийская полиция забрала и интернировала их с тем, чтобы передать немцам для депортации, он пришел в негодование, спас в последнюю минуту восьмилетнюю девочку и заботился о ней вплоть до освобождения. С тех пор он принимал близко к сердцу страдания евреев и работал рука об руку с Марселем Пажесом, всячески поддерживая дело сионизма. Поэтому-то он и относился с большим недоверием к позиции МИДа и к "нейтральности" его представителя. Он немного оживился лишь тогда, когда Блюмель спросил Коллавери:

— Как сообщить заключенным о позиции Франции?

Дело в том, что Блюмель спрятал в гостинице кипу листовок, отпечатанных его министерством. Английская военная делегация выразила протест против распространения этого "сообщения", составленного, по ее мнению, лишь с той целью, чтобы подстрекать пассажиров остаться на борту. Коллавери, однако, будет разрешено огласить его по громкоговорителям.

— Все это очень мило, но на каком же языке? — спросил Блюмель у Коллавери.

— На французском, разумеется.

— Так ведь его никто не поймет.

— Найдите переводчика на иврит.

— Эти евреи умеют говорить на священном языке не лучше, чем католики по-латыни. У них только один общий язык — идиш. Единственный из нас, кто им владеет, — это наш друг аббат Гласберг.

Вызвали священника, который, чтобы защититься от солнца, нацепил на голову каску колониальных войск.

— Боюсь, что меня тоже не поймут. Мне бы нужен был помощник.

— Вы можете кого-нибудь порекомендовать?

— Да. Господина Веню Померанца, который нас сопровождал в гостиницу "Арбуа". Он преподаватель Школы восточных языков.

— Хорошо. Пусть присоединится к нам. Я ему подпишу пропуск на завтрашнее утро. Назначьте ему встречу здесь, в пять часов.

Руссо был просто счастлив. Но ненадолго. Пока отправились сообщить добрую весть Вене, в префектуру прибыли новые инструкции из Парижа. В последнюю минуту под давлением англичан было решено изменить текст сообщения, которое предполагалось зачитать на всех трех кораблях. Прежний вариант, разработанный вместе с Пажесом и привезенный Руссо, гласил:

"Французское правительство считает необходимым сообщить эмигрантам, которые находились на борту "Эксодуса-47", что оно не будет принуждать их высадиться на берег, но что оно не имеет также намерения закрыть перед ними двери страны.

Те из них, которые решатся высадиться на французской территории, будут пользоваться в стране всеми свободами, которые Франция, — страна, традиционно принимающая беженцев, страна, граждане которой всегда сражались за свободу человека, — предоставляет тем, кто ищет убежища на ее территории.

Одновременно будут приняты все меры для обеспечения их материальных потребностей.

Лицам, желающим добровольно высадиться на берег, следует обратиться к французским чиновникам, которым поручено наблюдать за высадкой".

Новый текст:

"Французское правительство считает необходимым сообщить эмигрантам, которые находились на борту "Эксодуса-47", что при их согласии им будет предоставлено убежище на французской земле, где они будут пользоваться всеми свободами" и т.д. Что касается последней фразы, начинающейся словами "лицам, желающим добровольно высадиться на берег...", то

ее просто вычеркнули. Иными словами, во втором варианте ударение было на положительном аспекте французского гостеприимства, и содержался лишь намек на "согласие" эмигрантов...

Вернувшись в гостиницу, Блюмель сообщил об этих изменениях своим друзьям. Веня выпрямился во весь свой маленький рост, покраснел, как мак, и крикнул адвокату, который пытался смягчить удар:

— Нет, это не вопрос стиля. Это настоящая капитуляция. Я неспособен буду перевести им такой текст. Это все равно что смертный приговор нашей надежде и нашей борьбе. Наши люди подумают, что французы и англичане договорились повторить то, что произошло в Хайфе. Найдите другого переводчика. У меня духу не хватит выдержать такую роль.

Он бросился к телефону, чтобы сообщить Пажесу о печальном обороте дел. Оставалась лишь часть ночи, чтобы найти способ установить контакт с эмигрантами и призвать их не высаживаться.

Он отправился на поиски своих товарищей по сети и сообщил им о последних увертках французов.

Переводчиком вместо себя он предлагает назначить Ханана Якоби.

— Когда будешь переводить, — советует он, — сделай упор на слове "согласие" и добавь "по доброй воле". Англичане и французы ничего не заметят. Я же попробую сейчас попасть в Пор-де-Бук и вывести в море все три суденышка, чтобы передать наши инструкции эмигрантам.

Преодолев полицейские заграждения, установленные в полночь на единственном шоссе, соединяющем Марсель с Пор-де-Буком, и обманув бдительность береговой охраны, он добрался до маленькой пустынной бухты, где у берега покачивался рыбацкий баркас с потушенными огнями. Мотор его тихо стучал. Альфред привел сюда трех своих друзей-журналистов, за которыми явился в гостиницу "Арбуа" ровно в час ночи, после того как он для виду провел нечто вроде пресс-

конференции в помещении организации Хехалуц на Рю-де-Конвалесан.

Баркас направился к югу. Возле косы Боннье дрожал красный огонь. Свет других маяков можно было различить вдали, в заливе Фос.

— Остальные должны уже быть на месте, — сказал хозяин баркаса, марселец.

Он заглушил мотор и принялся свистеть. Потом решительно зажег фонарь. Появились три суденышка, черные тени со стучащими моторами. В течение целого часа люди вглядывались в туманный горизонт. Показалась далекая полоса желтоватых огней. Кто-то сказал:

— Четыре судна. Они приблизительно в десяти милях.

Их бортовые огни бледнеют по мере того, как розовеет небо на востоке, за мысом Куронн. Теперь можно разглядеть серые очертания крейсера, корвета и двух эсминцев.

Хозяин баркаса ложится в дрейф. Остальные суденышки удалились. Лишь на рассвете можно было увидеть прибытие трех кораблей типа "Либерти", плывущих гуськом с юга на север вслед за судами эскорта. "Ранимед Парк" — это уже немало послужившее, изъеденное ржавчиной судно, — шло впереди. В бинокль можно было разглядеть клетки. Корабли конвоя стали на якорь.

НОРБЕР

Три плавучие тюрьмы в сопровождении конвоя вышли из Хайфы, и сразу же горизонт сомкнулся вокруг их раскаленных на солнце решеток. Теснота и жара, духота в трюмах с голыми металлическими стенами и полами были еще страшнее, чем на "Эксодаусе". Вначале люди покорно терпели: скоро Кипр, привычная суша с колючей проволокой. Теперь уже не существовало ни организации, ни дисциплины — полная пассивность, подавленность, оцепенение; люди скорчились в неудобных позах, не в состоянии даже размять затекшие руки и ноги. Исчезли руководители, проводники, комиссары, "сторожевые псы" службы порядка; не стало политико-военной иерархии еврейского сопротивления, которая придавала массе беженцев на "Эксодаусе" организационные формы. Солдаты, одетые в форму парашютистов, находились наверху, где не было решеток, они были всего лишь тюремными надзирателями.

Агенты Хаганы, Гад и Сима, сидели в трюме "Эмпайр Райвл" между Дворой и Марекком и старались не привлекать к себе внимания. Спускаясь по железной лестнице, Сима едва не лишилась чувств при виде кишашей массы полуобнаженных потных тел. Лежать можно было только скрючившись. Англичане загнали сюда людей безо всякого разбора, отняв все, что у них было, в первую очередь бритвы и вязальные спицы.

Свет рефлекторов мешает заснуть... Норбер тоже в трюме "Эмпайр Райвл"; здесь уже шесть аме-

риканцев из экипажа и группа выходцев из Франции, которую возглавляет Шломо Тубуль.

Мири, третий из ответственных руководителей "Эксода", оставшийся с пассажирами, был увлечен толпой на "Ранимед Парк", на борту которого оказался также Мордехай Ройзман, руководитель "Хашомер-хацаир" с двадцатью своими ребятами.

Жак Лифшиц, которому удалось пронести свой дневник, карандаш и поддельную печать бывшего "Президента Уорфильда", брошен в трюм "Оушен Вигор"; никого из его товарищей тут не было.

Норбер взялся за свой дневник в субботу, 19 июля, в 18 часов.

"Мы плывем в караване судов под конвоем двух эсминцев, одного тральщика и вечного "Аякса". Мне удалось сегодня поговорить с главным инженером-механиком. Он грек, как почти все члены экипажа. Он мне сказал:

— Сегодня ночью, ну, в крайнем случае, завтра утром, мы прибудем на Кипр.

Значит, через восемь или десять часов. Слава Богу. Здесь нельзя даже ноги вытянуть, и в трюмах, за железными дверьми, стоит прямо-таки тропическая жара.

Три наших судна построены по образцу американских "Либерти", однако, они сошли со стапелей английских доков. Это сразу же бросается в глаза специалисту. Настоящие суда "Либерти" спаяны, а эти склепаны. Они медлительны, как черепахи. Максимальная скорость 10—11 узлов. Попробую заснуть, второй раз за сегодняшний день. Неудобно...

Только что проснулся. Уже давно рассвело. На моих часах восемь. Сегодня воскресенье, 20 июля. Возможно ли это? Грек говорил, что мы прибудем на Кипр не позднее 4 часов утра. Я встаю. Толкаю Ала, одного из матросов-американцев. Спрашиваю:

— Почему мы до сих пор не прибыли?

К моему изумлению, он отвечает:

— Потому что ночью мы изменили курс. Кипр нахо-

дится к северо-западу от Хайфы, а мы идем на юго-запад, то есть в направлении Египта.

Ал старый моряк. Он не ошибается. Но, в таком случае, куда же мы плывем? Многие пассажиры тоже заметили это странное обстоятельство, и по кораблю поползли самые невероятные слухи. Поговаривают о каком-то лагере в Тобруке, в Эритрее или в Кении. Самые выдержанные говорят, что это, наверное, не более, чем маневр, и что мы, по-видимому, вскоре снова изменим курс. Утро проходит в спорах. Никто ничего не знает. Шестеро американских моряков (выдающих себя за беженцев), держатся хладнокровно и пользуются огромным авторитетом. По их мнению, выяснить наш истинный курс удастся только через двадцать четыре часа.

А вот нас наконец решили и накормить — в первый раз с начала плавания. Какая-то баландка, на поверхности которой плавают несколько кружочков морковки и картошки. Раздать ее практически невозможно. Никакого порядка, разливать не во что. Как-то вышли из положения. Потом выдали по четыре бисквита на человека и чай”.

Гад также заметил изменение курса, и для этого ему даже не понадобилось смотреть на небо через завинченные иллюминаторы и зарешеченные люки. Он просто заметил старика, который время от времени украдкой посматривал на компас. Гад молча подобрался к нему. Старик сначала испугался, а потом согласился доверить ему на несколько секунд свое сокровище. Сомнений не оставалось: судно шло в противоположном от Кипра направлении. Англичане не должны были знать, кто такой Гад; значит, нужно было подыскать человека, который был бы переводчиком и представителем беженцев в переговорах с командиром корабля или военной охраной на случай, если плавание затянется. Исполнить эту роль Гад попросил американца Дова Миллса.

Дов, один из самых опытных моряков с "Эксо-дуса", согласился. Он подошел к солдату, дежурившему у входа в трюм. Попросил, чтобы его принял командир "Эмпайр Райвл".

— Обратитесь-ка вы лучше к членам экипажа, — ответил тот. — Мы подчиняемся старому майору Грэю, начальнику первого батальона шестой парашютной дивизии.

Корабли типа "Либерти" — это торговые суда. Однако, превратившись в плавучие тюрьмы, они были приравнены адмиралтейством к военным кораблям и подчинялись военно-морским властям. Поэтому Дова повели к каюте молодого майора Эллиота, исполняющего обязанности командира. Дов выдал себя за польского еврея, которого товарищи по несчастью послали узнать о часе прибытия на Кипр.

— Мы не идем на Кипр, — ответил офицер.

Больше из него не удалось выудить ни слова. Когда Дов передал Гаду и Симе слова Эллиота, те решили, что настало время навести порядок, прежде чем беженцы узнают страшную новость. Следовало избрать комитет для наведения элементарной дисциплины. Американцы, пользовавшиеся большим авторитетом у остальных пассажиров, были самыми подходящими для этого кандидатами.

Начали с организации раздачи пищи. Попросили беженцев разделиться на тридцатки и выбрать ответственных. Первую группу возглавил Шломо, выходец из Северной Африки. Младшему в этой тридцатке Альберу Катаривасу всего 14 лет. На "Эксо-дусе" его звали "Французкеле". Он помог трем молодым французским еврейкам — Мирьям Леви из Лиона, Лили Гершкович из Страсбурга и Мадю Лангенауэр из Бельфора — изготовить ложки, миски и тарелки из пустых консервных банок, выпрошенных у англичан.

Шломо удалось смонтировать маленький радиоприемник, чтобы слушать последние известия. Но об их одиссее ничего не передавали.

”Вечером раздача пищи, — записал Норбер, — бисквиты, говяжья тушенка, джем. Порции смехотворные: по одной ложке джема на троих, по одной банке тушенки на двадцать человек. Если плавание затянется, дело табак. Решили подождать до завтрашнего утра. Американцы мне доверяют и сообщают о принятых ими решениях. Мне поручено наблюдать за раздачей пищи. Выполняю также обязанности переводчика”.

Мири на ”Ранимед Парк” тоже показалось, что плавание затягивается. Он попросил Мордехая установить контакт с корабельными властями.

На ”Оушен Вигор” Жак смастерил вонючую дымящую коптилку на маргарине, при свете которой записал события дня:

”20 июля: нас здесь 1600 человек. Мы сидим прямо на полу, в трюме размером 20 на 18 метров. Стоим целый час в очереди за несколькими жалкими каплями желтоватой воды. Липкие, грязные лестницы без перил. Со вчерашнего дня мы замечаем, что солнце то слева, то справа по борту — это значит, что мы плыли по кругу. Сегодня в 21 час собрание. Должны принять решение о проведении голодовки до тех пор, пока нам не сообщат, что нас ждет. Англичане в ответ выключили свет”.

На следующий день, в 11 часов, по инициативе Гада, иммигрантский комитет послал настоящую делегацию: Дов Миллс, Шломо Тубуль и Норбер Клигер представили командиру ”Эмпайр Райвл” следующие требования: увеличить пищевой рацион и сообщить пассажирам место назначения. Майор Эллиот любезно обещал сделать все, от него зависящее, для улучшения питания, и добавил с улыбкой сочувствия:

— Увы, все зависит от того, сколько времени продлится плавание. Я получил приказ вернуть вас во Францию. Как вы сами видите — со вчерашнего утра мы плывем в этом направлении.

Взорвавшаяся бомба не произвела бы большого впечатления. Столько усилий, столько жертв, столько страданий, — и все напрасно. Делегация попыталась растрогать майора: посмотрите на всех этих мужчин, женщин и детей; им дано письменное обещание отправить их на Кипр; у них отобрали даже их личные вещи...

— Я только повинуюсь. Служба есть служба.

— Хороша служба! — сказал Норбер.

Гад решил предупредить беженцев. Сима советовала подождать, не наносить еще и этого удара несчастным, бездомным людям, лишившимся абсолютно всего, что у них было. Она боялась взрыва отчаяния. Опасалась она и того, что Гад, у которого за спиной несколько поколений сабр, не понимает психологии этих обездоленных и не сумеет найти правильного тона... Но Гад встал, взял ее за руку. Бледная, дрожащая, она пошла следом за ним, вместе с Довом, Шломо и Норбером. Переступая через тела, они обошли все три трюма.

— Слушайте, евреи, — воскликнул тщедушный иерусалимец. — Выяснилось, что нас везут во Францию. Но не отчаивайтесь, евреи, братья мои. Потому что ведь и из Франции можно добраться до Израиля. Нам наверняка окажут необходимую помощь, и в следующий раз мы добьемся своего. Но успех в первую очередь зависит от нас самих. Наша судьба в наших руках, и не только она, но и будущее всей алии, возвращение нашего народа на землю Израиля.

Он говорит на иврите. Сима сдавленным голосом переводит его слова на идиш. Норбер, Дов и Шломо повторяют их на немецком, польском и французском языках. Люди остолбенели, как громом пораженные. Сима резко поворачивается к Гаду и шепчет ему, что не может видеть этих взглядов, этого отчаяния. Тот удерживает ее.

— Не уходи, — говорит он.

И в этот момент все встали в едином порыве и вместе запели гимн надежды, гимн Сиона.

Сима не выдержала и, заливаясь слезами, убежала в дальний конец трюма. Норбер вернулся на свое место и записал:

”Я никогда не забуду глаз этих мужчин, женщин, детей! У них было такое выражение, какое бывает у раненых животных перед тем, как их прикончат. Они глядели на нас, не говоря ни слова. Но, справившись с первым потрясением, они решили объявить символическую двадцатичетырехчасовую голодовку”.

Это решение Дов немедленно передал майору Эллиоту, который тут же вышел из своей каюты, вошел в клетку на полубаке и через решетку, отгораживающую сверху железную лестницу, обратился к представителям пассажиров, убеждая их раздать еду хотя бы беременным женщинам и младенцам. Офицер медицинской службы парашютной части, лейтенант Александер Мади, организовавший своего рода походный госпиталь на юте, повторил эту просьбу. Но когда наступило время раздачи пищи и стали разносить ведра, ни одна из беременных женщин и матерей не согласилась взять свою порцию.

”Никогда еще ни одна голодовка не проходила так организованно, с таким подъемом, — записал Норбер. — К величайшему изумлению солдат 6-й десантной дивизии, мы вернулись с полными ведрами. Это уже выходило за пределы понимания гордых сынов Альбиона. Но на их лицах я прочел стыд. Они чувствовали, что и на них лежит ответственность за это. Впрочем, некоторые из них говорили мне:

— Не нравится нам все это... Скажите им, что это не наша вина”.

Когда первый подъем спал, люди осознали весь ужас их положения. Над грудой тел, устилавших дно трюмов ”Эмпайр Райвл”, поднялись стоны и рыдания. Гад почувствовал, что пора снова взять этих людей в

руки. Два раза в день он вместе с Симой и другими переводчиками временного комитета обходил плавающую тюрьму, подыскивал для каждого слова утешения и ободрения, объясняя, почему нельзя давать волю своим чувствам и впадать в отчаяние, почему нельзя отказаться от борьбы, хотя она может показаться теперь и неравной, и бесперспективной, если не просто смехотворной. Не обещая невозможного, представитель Мосада и его товарищи напоминали иммигрантам, что судьбы их тесно связаны. Руководители могли бы спокойно жить в Соединенных Штатах или в Палестине, но вместо этого они разделяют с беженцами все бедствия и страдания, тяжелые условия жизни.

В конце концов и в этой тесноте, где воняли отхожие места, где люди не имели возможности сменить белье и принимали соленый душ, отгородившись одеялами, жизнь стала мало-помалу организовываться. Юная жена Шломо, Сара, примирилась с тем, что придется продолжить свадебное путешествие в бюстгальтере. Мужчины расхаживали в женских трусиках и проводили ночи за тем, что обмахивали полотенцем своих жен и детей. Освежиться можно было только забравшись на крышу уборной. Сима называла ее "наш санаторий"; это единственная роскошь, которую позволяют себе агенты Хаганы. Самым везучим достались места в двух огромных клетках на полубаке. Туда попали триста счастливиц, которые жарились на солнце целый день. Остальные 1200 человек были размещены в трех отделениях носового трюма. Воздух проникал туда через два вентиляционных люка, размером в несколько квадратных метров. Не было ни гамаков, ни полок. На двоих выдали по одному одеялу, которое люди расстилали прямо на металлическом полу. Ривка отдала свое одеяло семье, расположившейся по соседству. Ребенок плакал не переставая. Ей удавалось успокоить его только игрой на губной гармошке. Как-то вечером ребенок выхватил у нее инструмент и уронил в ведро с супом. Ривке не на чем

стало играть свои колыбельные песни, ребенок снова надрывно кричал.

Пресную воду для питья, умывания и стирки выдавали только два раза в сутки на сорока раздаточных пунктах. После голодовки меню не стало лучше. Утром — тарелка супа с лапшой на четверых, по восемь армейских бисквитов и кружке чая на троих или четверых. В обед — тарелка второго из говяжьей тушенки с морковкой и брюквой на троих и кружка чая на четверых. Вечером — шесть-восемь бисквитов и ложка консервированного мяса на двоих, ложка джема на троих, по маленькому квадратику сыра и ложке свеклы на каждого. На консервных банках, из которых раздавали продукты, помечено, что они изготовлены в марте... Беременные женщины и младенцы получают дополнительно стакан молока. В лазарете, оборудованном койками, свободных мест нет. Но и там порции почти такие же. Чтобы пройти в лазарет, нужно выбраться из-за решетки и в сопровождении вооруженного капрала пересечь верхнюю палубу. В ответ на саркастические смешки, которыми встречают его пассажиры, капрал пожимает плечами:

— Служба есть служба!

Парашютисты с "Эмпайр Райвл", хотя и требуют строгого соблюдения дисциплины, настроены не враждебно, скорее даже они испытывают сострадание к своим удрученным пленникам, среди которых находятся и их бывшие соратники. Разве не носили они одну и ту же форму, сражаясь в Италии, во Франции, в Германии? Сам майор признался Дову и Шломо, что ему иной раз претит выполнять получаемые приказы и что его люди плохо подготовлены к такому плаванью. Кроме того, пищевые припасы рассчитаны всего на сорок восемь часов, а место назначения было сообщено лишь после выхода судов в море. Но сотня вооруженных солдат на каждом корабле заставляет усомниться в искренности майора.

Отряд на "Эмпайр Райвл" — часть 1-го батальона парашютного полка под командованием майора Грэя.

Находившиеся на "Оушен Вигор" и "Ранимед Парк" подразделения входили в состав 87-го артиллерийского полка. Командовали ими соответственно майор Эллис и капитан Барклей. Общее командование было возложено на командира 87-го полка, полковника Грегсона, который расположился на капитанском мостике "Ранимед Парка" — головного судна каравана. Неужели для простой перевозки людей на Кипр, находившийся под контролем британской армии, требовалось такое количество солдат?

Это, несомненно, был заранее продуманный план. Англичане не сообщили пассажирам "Эксодуса", что их ожидает, только потому, что опасались инцидентов или отчаянных поступков на глазах у наблюдателей ООН в Хайфе, во время посадки. Листовки, сообщавшие о высылке на Кипр, были чистым обманом, хитрым ходом, имевшим целью усыпить бдительность беженцев, заставить их сойти с "Эксодуса" и благоразумно занять очередь на посадку в плавучие тюрьмы.

Майор чувствует себя неловко и пытается оправдываться, переводя разговор в область политики:

— Но вы же знаете, мы действуем в интересах ваших братьев — палестинских евреев. Без нас арабы сбросили бы их в море; они потопили бы вас в крови, если бы мы впустили туда слишком много евреев.

Напрасные разговоры. Несмотря ни на что, с каждым днем, с каждым часом в сердцах заключенных крепнет желание добраться до Палестины. В долгих спорах вырабатывается новое решение — ни в коем случае не высаживаться во Франции.

Если суда двигались невыносимо медленно, то это вовсе не было утонченной пыткой. Просто англичане добивались подписания соглашения между Лондоном и Парижем. Министр иностранных дел Эрнест Бевин, разработавший этот план, считал, что время работает на него. Он уже давно мечтал дать хороший урок всем этим сионистам Соединенных Штатов, Палестины, Франции, которые вечно мешают его дипломатической

деятельности и подрывают английскую ближневосточную политику.

Он был сторонником создания государства с арабским большинством. В этом вопросе он целиком полагался на своих советников и чиновников, слепо поверивших в лоуренсовский миф о создании арабской империи на службе британской короны.

Воспользовавшись делом "Эксодауса", он собирался убить сразу двух зайцев: с одной стороны, отомстить французскому союзнику за все его измены и доброжелательный нейтралитет в отношении сионистской деятельности на его территории, с другой, использовать инцидент с "Эксодаусом" для того, чтобы сломить иммиграционное движение.

Как явствовало из заявлений, сделанных руководителями Еврейского сопротивления председателю ЮНСКОП Эмилю Сандстрему и его двум секретарям докторам Виктору Ху и Ральфу Банчу, Хагана поставила себе целью переполнить кипрские лагеря. Они не скрывали своего намерения усилить иммиграцию людей, доведенных до отчаяния и готовых на все.

Гад прекрасно понимал эти расчеты. Он знал, что следующая стоянка предопределит будущее всей алии. Как поведут себя пассажиры "Эмпайр Райвл", которых он изо всех сил старался воодушевить? А главное, каково настроение на двух остальных судах?

"Однообразно текут дни, — записал Норбер в четверг, 24-го числа, — печальные, унылые, монотонные, несмотря на изумительное небо. Многие физически ослабели. Хотя люди и привыкли к качке, лазарет переполнен, туда теперь забирают только в исключительно тяжелых случаях. Начальник — врач-лейтенант, которому, наверно, не больше 25 лет. Он позорит весь эскулапов род. Мне еще не приходилось видеть такого невежественного врача. Он даже не может поставить диагноз — лечит от желудочного заболевания пациента, у которого, по всем признакам, приступ аппендицита. Я дрожу за больного каждый раз, когда он делает инъ-

екцию. Есть у него и фельдшер-англичанин, простой, ни в чем не разбирающийся томми, и две медсестры-еврейки из перемещенных лиц. Одна в течение года изучала зубоврачебное дело, а другая и вовсе ничему не училась. И все же справляются неплохо. К счастью, большинство больных страдают только от недоедания. Случись эпидемия, это было бы катастрофой. Пассажиры мерли бы, как мухи.

Жизнь на борту мало-помалу организуется. Молодежь собирается группами и поет, даже смеется. Некоторые изучают иврит или еврейскую историю. Иные затевают диспуты. И все разговоры неизбежно переходят на тему об их будущем в Палестине”.

На следующий день, в пятницу, 25 июля, в тот самый час, когда члены комиссии ООН по Ближнему Востоку вылетели из Палестины в Женеву, чтобы завершить там свои труды — они должны были представить отчет о своей работе 31 августа — комитет заключенных на ”Эмпайр Райвл” пригласил майора Эллиота, его офицеров и солдат на встречу субботы — ”онег шабат”. Англичане приняли приглашение и, казалось, были рады тому, что могут подарить свечи. В час заката они пришли без оружия, уселись среди этих евреев разного возраста, из разных стран, славящих страну, где некогда жил свободный, счастливый и сильный народ... Нашлись и молодые люди, предпочитающие читать стихи о будущем, а не о прошлом. Переводчики внесли немало отсебятины. Солдаты, поначалу насмешливые или равнодушные, слушали теперь молча — единодушные и идеализм заключенных, которых они охраняли, произвели на них сильное впечатление.

Воспользовавшись моментом, Норбер прошептал Гаду на ухо по-английски, на единственном языке, на котором они могли сговориться:

— А что, если нескольким хорошим пловцам прыгнуть в море и позвать на помощь возле ”Оушен Вигор”

или "Ранимед Парк": мы ведь впереди. Может, так нам удастся наладить связь с остальными.

Гад подумал.

— Надо сначала потолковать с Симой. Обсудим это дело завтра, — сказал он. — Утро вечера мудренее.

На следующий день "Эмпайр Райвл" все еще находился в вершине треугольника, образованного тремя плавучими тюрьмами. "Ранимед Парк" шел слева, "Оушен" — справа.

— Я слышал, — сказал Гад, — что ты сам прекрасный пловец. А раз эта мысль пришла именно тебе в голову, так тебе и прыгать.

— Да дело в том... Э-э...

— Что?

— Да нет, ничего, ничего. Ладно, я попробую. Но это, конечно, не так уж просто...

В шортах цвета хаки, в майке и сандалиях Норбер вышел с помощью Шломо из клетки, будто бы для ежедневного доклада командиру, поднялся на самую высокую точку носовой части и, повернувшись спиной к морю, притворился, что рассматривает что-то на палубе, куда впервые с начала плавания выпустили женщин с грудными детьми подышать свежим воздухом и размяться. Вдруг Норбер откинулся назад. Никто и не заметил его исчезновения. Он упал с такой высоты, что ему пришлось бесконечно долго подыматься на поверхность. Плывая вдоль кормы, он держался за нее, чтобы не попасть под винт. Волны оказались сильнее, чем он предполагал. После пятидесятиметрового плавания кролем он почувствовал себя совершенно измученным и отдался на волю волн. Вдруг между двумя валами он заметил форштевень "Оушен Вигор". Он бросился в сторону; из-за шума моря он не мог расслышать криков пассажиров и солдат:

— Человек за бортом!

Но корабль, пройдя в двух метрах от него, невозможно продолжал свой путь. Норбер не знал, заметил ли его кто-нибудь, дал ли Шломо, как они договорились, сигнал тревоги через три минуты после падения,

и его вдруг охватило отчаяние. "Оушен Вигор" исчез из виду. Проходили минуты, казавшиеся часами. У него уже не было сил размахивать руками, чтобы привлечь к себе внимание. Считая, что его судьба решена, он стал молиться.

Послышался звук сирены. Он открыл глаза. Перед ним на волнах плясал маленький тральщик. Ему бросили спасательный круг, вытащили из воды, подняли на корабль, отнесли в горячий душ. Он подчинился, как автомат. Выпил стакан виски и окончательно пришел в себя. Ему дали тельняшку и повели к командиру:

— Рад принять вас на борту эскортного тральщика "J-354" королевских военно-морских сил. Голубчик, вы более получаса находились в воде, а это не шутки. Как это вас угораздило?

— O, sorry*, я упал вон с того корабля, — ответил Норбер, отфыркиваясь и указывая на плывущий сзади "Оушен Вигор".

— Не надейтесь, что я вам поверю. Мы все видели, так что будем играть в открытую. Должен вам сказать, что ни один из моих людей на это не решился бы. Вот ваша каюта, отдохните, а когда проголодаетесь, скажите, вас отведут на кухню.

Целые сутки он был окружен всеобщей заботой. Мечта! И это после двухнедельного существования в качестве живого груза. Норбер заснул, как Ганнибал в Капуде.

В воскресенье, 27 июля, бородатый капитан обратил его внимание на то, что весь караван судов остановился.

— Поверьте, я сожалею, что мне приходится быть орудием подобной политики. Но я должен передать вас на ваше судно командованию 6-й дивизии. Вас ждут майоры Грэй и Эллиот. Это подарок от моего экипажа: шоколад и пара носков. Good luck!**

*Простите (англ.).

**Всего хорошего (англ.).

"J-354" подошел к "Эмпайр Райвл". Между планширем тральщика и ютом "Либерти" перебросили трап. Экипаж стал по стойке смирно — приветствовал Норбера. Евреи из-за решеток махали руками, раздались песни. Два парашютиста отвели беглеца на корму, где он должен был находиться под охраной.

А на "Оушен Вигор" все еще не знали, что вчерашний утопленник спасен. Там и не подозревали, что это посыльный с инструкциями Гада. В тот же вечер Жак записал: "27-7. Целый час сегодня суда стояли неподвижно. Никто не знает, отчего. Нам только что сообщили, что мы возвращаемся во Францию. А я-то думал, что с прошлым покончено. Позавчера в 16 часов мы проплыли мимо Пантеллерии, мне удалось устроиться возле решетки, но я весь покрылся копотью. Наша палуба — это участок 5 на 15 метров, огороженный трехметровой решеткой с колючей проволокой. Кроме меня, по-французски здесь никто не говорит. Где же все остальные? Лейбл, американский моряк, с флагом в руке защищавший рулевую рубку "Эксодуса" во время рукопашной схватки, стал здесь нашим официальным переводчиком при переговорах с англичанами. Я сплю, согнувшись дугой, между ним и одной молодой венгеркой".

Вот уже десять дней, как они в пути. Почему не видно французского берега? Напряжение растет. В глубине трюмов пассажиры "Эмпайр Райвл" готовятся к прибытию. Англичане уже давно перестали туда спускаться. Молодежь пишет лозунги метиленовой синькой на украденных в медпункте простынях. Транспаранты можно будет развернуть и развесить на решетках в последнюю минуту при входе в порт. Из уст в уста передается решение: отвечать отказом на всякое предложение сойти с корабля. Французские бойскауты и американские моряки готовят ряд диверсионных актов: на глазах у охраны им удалось стащить двести метров швартовного каната, который они спустили на воду вдоль кормы, чтобы попытаться

запутать винт. Кроме того, они перепилили трубу, подающую пар на якорную лебедку.

Тогда-то в дело вмешался юный венгр Юнах. Ему пятнадцать лет, но больше одиннадцати-двенадцати ему не дашь. В память о лучшем своем друге, Цви Якубовиче, убитом автоматной очередью на "Эксодусе", он сохранил реликвию — запятнанный кровью флаг, которым брат погибшего Исаак прикрыл его тело.

— Мы не можем, — сказал он, — заявить французам о нашем отказе высадиться. Вот единственный язык, на котором мы можем к ним обратиться.

Юнах распахнул рубаху: окровавленный флаг был обмотан вокруг его тела. Указав пальцем на решетку, он сказал:

— Я повешу этот флаг там, наверху, пусть развевается, чтобы французским властям была оказана достойная встреча.

Часа в два ночи, натянув на себя мешок из-под муки, вымазанный чернилами, мальчик, переступая через спящих, подошел к сетке, в которой его друзья проделали дыру. Он раздвинул петли, вылез на палубу и добрался до мачты. Возле нее спали два парашютиста. Ловкий, как кошка, мальчик бесшумно взобрался на мачту, кое-как пристроился и стал дожидаться рассвета. Но его товарищи, занятые другими делами, следили за огнями на горизонте и совершенно забыли о сидящем на мачте. Десять часов он пробыл там в самом неудобном положении.

А на "Оушен Вигор" майор Эллис передал американцу Лейблу измененный текст предложений французского правительства в английском переводе.

— Вот видите, французы согласны принять вас обратно.

Лейбл переводит на идиш. Бумага переходит из рук в руки. Составить ответ поручено Жаку. Тем временем его товарищи выводят йодом на одеялах крупную надпись: "Спасибо Франции, но мы хотим в Палестину".

29 июля в 7 часов утра группы полуголых людей собрались на носу "Ранимед Парк". Прижавшись к колючей проволоке своей ржавой клетки, они всматривались в французский берег. Красные береты ходят по палубе, у них перед глазами какой-то негр проезжает на лодке, посвистывает. Узникам не до песен. Женщина вцепилась в решетку и кричит: "Тринкен! Тринкен!" ("Пить! Пить!"). Баркас неподалеку, она разглядела агента Хаганы и трех французских журналистов. Баркас проходит вдоль судна. Вход в порт впереди.

Над морем, за колючей проволокой, еще не замер крик женщины, страдавшей от жажды, но ее самой уже не видно. Она затерялась в толпе узников. В полосе света, вскипающей за "Либерти", появляется полицейский катер. Он прижимает баркас, берет его на бордаж и предлагает вернуться в порт. Из Парижа получили приказ не разрешать приближаться к плавучим тюрьмам. Пор-де-Бук, куда заходят только танкеры да цементовозы, потому и был выбран для высадки, что его вход легко блокировать.

За ночь было задержано пять лодок. Суденышки, нанятые журналистами, были отогнаны полицией. Только одному удалось подойти к "Эмпайр Райвл" и прокричать в громкоговоритель два слова: "Лоларедет!" ("Не сходить!").

Опасаясь конфискации, рыбаки перестали сдавать посторонним свои лодки. Кинодокументалисты Бонно, братья Межа, Персен в поисках более сговорчивых ребят добираются до Мартига. Три плавучие тюрьмы дрейфуют у входа в порт.

В трюме, куда его привела охрана, Норберу оказали торжественную встречу. Отыскав свой дневник, он поспешно записал:

"Мы находимся во французских водах. Корабли конвоя не получили разрешения следовать за нами и остановились в трех милях, как того требует закон. А вот журналисты и фотографы. Они обходят наши корабли на катерах, снимают, задают вопросы, делают записи. Мы развернули наши лозунги — отличный кадр.

Охрана попрянула свои винтовки! Раздаются крики: "Да здравствует свободная Франция! Да здравствует еврейская Палестина!" На лозунгах написано: "Бевин-Гитлер", "Освобожденные из Освенцима — заключенные плавучих лагерей"... Французские евреи на борту, а их человек шестьдесят, привлекают всеобщее внимание. "Никогда, — говорят они, — французское правительство не заставит нас высадиться!"

Санитарный катер, а за ним три катера администрации под французским флагом и полицейский катер подходят к "Оушен Вигор", который стал на якорь в нескольких сотнях метров от фарватера. Желтый флаг карантина спущен. Разрешено посещение корабля. На борту эпидемии нет. Время 8 час. 7 мин.

В то же утро, в тот же час, в Акко, в помещении старой тюрьмы, были повешены Авшалом Хавив 21 года, Меир Накар 21 года и Яков Вайс 23 лет — члены "Эцеля", захваченные 4 мая английской полицией и 16 июня приговоренные к смертной казни. Их родителям отказали в свидании. Майор Джордж Чарлтон был смещен с должности начальника крепости за категорический отказ присутствовать при казни.

КОЛЛАВЕРИ

С 6 часов утра в помещении Пор-де-Бука началась лихорадочная суэта. Правительственная комиссия, во главе с временно исполняющим обязанности префекта Коллавери, прибыла в четырех черных машинах и на один день устроила свою штаб-квартиру в местной таможне. Полицейский кордон, оцепивший порт, сдерживал толпу молодых евреев, съехавшихся со всех концов Франции. К ним присоединились портовые рабочие и рыбаки. Двести пятьдесят жандармов обеспечивали поддержание порядка. Задымили походные кухни. Перед школой остановились машины Общества Красного Креста и благотворительных организаций. Многочисленные врачи и сестры в белых халатах суетились между машинами и разгружали коробки с медикаментами, запасы молока, ящики с продовольствием и предметы ухода за больными. Портовая площадь кишела журналистами, которых не допустили на набережную. Из Международной организации по делам беженцев не явился никто. Что касается представителя Международного комитета Красного Креста господина Рота, то он счел, что, будучи членом международной организации, местопребывание которой находится на нейтральной территории (в Женеве), он не может участвовать в комиссии, назначенной французским правительством.

Английский офицер связи, появившийся накануне в Марселе, был уверен, что три четверти всех пассажиров без разговоров высадутся на берег и с радостью

воспользуются гостеприимством французского правительства.

Коллавери и контр-адмирал де Ку, облачившиеся в парадную форму, не понимают, что происходит: первый из трех кораблей должен был появиться у входа в порт около 4 часов утра, а его до сих пор нет. Французские представители пригласили четырех английских дипломатов, приехавших вслед за ними из Марселя — генерального консула Кея, его пресс-атташе Эшкрофта, секретаря посольства Коулсона и военного атташе капитана Тирпа, — вместе с ними проверить подготовку к встрече. Префект представил им своего официального переводчика на иврит и идиш — Ханана Якоби, аббата Гласберга, отвечавшего за социальный аспект приема беженцев, Ханана Райхмана, на которого была возложена обязанность поддерживать контакты с командованием британских судов, Альфреда Мюллера и Шарля Артану, ведавших службами здравоохранения и полиции.

В последнюю минуту появился Веня в синей местной полицейской форме. После своих ночных походов в прибрежных бухточках ему удалось попасть в Пор-де-Бук по пропуску, врученному ему накануне. По дороге, присматриваясь к тому, что делается возле таможенного барака, он заметил окружного начальника британской разведывательной службы Фредди Кертни.

Около семи раздался, наконец, трехкратный гудок сирены — долгожданный сигнал, извещавший о появлении судов. Офицеры забежали. Два санитарных катера направились к входу в порт. По другую сторону репортеры, загнанные за барьер, установленный в конце набережной, вглядывались вдаль, пытались рассмотреть плавучие тюрьмы, треугольником выстроившиеся в открытом море. Английское командование намеренно выбрало такое расположение, предполагая, что при виде пассажиров, сходящих на берег с других судов, колеблющиеся наверняка согласятся принять французское приглашение.

Члены комиссии, их помощники и гости сели на катера. Через пятнадцать минут они подошли к "Оушен Вигор", который первый бросил якорь в четырехстах метрах от порта. Командир удивлен этим визитом.

— Джентльмены, я был бы счастлив принять вас, но не получил инструкции на этот счет. Впрочем, вы видите — здесь развевается английский флаг. Так что — извините.

— С каких это пор торговые суда типа "Либерти" приравнены к военным судам? — спросил генеральный секретарь префектуры.

— Извините, это ошибка нашего ведомства, — сказал военный атташе. — Начальник конвоя, командующий морскими пехотинцами на всех трех кораблях и отвечающий за весь транспорт, ожидает вас на "Ранимед Парк". С этого корабля, прибытие которого было задержано по вине лоцмана, должен был начаться наш визит.

Через полчаса моторные лодки закачали на волнах возле флагманского корабля, также спустившего желтый флаг.

Ни криков, ни возгласов. Душераздирающая тишина. Первым поднялся на корабль консул Кей. Он представил председателя и членов французской делегации полковнику М.И. Грегсону, стоявшему в окружении своих офицеров на капитанском мостике. Грегсон был очень вежлив.

— Могу ли я обратиться к эмигрантам?

— Прошу вас, — ответил Грегсон, делая широкий жест рукой.

Префект стал вытаскивать из кармана бумагу. Но люди, толпившиеся в клетке у его ног, с шумом отхлынули в глубь трюмов, послышались крики:

— Нам не нужны ваши заявления! Нам нужно в Эрец-Исраэль!

— Если вы хотите с нами говорить, спуститесь к нам в трюм! Не обращайтесь к нам, пока вы с ними!

Веня наклонился к Коллавери и перевел:

— Они не хотят ни слушать вас, ни отвечать в присутствии английских солдат.

Гласберг в подтверждение кивнул головой. И правда, парашютисты заполнили весь бак. Полковник Грегсон стал уговаривать французского представителя прочесть заявление, текст которого ему был предварительно передан по радио. Но Коллавери отказался обращаться к пассажирам через решетку. В конце концов французским представителям разрешили спуститься в трюм. По крутой лестнице без перил, задыхаясь от вони, сошли вниз члены комиссии, переводчики и два полицейских офицера. Они остановились в первом отделении, где прямо на полу сидели шестьсот полуголых людей. От ядовитых испарений слезились глаза.

Когда восстановилась тишина, Коллавери прочел текст своего заявления. В горле у него стоял ком. Ханан Якоби перевел обращение на идиш. При первых же словах к нему обратились землистые, изможденные лица. Люди смотрели на него с удивлением, они слышали родные интонации. Затем Ханан перешел на иврит. Префект попросил повторить перевод, так как заявление носило несколько абстрактный характер. Ханан выполнил его просьбу, а в конце добавил от себя только одно коротенькое слово: "ло" ("нет"). Англичане, оставшиеся на верхних ступенях лестницы, ничего не заметили. Они не обратили также внимания на отрицательные знаки, подаваемые Веней старому человеку, который как замороженный глядел на его синюю рубашку. Они понимали друг друга без слов. Старик тут же скрылся в глубине трюма, чтобы предупредить Мири.

Тогда от безмолвной толпы отделился молодой человек в трусах и подошел к лестнице. Он заговорил.

— Мои товарищи высоко ценят предложение Франции, но не могут его принять. Никто не высадится, ни женщины, ни больные, ни дети. Мы выгрузим только мертвых. Передайте Франции благодарность за ее великодушное гостеприимство. Мы все бывшие участ-

ники Соппротивления. Мы сражались против немцев. Живыми мы высадимся только на палестинском берегу. Да здравствует Франция!

Окружающие бурно приветствовали его речь. Увлечшись, он продолжал, а Ханан переводил:

— Среди нас сотни бывших партизан, которые сражались за вашу свободу, многие другие побывали в лагерях смерти. Мы прошли все семь кругов ада. Нам терять нечего!

И чтобы было ясно, что он говорит от имени своих товарищей по заключению, он вручил Коллавери, который пытается повторить свое предложение в надежде, что его примут хотя бы женщины и дети, волнующее заявление, неумело написанное на французском языке: "Все люди, находящиеся на этом судне, не высадутся во Франции. Все люди, находящиеся на этом судне, хотят любой ценой вернуться в Палестину. Они тронуты гостеприимством Франции, но не могут его принять. Здесь находятся люди, которые сражались против Германии. В Палестине на нас напали британские корабли, и англичане убили людей, которые хотели лишь работать и жить. Мы просим французскую демократию помочь нам, чтобы мы могли у себя создать такую же демократию. На берег удастся высадить только мертвых, но не живых".

Ханан горячо пожал руку, протянутую ему представителем Франции в знак уважения к этому заявлению. В это мгновение заключенные с трудом поднялись и стоя запели "Ха-Тикву". Коллавери, Руссо и Блюмель с трудом сдерживали волнение. Они хотели удалиться. Но беженцы, еще недавно их избегавшие, теперь старались их удержать. Подошла женщина с голым младенцем на руках. Она обратилась к префекту. Желает ли она сойти на берег?

— Нет, я не хочу высаживаться, но вы видите — мне нужны пеленки для моего ребенка.

Какой-то молодой человек вручает ему обманную листовку, которую англичане раздавали в Хайфе. Другой, показывая на свои босые ноги, говорит:

— Не могли бы вы достать мне ботинки? Но не для того, чтобы ходить по вашей земле.

Возвращаясь на бак, Ханан шепнул префекту:

— Они говорят, что два дня не получали еды и тридцать шесть часов ничего не пили. Нельзя ли помочь им сейчас же?

Полковник Грегсон, явно недовольный оборотом дела, сухо попросил членов французской комиссии посетить также другое помещение на нижней палубе, где находилось еще шестьсот беженцев. Там все повторилось: выражение благодарности Франции, единодушный отказ, сионистский гимн...

— Приходите через два часа, — сказал, натянуто улыбаясь, английский командир. — Вы убедитесь, что как только пройдет первое волнение, половина этих людей добровольно покинет корабль. Дело в том, что их терроризирует небольшая группа агентов. Пойдемте-ка лучше посетим госпиталь.

Группа погружается в темноту пропахшего формалином помещения на корме. Деревянные нары в три ряда. Дети страдают чесоткой, взрослые — дизентерией. Молчание, которым было встречено французское заявление, прервал старый больной еврей:

— Лучше уж умереть здесь. Что у меня осталось? Что мне терять? Единственное, что могло бы нас излечить, это Палестина.

Одна из больных, страдающая плевритом, просит забрать ее в настоящую больницу. Ее тут же переводят на санитарный катер.

Вернувшись на капитанский мостик, консул Великобритании упрекнул префекта департамента Буш-дю-Рон в том, что он недостаточно убедительно прочитал свое заявление.

— К этим людям нельзя обращаться как к единому коллективу. Они находятся в полной зависимости от горстки заводил. Вам следовало бы вызывать их по одному, поговорить и лично расспросить каждого. Результат был бы совсем другой.

— Если бы английские власти не воспрепятствовали распространению этого текста в виде листовок, мне не пришлось бы зачитывать его и у меня осталось бы время на личные беседы, — сказал префект.

Однако в ответ на настойчивую просьбу полковника Грегсона, который, по-видимому, связывал большие надежды с таким опросом, комиссия согласилась, перед тем как отбыть, оставить на корабле несколько врачей и двух переводчиков для медицинского обследования и установления личности тех пассажиров, которые выразят желание высадиться. Для обеспечения перевозки будет предоставлен специальный катер.

Представитель министерства внутренних дел Руссо возражал против позиции его коллеги из министерства иностранных дел Тадэ, согласившегося на эту процедуру. Он аргументирует свое мнение невозможностью проверить, находятся ли на судне именно те люди, которые были зарегистрированы в Сете перед отплытием. С тех пор не было никакого международного контроля. С другой стороны, эмигранты, по-видимому, уничтожили все документы, которые были им вручены при транзите через Францию. Таким образом, проверка личности невозможна. Кроме того, ходят слухи, что при пересадке в Хайфе могла иметь место подмена отдельных пассажиров. Формальности все же должны быть соблюдены.

А вот и доказательство его правоты. Тридцатипятилетняя венгерка, допрошенная двумя полицейскими в присутствии членов комиссии, называет фамилию, которой нет ни в одном из списков, завизированных в Сете, копия которого находится в руках Руссо. А бородатый больной из госпиталя ответил:

— Меня зовут Израиль, и я возвращаюсь к себе в Израиль.

По договоренности с полковником Грегсоном посещение двух остальных транспортов назначено на 15 часов. Члены комиссии и их гости покинули "Ранимед Парк". Катера администрации вернулись в порт. По дороге Руссо громко сказал Вене:

— Вы можете гордиться своим народом.

Веня залился краской: теперь его маскарадная полицейская форма бесполезна. Можно идти переодеваться.

На набережной, возле причалов, царит необычайное оживление. Журналисты ждут новостей: двое добрались на лодке до "Ранимед Парк" и обогнули его. По слухам "что-то не ладится". Возвращение официальной комиссии встречают на площади взрывом радости. Люди плачут, целуются, бросаются в объятия друг друга. Пришел какой-то еврей из Страсбурга, узнать, что нового. Его зовут Гершкович. Его дети, Азриэль и Берта, уехали на "Эксодусе".

— Я не стану уговаривать их сойти с корабля, — говорит он.

— Так они и не сходят! — восклицает другой. — Они знают, что надо держаться.

Коллавери направляется в комиссариат полиции, чтобы оттуда позвонить в Париж. Аббат Гласберг, в сутане и каске, окружен людьми. Он говорит без обиняков. Обычно жизнерадостный и приветливый, адвокат Бломель сегодня серьезен, вид у него изможденный. Около 11 часов префект вышел на ступени комиссариата полиции и сообщил ста пятидесяти журналистам, собравшимся на площади, о результатах посещения "Ранимед Парк" и о том, что там говорилось. Встреча с эмигрантами на двух других кораблях состоится во второй половине дня. Если они тоже ответят отказом, он немедленно поставит в известность правительство и созвет новую пресс-конференцию в 18 часов. В ответ на вопрос одного из журналистов французский чиновник добавил:

— Между нами говоря, эмигранты жаловались на плохое обращение со стороны англичан.

Английский агент Фредди тоже не преминул воспользоваться телефоном. В Париже посол Дафф Купер без промедления поехал в министерство иностранных дел, где тщетно пытался встретиться с Бидо. Убедившись в том, что министр от него прячется, он попросил

приема у генерального секретаря министерства Жана Шовеля. Посол потребовал заверения в том, что французская пресса перестанет систематически искажать намерения англичан.

Во время обеденного перерыва лодка Хаганы вышла из своей бухточки и подошла к трем плавучим тюрьмам, стоявшим во французских территориальных водах. До раскаленных палуб доносятся обрывки призывов, передаваемых на иврите по громкоговорителю: "Во имя еврейского сопротивления наших братьев в Палестине, держитесь! Мы приложим все усилия, чтобы вас вернули в Эрец. Мужайтесь! Не сходите на берег! Не расставайтесь со своими детьми! Ссаживайте только больных. Это решающая битва во имя всего нашего народа. Вместе мы победим!"

На лодке вывешен лозунг: "Ло ларедет!" — "Не высаживаться!". Дежурные парашютисты отгоняют суденышко и стараются заглушить его голос свистками.

15 часов. В Пор-де-Буке стоит невыносимая жара. У мороженщика Туана в жизни еще не было столько дел. Термометр на кафе Биржи показывает 40, 40° в тени. На солнце температура достигает 60°... В море вышел санитарный катер: на "Оушен Вигор" рождает женщина, роды тяжелые — ребенок идет неправильно. Можно только догадываться, каково сейчас в трюмах. Воздух раскален до такой степени, что козырек фуражки адмирала де Ку вдруг трескается пополам, когда он вместе с Коллавери и сопровождающими его лицами поднимается на "Ранимед Парк".

Грегсон чрезвычайно сожалеет, но произошло какое-то недоразумение — два судна отходят в сторону залива Фос, на десять миль от берега. Грегсон ссылается на морское течение. Полковник предлагает ограничиться на сегодня посещением одного из кораблей, а второй оставить на завтра. Коллавери категорически отвергает это предложение. Комиссия должна сегодня же ночью представить правительству полный отчет,

с тем, чтобы оно немедленно приняло необходимые меры.

Чтобы добраться до "Оушен Вигор", понадобился целый час. При приближении катеров Лейбл приказал всем пассажирам вернуться в трюмы и не выходить, вплоть до нового распоряжения. Двое парней, припратив на всякий случай железные ломы, несли охрану у самодельного плаката, на котором было написано: "Франция, спасибо, но мы хотим в Палестину".

На капитанском мостике в парадной форме стояли майор и капитан. Коллавери сказал, что намерен посетить вместе с комиссией обе нижние палубы и прочесть свое заявление. При входе на первую палубу он столкнулся с Лейблом, который, протягивая руки, сказал по-английски:

— Прежде чем обсуждать этот вопрос с вами, мы хотели бы поговорить с представителями Еврейского агентства.

— Я сожалею, — ответил по-французски супрефект, — мы — французская правительственная комиссия, и среди нас нет сионистских представителей.

Ханан Якоби весьма вольно переводит его слова на идиш:

— Каждый здесь знает, как ему следует поступать, — и без инструкций Агентства.

У Лейбла засверкали глаза. Он посторонился. Члены комиссии не стали спускаться в трюм, а остановились на середине лестницы. Обращение зачитали и перевели; после чего из толпы вышел Жак и ответил сдавленным голосом:

— Мы благодарим правительство и народ Франции за великодушие. Но слишком большие страдания выпали в Европе на нашу долю. Здесь мы высадимся только на носилках. Придется подождать, пока на таях закачаются гробы.

На другой палубе висело чучело Бевина. Комиссию встретили шумно. Раздавались крики: "Да здравствует Франция! Долой Англию!" Префект, которого английский командир уже упрекал за отсутствие твердости,

ответил, что в качестве представителя Французской республики он не может допустить враждебных возгласов в адрес дружественной нации, союзника Франции. Притворившись, что хочет удалиться, он попросил немедленно перевести его слова. Все тут же умолкли и стоя запели Марсельезу.

Полковник Грегсон и капитан Тирп запротестовали, возмущаясь позицией французских представителей:

— Члены вашей комиссии ведут частные разговоры с эмигрантами. Кроме того, с вами тут два или три человека, не назначенные вашим правительством и не имеющие отношения к вашей комиссии.

На этот раз передернулся представитель французского МИДа:

— Послушайте, может быть, делегаты и обменялись несколькими словами с беженцами, но даю вам слово, эти контакты не выходили за рамки возложенной на нас миссии и не могут нанести вам никакого ущерба. Что касается сопровождающих нас лиц, то это полицейские чиновники, врачи и переводчики, назначенные марсельской префектурой.

В разговор вмешался Коллавери и сказал, что считает инцидент исчерпанным. Он даже предложил, чтобы Ханан Райхман исполнял обязанности официального переводчика между эмигрантами и английскими властями на третьем корабле. Полковник Грегсон настаивал на том, чтобы отложить последнее посещение на следующий день. Но комиссия не приняла его возражений и отправилась, разумеется, в сопровождении англичан, на "Эмпайр Райвл".

Через полчаса, когда катер подошел к кораблю, желтый флаг на нем еще не был спущен: санитарная служба не закончила проверку. Наверху стоял шум, крики, раздавалось громкое пение. Делегаты заметили два плаката — на английском и на иврите, — прикрепленные по правому борту к сетке, окружавшей бак: "Нельсон, твои сыновья превратились в пиратов!" "Английский народ, где твоя гордость?" "Не смешивайте кровь с нефтью!" У членов комиссии было до-

статочно времени, чтобы разобрать все надписи — им пришлось добрый час дожидаться разрешения подняться на борт. Их повели на капитанский мостик. Эллиот протянул Коллавери рупор, чтобы ему было удобнее читать свое заявление. Эмигранты слушали, стоя плотной стеной на баке. Здесь больше, чем на других кораблях, чувствовалось влияние подпольной организации. Оба перевода были выслушаны в тягостном молчании.

К капитанскому мостику подошел мужчина. Это был молодой раввин, который должен был выступить от имени эмигрантского комитета. Он говорил твердым голосом, полным решимости:

— Французы! Наши женщины, наши дети, наши старики вас благодарят. Мы никогда не сомневались в гуманности Франции и в ее дружбе. Но мы вынуждены отклонить ваше предложение, так как решили ехать в Палестину. Мы согласимся высадиться только в Палестине или на Кипре. Да здравствует Франция! Да здравствует еврейская Палестина!

Повернувшись к своим товарищам, раввин крикнул:

— Друзья, хотите выйти на берег?

В ответ раздалось могучее "ло", и все запели сионистский гимн. Воспользовавшись всеобщим волнением, маленький Юнах поднялся на башню радарной установки, чтобы оттуда вновь взобраться на грузовую мачту. Все подняли головы, когда он, на высоте десяти метров над палубой, разворачивал бело-голубой флаг, залитый кровью Цви. "Ха-Тиква" зазвучала с новой силой. Выведенный из себя полковник Грегсон попросил комиссию не задерживаться на носовой части и отказаться от индивидуальных опросов. По его мнению, французское предложение будет, возможно, иметь успех, если повторить его в заднем помещении нижней палубы, где доктор Мади собрал больных женщин и детей.

Чтобы избежать упреков в каком бы то ни было нажиме, Коллавери попросил молодого раввина там не

выступать. Войдя в это помещение со стенами цвета хаки, он невольно отпрянул назад — полуголые женщины, державшие на руках младенцев, покрытых коростой и гноем, дети с налившимися кровью глазами, старик, на котором кроме розовых женских трико ничего не было, беременная женщина, завернутая в полотенце... Но и тут, все, как один, отказались покинуть свой ад.

Когда на обеих нижних палубах возобновились антианглийские демонстрации, комиссия решила удалиться. Полковник попросил на обратном пути завезти его на "Ранимед Парк". Однако перед тем как покинуть корабль, он обратил внимание комиссии на то, что запасы продовольствия подошли к концу. Генеральный секретарь Общества взаимопомощи господин Гуино заверил его в том, что на другой же день утром будет сделано все необходимое для обеспечения "пассажиров" трех кораблей продовольствием. В частности, будут доставлены макаронные изделия, хлеб, сгущенное молоко, джем и минеральная вода. Как раз в это время на "Ранимед Парк" поступила радиограмма, из которой комиссии стало известно, что около 18 час. 45 мин. лодка, оборудованная громкоговорителем, призывала евреев не сходить на берег. Коллавери спросил сопровождавших его полицейских. Об этом новом инциденте они ничего не знали. Насколько им было известно, лодка, оборудованная громкоговорителем, была задержана раньше, около полудня.

Префект на своем катере отвез полковника на "Ранимед Парк" и забрал оттуда двух инспекторов, которых комиссия оставила на этом корабле утром. Двое эмигрантов воспользовались случаем и покинули своих товарищей.

Перед тем как проститься, полковник сообщил адмиралу де Ку о том, что эскортным судам нужен мазут. Это дело предстояло уладить на следующий день в Марселе с помощью консула Кея. Кроме того, Грегсон попросил Коллавери предоставить ему достаточное количество барж для того, чтобы завтра же он мог

приступить к высадке пассажиров. Его просьбу энергично поддержали секретарь посольства и военный атташе.

— Этот вопрос не относится к компетенции возглавляемой мной комиссии. В настоящее время мы можем только засвидетельствовать почти единогласный отказ людей, находящихся на ваших кораблях, от нашего гостеприимного предложения. При таких обстоятельствах никто, кроме французского правительства, не уполномочен принять решение о предоставлении барж, предназначенных для перевозки эмигрантов, не изъявивших желания высадиться на французском берегу. Зато я могу предоставить вам два катера для обеспечения доставки на берег тех пассажиров, которые пожелают высадиться. Разумеется, наша полиция будет контролировать эти операции.

В 16 часов к пристани, на которой по-прежнему наблюдалось большое оживление, причалил санитарный катер с четырьмя беженцами на борту. Среди них была пожилая чета французских евреев. Жену в состоянии общего истощения необходимо было доставить на пункт скорой помощи. Старушка, словно в бреду, повторяла: "Что со мной?" Ее муж, изнемогая от жары, ждал под навесом мужской школы. В свое время его отправили в Освенцим с двумя детьми. Вернулся он один. Теперь они хотели поехать к родным в Тель-Авив...

Каждый час, проведенный комиссией на борту, убеждал ее в неимоверно тяжелых условиях на кораблях. Врачи настойчиво утверждали, что эмигранты на грани истощения. На ночь их запирали в помещениях нижних палуб; многие спали скрючившись или сидя на липких ступенях лестниц и даже на вентиляционных решетках, мешая тем самым всякому движению воздуха. Было много случаев фурункулеза, цинги и конъюнктивита. Французских медсестер, входящих в состав санитарной бригады, не впустили в трюмы.

Было уже темно, когда в половине девятого вечера члены комиссии на двух катерах вернулись в порт.

Они вышли на набережную Пор-де-Бука с четырьмя британскими чиновниками и двумя беженцами, пожелавшими покинуть "Эмпайр Райвл". В 21 час машины местной администрации стремительно подкатили к зданию марсельской префектуры.

Около полуночи командир "Оушер Вигор" вызвал скорую помощь. Два врача из бригады, назначенной генеральным инспектором министерства здравоохранения, вскочили в катер. Через час они вернулись, везя на носилках больного с прободением кишечника. Этот человек не принимал никакой пищи в течение целой недели. Он был ранен во время схватки на "Эксодаусе", его считали погибшим, и некоторое время он пролежал среди трупов, покрытый одеялом. Однако по прибытии в Хайфу он был признан достаточно здоровым, чтобы продолжить путешествие. Поддерживаемый парашютистами, он одним из первых поднялся на новый транспорт. Кризис наступил только через два дня.

Его звали Анри Горж. Этот молодой люксембуржец еврейского происхождения побывал в заключении в Нойенгаме. Теперь у него не было ни убеждений, ни веры, лишь одно единственное желание: вырваться из Европы, где, как в аду, прошло его отрочество. В момент столкновения с командос, взявшими судно на abordаж, он возглавлял боевую группу, состоявшую из двадцати североафриканских евреев. Прижав влажную тряпку ко рту и к носу, он засыпал английские корабли самыми разнообразными снарядами, а во время драки запустил треногой в лицо одному из англичан. Тот упал, обливаясь кровью. Тогда кто-то свинцовой дубинкой угодил ему со всего размаху под ложечку, и он потерял сознание. Его накрыли одеялом и положили рядом с двумя убитыми. Он пришел в себя.

Теперь на скорой помощи его перевезли в Марсель и положили в больницу "Консепсьон". Операция была назначена на следующий день.

Окна кабинета префекта были освещены всю ночь. Комиссия решила не прекращать работы, пока не будет составлен отчет правительству и подведен итог принятым на месте мерам. Доктор Кейла написал два доклада на основании наблюдений, сделанных санитарной службой. В первом из них сообщалось об условиях жизни на трех кораблях-тюрьмах.

”Эмигранты загнаны на бак и в трюмы носовой части. Они находятся на положении заключенных, сидят за решетками и колючей проволокой. Свободное место, которым они располагают на палубе, весьма ограничено. Их охраняют вооруженные солдаты. На двух кораблях им не выдали никакого спального инвентаря, и они спят прямо на полу трюмов. Когда все лежат, передвигаться невозможно. На ”Оушен Вигор” есть койки, но на каждую из них приходится по три-четыре человека. Мужчины, женщины и дети всех возрастов содержатся вместе. На двух кораблях в трюмах устроены медпункты. На третьем медпункт оборудован на палубе — отгорожен брезентом. Беженцы недоедают. Дети бледны до прозрачности.

Все помещения нижних палуб имеют механическую вентиляцию. Вентиляция работает периодически. Верхняя часть этих помещений закрыта решетками. Воздух в них раскаленный, влажный, тошнотворный. Помещения нижних палуб на ”Ранимед Парк” — единственные, имеющие постоянные вентиляционные рукава. В 20 часов доступ на бак закрывается, и все эмигранты вынуждены тесниться в помещениях нижних палуб до наступления утра.

На каждой из нижних палуб имеются уборные — по шести унитазов. Ночью необходимо просить охрану открыть решетки, чтобы сходить по нужде. Часто случается, что дети не успевают дойти и испражняются прямо на пол. Пол мокрый и липкий”.

Во втором отчете сообщались статистические данные о числе невольных ”пассажиров”, значительно отличающиеся от сведений, сообщенных англичанами:

— "Ранимед Парк", 1504 (556 мужчин, в том числе 10 больных, 543 женщины, в том числе 100 больных, 405 детей).

— "Оушен Вигор", 1489 (657 мужчин, 573 женщины, в том числе 15 больных, 259 детей).

— "Эмпайр Райвл", 1526 (629 мужчин, 606 женщин, в том числе 5 больных, 291 ребенок).

Эти цифры дают возможность понять, почему англичане настаивали, чтобы мы начали обход именно с "Ранимед Парк": на этом судне больше всего больных женщин и детей, — комментировал Андре Блюмель.

И все же, хотя положение беженцев казалось совершенно ужасным, на приемном пункте Пор-де-Бук на следующий день было зарегистрировано только 29 человек, в том числе 13 тяжело больных. К погруженной в тяжелую дремоту набережной время от времени причаливал катер, привозя последние призывы о помощи запертых в клетки людей. За залитым тепловатым лимонадом столиком кафе Биржи журналисты пытались прочесть выброшенное с "Эмпайр Райвл" послание. Его благоговейно подобрали две дочери раввина с улицы Паве-Жанет и Таня Рубинштейн. Написано по-английски, на туалетной бумаге, пропитанной потом; разобрать почти невозможно.

"Мы выдержим. Здесь непереносимый запах. Вся санитарная система состоит из четырех уборных, устроенных на палубе. Охрана нервничает. Мы получаем голодные пайки. Мы просим еды, а главное воды для беременных женщин. Необходимо, чтобы нас сопровождал представитель Красного Креста".

В течение дня катера доставили несколько посланий. В одном из трюмов "Ранимед Парк" находится полуторагодовалый ребенок, Флуцкий Самулик, которого мать потеряла в Хайфе. "Просьба разыскать ее среди пассажиров при следующем посещении".

В помещении нижней палубы "Эмпайр Райвл" Норбер вносил последние записи в свой бортовой журнал. За ним вели пристальное наблюдение, так что

ему пришлось отказаться от роли "заводилы". Кроме того, по утверждению Гада, Мосад очень нуждается в новых, но уже закаленных кадрах, в таких людях, как он, каким он стал. Нельзя позволить ему прозябать в этой плавучей тюрьме, когда нужно готовить новые рейсы. 30 июля Норбер записал:

"Майор разрешил врачам из Организации помощи детям и Организации взаимопомощи подняться на борт с продовольствием. Со вчерашнего дня мы не получаем ничего. Нам сообщают, что тысячи евреев ждут в порту, чтобы устроить демонстрацию в случае применения силы и, что особенно важно, — мировая пресса комментирует все происходящее здесь. Люди знают, что от них зависит "быть или не быть" иммиграции в Палестину...

Суда покинули только тяжело больные. В большинстве случаев их сопровождает один из членов семьи. С нашего корабля высадилось три человека. Я говорил с нашими американцами. Трое из них собираются покинуть судно. Остальные три останутся для организационной работы. Они попросили меня высадиться с ними, так как, по их словам, "твоя миссия выполнена, ты на суше принесешь больше пользы, чем на корабле". Они правы. Мы пошли к майору, сообщили о нашем решении отправиться завтра вчетвером".

Что же будет? Лодки, груженные хлебом и продовольствием, поминутно отплывают от набережной. Два катера, предоставленные в распоряжении тех, кто пожелает высадиться, кружат возле трех военных кораблей. Сто тонн воды будут доставлены вечером на "Оушен Вигор" и "Эмпайр Райвл".

А дальше? Нет никаких сведений ни о дате возможного отплытия, ни о следующем месте назначения трех плавучих тюрем. Кения? О ней поговаривают. Мальта? Гамбург? Слухи ходят самые невероятные, самые противоречивые. Началась драка между журналистами, киношниками и жандармами. Солдаты получили при-

каз удалить с палубы любопытных. Один из корреспондентов "Фран-Тирера", Арморен, попал в комиссариат за оскорбление полицейских. Его собратья по перу отправились на штурм здания. Мэру Пор-де-Бука коммунисту Рене Рьбону пришлось вмешаться, чтобы уладить дело. Это незначительное само по себе происшествие свидетельствовало, однако, о нервозности, нарастающей по мере того, как поднимается ртутный столбик термометра и увеличивается число вопросов, остающихся без ответа.

Генеральный секретарь префектуры ждет ответа из Парижа на телеграмму, которую он послал в 13 час. 25 мин. в канцелярию министра внутренних дел:

"Положение на сегодняшнее утро следующее. Точка. Пассажиры всех трех английских кораблей дали коллективный недвусмысленный ответ. Точка. Они отказываются высадиться. Точка. Конечно, не исключено, что некоторые из них в будущем согласятся сойти на берег. Точка. Сегодня утром я перевез четверых, заявивших, что они желают покинуть корабль. Точка. Но в состоянии экзальтации, в котором они сейчас находятся, огромное большинство из них будут настаивать на своем отказе. Точка. В этих условиях возможны три варианта. Точка. Первое — просто-напросто зарегистрировать отказ. Точка. Второе — провести новый опрос в индивидуальном порядке. Точка. Третье — предоставить англичанам возможность воздействовать на пассажиров мерами принуждения. Точка. В случае нового опроса в индивидуальном порядке, подавляющее большинство пассажиров ответит н е т, — и дело останется в том же положении. Точка. Если мы предоставим англичанам возможность воздействовать мерами принуждения, мы будем вынуждены, в свою очередь, применять такие же меры. Точка. Я привлекаю ваше внимание к последствиям такого решения, которые дадут себя знать, как только мы начнем нести ответственность за эмигрантов. Точка. Операции по высадке в открытом море будут весьма затруднительны в связи с сопротивлением, которое эмигранты

окажут как при пересадке, так и на кораблях, на которых мы будем их перевозить. Точка. Их высадка, полицейские и военные операции, перевозка из Пор-де-Бука в лагерь Калас, охрана и проживание в лагере потребуют значительных полицейских сил, не говоря о возможности демонстраций со стороны населения, которое в целом относится к ним с сочувствием. Точка. Во избежание инцидентов мы в ближайшее время будем вынуждены лишить их тех свобод, которые сами им предложили. Точка. Кроме того, я привлекаю ваше внимание к финансовым последствиям этой операции. Точка. Аппарат, подготовленный нами, стоит очень дорого, и мне необходимо знать условия оплаты понесенных расходов. Точка. Сегодня, при содействии Французского общества взаимопомощи, Красного Креста и Службы снабжения, обеспечил снабжение продовольствием трех кораблей. Точка. Обеспечу также снабжение и завтра. Точка. Но обеспечить выдачу 4500 пайков ежедневно до конца недели не представляется возможным. Точка. Поэтому сообщите без промедления ваше решение. Конец”.

На набережной Пор-де-Бука консул Кей доверительно сообщил Фредди Кертни:

— Французы подвели... Ну, что ж, пусть эти евреи жарятся на солнце во французских водах!

Война на истощение — страшное слово было сказано — началась. Их решили взять измором, рассчитывая, что жара и жажда сделают свое дело.

ВИЛЛЕР

И все-таки Пор-де-Бук перестал быть самим собой с тех пор, как у входа в гавань появились плавучие тюрьмы — в город нахлынула масса чужаков, и всюду стали раздаваться незнакомые певучие интонации.

Сотни молодых людей из халуцианских организаций в первый же день продефилировали в походной одежде, с заплечными мешками, ножами за поясом и палками в руках по эспланаде, которая тут же превратилась в место фольклорных представлений и поэтических состязаний... В бистро за столиком, весь во власти вдохновения, пишет стихи доктор Марк Дворжецкий, один из немногих евреев, спасшихся из вильнюсского гетто, главный редактор сионистской газеты "Унзер Ворт". Эту газету он и представляет в Пор-де-Бук, с ним журналист Анри Булавко.

Докеры, рыбаки и рабочие нефтеперегонных заводов под руководством коммунистического муниципалитета устроили демонстрацию в знак солидарности с жертвами нацизма, а заодно и для выражения сочувствия их борьбе с "англосаксонским империализмом, который, под прикрытием плана Маршалла, пытается вовлечь Францию в холодную войну". Вечером 30 июля они выразили бурную радость по поводу единогласного утверждения членами парламента резолюции, которую от имени комиссии по иностранным делам предложила ее вице-председатель, коммунистка Мадлена Браун. Текст этого документа только что был передан по радио:

”Национальная ассамблея выражает свою поддержку либеральной политике французского правительства в трагическом деле ”Эксодуса”. Она просит правительство срочно сообщить правительству Великобритании о волнении, охватившем ее членов, и об их надежде на скорейшее разрешение этого вопроса в соответствии с принципами гуманности”.

Ни марсельские чиновники, ни шесть тысяч пятьсот жителей Пор-де-Бука не подозревают о том, какой ценой членам сионистских организаций удалось установить контакт с заключенными плавучих тюрем и какие усилия понадобились для проведения этой кампании, которую они готовы поддерживать.

Между руководителями Мосада, Пальмаха, Плугатха-Ям, эмиссарами Хаганы, борцами французского отдела Хаганы и объединением халуцианских движений фактически не было четкого распределения обязанностей. Об этом свидетельствовал доклад, направленный Пьерро Мучником своему начальнику мосье Поллю:

”Прибыл в понедельник в 15 часов; мне поручено руководить службой разведки. Я прошу Артура с его тулузской группой перейти в мое распоряжение. Разведка должна следить за англичанами, журналистами, которые садятся на катера, отправляющиеся к кораблям; она должна изучить возможности выхода в море из ближайших бухточек, выяснить число имеющихся в окрестностях шлюпок, лодок и парусников, прощупать возможность получения помощи со стороны рабочих, занятых на местных заводах, а также различных профсоюзных организаций. Разведка должна следить за перемещениями полицейских сил и изменениями в их личном составе.

Я добился от местных властей согласия на создание в рамках местной полиции специальной части из наших людей. Их можно отличить по значку с маленькой звездой Давида. Эта часть была сформирована под видом студенческой службы порядка.

Ханан Райхман, руководитель марсельского отдела Хехалуца, действовавший под нажимом аббата Гласберга, всячески мешал выполнению наших планов, разгоняя наших людей, не давая им подходить к причалам и садиться на катера. В конце концов он заставил их снять служебные знаки отличия; в результате наша служба порядка оказалась подпольной и совершенно бесполезной, если не считать информационного аспекта нашей деятельности”.

В отчете Артура, руководителя группы, прибывшей из Тулузы, чувствуется та же горечь. В этом документе подтверждается факт недостаточной координации, отсутствия единого руководства, а также наличия явных противоречий между ответственными лицами.

Бросающийся в глаза романтический и бойскаутский характер еврейских отрядов службы порядка раздражал Ханана Райхмана и некоторых других ответственных лиц. Они рассчитывали укрепить ”дипломатические отношения” с французскими властями и не хотели создавать впечатления, что злоупотребляют их добрым отношением. Они поставили перед собой задачу использовать все возможности своей подпольной организации с тем, чтобы поддержать сопротивление самих эмигрантов. Поле их деятельности было настолько ограничено, что возникла потребность в сосредоточении всей работы в одних руках.

Первой общей оперативной базой был замок Сандерваль, служивший в прошлом транзитным лагерем для беженцев, доставляемых ”Брихой” из Германии. Союз еврейских студентов Франции устроил в замке летний лагерь. Узнав о возвращении пассажиров ”Эксодуса”, бывший комендант лагеря, сабра Моше Варди, оставшийся на месте после выхода в море ”Президента Уорфильда”, немедленно организовал студентов. Он наладил контакты между только что кончившим курс врачом, Мишелем Виллером, Организацией помощи детям, Фредериком То, доктором Менделевичем и Марсельским центром Хехалуца. 27 июля по поручению Организации помощи детям Виллер

сопровождал в Пор-де-Бук Менделевича, возглавлявшего санитарную бригаду.

С помощью члена правительственной комиссии доктора Кейла и начальника медицинской службы морских сил полковника Ланбера Виллер был назначен старшим врачом комиссии по контролю и наблюдению за санитарным состоянием трех плавучих тюрем. С его помощью Мосад сумел установить связь с Гадом и Симой. После официального визита майор Эллиот разрешил ему ежедневно посещать "Эмпайр Райвл", находиться на корабле от 9 час. до 18 час. и ухаживать в трюмах за больными под руководством лейтенанта Мади, который был на два года старше его.

Он встретил там больных, уже знакомых ему по лагерю Сандерваль. Среди них была девушка с абсцессом на нижнем веке, состояние которой значительно ухудшилось. Он распорядился перевести ее в медпункт и сказал Мади:

— Надо вскрыть и откачать гной. Действуйте.

Англичанин признался, что не сумеет это сделать и попросил Виллера сделать эту операцию вместо него. Теперь Виллер стал хозяином положения. В 14 часов парашютисты открыли ему решетку и он отправился обедать в каюту командира. В 15 часов его снова заперли с больными — ему предстояло обработать 170 случаев гнойничкового лишая. Пот катил с него градом. К вечеру, когда он высадился на берег, чтобы дать отчет доктору Кейла, он весил на четыре кило меньше, чем утром. Он попросил, чтобы ему в помощь дали несколько медсестер и чтобы студенты-медики доставили на корабли лекарства, заказанные Организацией помощи детям. Среди сестер, которых назначили ему в помощь, была Симона Бах, не имевшая прямого отношения к медицине, — она была социальным работником. Через нее-то и было передано Гаду первое послание от руководства организации, которое она пронесла в бюстгальтере. Она же доставила на берег и первое письмо Гада. В вечерние часы — от 17 до 21 — Виллера должен был сменять доктор Менделевич.

Установить связь с двумя другими судами оказалось труднее: командир "Оушен Вигор" вовсе не разрешал сестрам спускаться в трюмы. В среду, 30 июля, в 14 часов Жак с удивлением заметил среди медсестер свою родную сестру Рашель. Чтобы с ней поговорить, он попросился в госпиталь. Сестра передала ему два послания от Хаганы.

На следующее утро произошел инцидент. На одного из пассажиров, который хотел высадиться вместе с сыном на берег, попутчики обрушились с угрозами и руганью. Им показалось, что они узнали на его руке золотой браслет врача-еврея, убитого в Освенциме. Они тут же заключили, что он бывший капо. От линчевания его спасли десять парашютистов, посадивших всю семью на полицейский катер. Известие об этом случае распространилось молниеносно. На набережной катер уже ждали. Под надежным полицейским эскортом этот человек был доставлен в комиссариат. Набережная опустела, на причале оставался только один дежурный — Габриэль Рот из студенческой службы порядка. Вместе с остальными членами тулузской группы Артура он жил в складском помещении в доках Пор-де-Бука. Его взяли переводчиком на идиш на один из двух катеров, которые каждые четыре часа обходили английские суда. В остальное время он дежурил на причале.

Альфред Мюллер предупредил его, что решено использовать удачно сложившуюся обстановку: на смену доктору Виллеру в 17 часов будет отправлен не Менделевич, а другой человек под видом врача. Арморен — это был он — надел белый халат доктора Менделевича, прихватил с собой его сумку с инструментами, нацепил черные очки, принял озабоченный вид и в сопровождении Альфреда явился на причал.

— Пропустите доктора, — кричал Габриэль, отталкивая зевак.

Час спустя Арморен нырнул в задний трюм плавучей тюрьмы, где размещался медпункт. Доктор Мади находился у выхода на наружный трап. Арморен

представился Виллеру в качестве врача службы социального обеспечения, присланного ему на смену. Англичанин повел их обоих мимо раскладушек и полуобнаженных лежащих прямо на полу людей. Вчера ночью здесь родила одна из пассажирок.

— У нее до сих пор не прекратилось кровотечение, — сказал Мади. — Не хотите ли вы ее осмотреть?

Журналист пробормотал в ответ, что он не гинеколог, а педиатр. Виллер, посвященный в заговор, поспешил ему на помощь. Новорожденный — согласно закону, гражданин Великобритании — завернутый в американское одеяло, лежал в каком-то ящике.

Переступая через тела стонавших людей, "доктор" незаметно покинул трюм. Английский врач отправился обедать в кают-компанию. Усевшись со своим стетоскопом на швартовый кнехт, Виллер продолжал осмотр.

На передней палубе Арморен обнаружил, наконец, группу французских евреев, заранее предупрежденную о его посещении.

Руководитель заключенных на "Эмпайр Райвл" сказал посетителю:

— Они хотят взять нас измором. Они готовы, если ваше правительство на это согласится, простоять на рейде несколько месяцев. Мы выдержим, сколько понадобится. Вы можете сказать там, на берегу, что если бы не твердая позиция ваших представителей, в трюмы пустили бы слезоточивые газы и силой высадили бы нас на берег. Не исключено, что корабли выйдут в открытое море, нас пересадят в спасательные шлюпки и бросят на границе французских территориальных вод.

Вернувшись ночью в порт, Арморен позвонил по телефону в редакцию газеты "Фран-Тирер" и рассказал о своих впечатлениях: "Это каторжники, только без тачек, жуткий зловонный воздух, в котором смешались испарения каменноугольной смолы и прогоркшей мочи, это запах страдающих людей... Они скупы и расчетливы в движениях, они стараются экономить

силы, они движутся в ритме, типичном для концентрационных лагерей... Члены экипажа собрались на корме. Моряки — египтяне, греки в расстегнутых рубашках, арабы в шлепанцах — уныло сидят на бортовых ящиках и поплевывают в воду. Они ждут распоряжений. Ими командует маленький человечек с трубкой в зубах. По лицам матросов видно, что им все равно, что возить — опиум ли, или контрабандное оружие... Сейчас они перевозят человеческий груз из Хайфы в Пор-де-Бук или на Кипр. Хорошая работа, доходная”.

В гостинице ”Арбуа” Блюмель и Руссо не знают, что и делать: статья, чего доброго, сорвет всю систему ”пассивной” помощи заключенным, столь тщательно разработанную с благословения министра внутренних дел под лепными потолками марсельской префектуры.

— Это блеф, — заявил консул Кей. — Не мог этот парень побывать на корабле.

У Вени, Ханана и мосье Андре, напротив, все основания радоваться: не только дан сильнейший толчок общественному мнению, но и появился новый канал для связи с пассажирами ”Эксодуса”.

Так как на корабли то и дело поднимались люди, доставлявшие продовольствие, и члены санитарных бригад, то деятельность пропагандистов, снующих на лодочках с рупорами и плакатами вокруг английских судов, стала излишней. За этими лодочками постоянно гонялись полицейские катера. Начальник французской службы Пальмаха Шаул Бибер, действовавший под псевдонимом Хофер, мог теперь отказаться от столь примитивной системы связи. Этот худой, невысокий подвижный человек родился в Тверии; в 1941 году он служил в ударных частях Хаганы на озере Киннерет, в Ягуре и в Кесарии. К моменту прибытия плавучих тюрем он организовал наблюдение за всем побережьем, пользуясь оборудованными радиоаппаратурой автомобилем и катером. Переодевшись рыбаком, он, вместе с несколькими пальмаховцами, патрулировал на море в лодочках с громкоговорителями, и первым устано-

вил контакт с эмигрантами "Ранимед Парк" и "Эмпайр Райвл".

Теперь все это было позади. Он нанялся грузчиком, облачился в синий рабочий комбинезон и стал перетаскивать ящики с продовольствием и одеждой на катера, предоставленные Французским обществом взаимопомощи. Вместе с ним работали и другие "сопровождающие": Ниссан Левиатан, участники "Брихи"; руководители халуцианской организации Ханан Райхман и Шарль Артану; эмиссары Мосада, как например, мосье Андре. Англичане наблюдали за операциями по перевозке и погрузке. Они проверяли содержимое каждого ящика, каждой корзины до последней мелочи, ограничивали, насколько только это было возможно, контакты между носильщиками и эмигрантами, принимавшими груз вместе с членами экипажей. И несмотря на все это, в буханках хлеба, в пачках ваты, в сменном белье и даже в бутылках минеральной воды под этикетками на корабли доставлялись новости и указания.

31 июля первый посланец "Брихи", Сканди, проник с ящиком овощей на "Ранимед Парк". Ему помог датчанин, член экипажа. Сканди смешался с массой эмигрантов и остался на корабле. Ему было дано задание укрепить организацию беженцев. Покинув катер, он спустился в трюм № 2, где находилось 870 человек, которых Мири разделил на 17 групп.

Тем временем на берегу сеть потеряла одного из своих официальных переводчиков, Альфреда, у которого вышли неприятности с полицией. В школьном дворе, где он исполнял свои обязанности во время допросов высадившихся беженцев, какой-то эмигрант из Бельгии обвинил его в систематическом искажении сведений, сообщаемых бывшими пассажирами "Эксодуса". Полицейские потребовали, чтобы он предъявил документы, и, к своему удивлению, обнаружили, что он немецкий гражданин.

— Что же это такое? Вы к нам распоряжаться прие-

хали? И как это получилось, что вас Гитлер не уничтожил?

В полицейском участке у него отняли все документы. Ночь он провел под арестом. Вызвали его и спрятали в Марселе аббат Гласберг.

Под прикрытием своего сана и своих связей, священник тайно руководил всеми операциями на берегу. Обеспечивая "гуманную помощь", он раздобыл для мосье Андре, устроившего штаб-квартиру в гостинице "Де ла пост", грузовики и катера для снабжения узников. С помощью Лоры Марголис он добился того, что Джойнт отказался от своего первоначального решения и согласился передать Французскому обществу взаимопомощи средства, предназначенные для эмигрантов. Ему удалось уладить некоторые инциденты, которые могли повредить дальнейшей борьбе. Так, например, он сумел отменить демонстрацию, назначенную на пятницу, и распустить неугомонную "студенческую" службу порядка. Он добыл в Марселе, с помощью Ашера, Тору и неожиданно, представившись раввином, объявил "кашерными" продукты, предназначенные для верующих евреев.

Между тем и другие эмиссары Мосада прибыли на побережье и проникли на корабли. Один из них, командир Хаганы Эль Ханан Ишайя, по прозвищу Гиора, тридцатилетний голубоглазый атлет, в прошлом учитель плавания в одном из киббуцов, расположенных на берегу озера Киннерет, в момент, когда Мосад вызвал его в Париж, находился в Праге на Всемирном фестивале молодежи.

По дороге с Северного на Лионский вокзал Веня показал ему из окна такси красоты французской столицы, рассказал о положении в Пор-де-Буке и поручил проникнуть в одну из плавучих тюрем, чтобы помочь бывшим вожакам "Эксода" поддержать дух эмигрантов и организовать их борьбу.

Гиора прибыл в Марсель утром 4 августа. Хофер его встретил, отвез в Пор-де-Бук, показал школу, таможенную, превращенную в склад, местную штаб-квартиру,

расположившуюся в кафе и, наконец, мол, ставший местом встреч моряков из Пальмаха.

С помощью доктора Виллера Хофер решил повторить трюк Арморена. Надев белый халат, он присоединился к членам санбригады, доставлявшим медикаменты на корабли, и совершил обход медпункта "Эмпайр Райвл" в качестве "гинеколога из Марселя". Вместе с ним была новая "медсестра", предъявившая поддельные документы сотрудницы французской организации Красного Креста. На самом деле это была Марга Готхельф, радиооператор Хаганы. С течением времени она заменила Симону Бах в качестве связной между Гадом и главным штабом организации.

Итак, 4 августа на море было сильное волнение, и катер медслужбы, на который сели Виллер, Хофер и Гиора в развевающихся на ветру белых халатах, бросало из стороны в сторону. Трое "врачей", держа в руках пакеты с медикаментами, не без труда ухватились за подвесную лестницу и поднялись на палубу, где их ждал Мади. Представившись командиру, Гиора записал свое имя в корабельный журнал: доктор Филипп Морис. Двое парашютистов проводили его в "госпиталь", а тем временем Виллер и Хофер направились в два различных отделения нижней палубы.

Пытаясь избавиться от своих "ангелов-хранителей", Гиора приступил к осмотру одной из беременных женщин, бормоча все известные ему латинские слова. Не спеша написав рецепт, он отправился мыть руки. Женщина спросила, не близнецы ли у нее. Гиора мотнул головой и перешел к следующей больной. Каждый раз он обращался к парашютистам с просьбой отвести его к умывальнику вымыть руки. Когда очередь дошла до четвертой пациентки, солдатам это надоело, и они отправились наверх, где уселись на ступеньках. Этого-то только и нужно было Гиоре. Он разделся, растрепал волосы, вымазал все свое тело и в одних трусах подбежал к своей первой пациентке, которая чуть не лишилась чувств от такого зрелища.

— Спрячьте скорее эти вещи, — прошептал он ей на идиш.

Он взял на руки какого-то мальчика.

— Кто ты? — спросил его по-русски маленький больной.

— Твой дядя, — ответил Гиора и стал подниматься по лестнице.

Дежурные, приняв его за эмигранта, пробравшегося без разрешения на медпункт, грубо столкнули его вместе с "племянником" в "его" трюм, тот самый, в котором находился Гад.

Доктору Филиппу Морису так и не суждено было сойти с корабля, а через несколько часов на судно проник еще один эмиссар, брат капитана Мордехая, Юзек Лимон.

На следующий день, 5 августа, в Марселе стало известно о прибытии трех швейцарских врачей, Ролана Марти, Пьера Дюкоммена и Жоржа Дюбуа, присланных международным комитетом Красного Креста с запасом медикаментов. Британские власти разрешили им сесть на корабли и оставаться там до конца плавания. Дата выхода в море и местоназначение судов не были известны никому. Три корабля типа "Либерти" один за другим отправились за углем в Марсель. 6 августа "Ранимед Парк" бросил якорь в порту Эстак, в ста метрах от пирса Д-9; уголь доставлялся к нему на баркасах. Мол охранялся полицией. 7 августа наступила очередь "Оушен Вигор", на который при доставке продовольствия проник еще один эмиссар, Меир Шварц. 8 августа на "Эмпайр Райвл" было погружено пятьсот тонн угля. Значит ли это, что корабли скоро поднимут якорь?

БЕВИН

Весь мир был возмущен обращением с эмигрантами "Эксода". Волна протеста захватила даже Англию. В палате общин депутаты-лейбористы задавали неприятные вопросы. В печати появились комментарии, проникнутые чувством стыда и горечи. 27 июля всеми уважаемый член парламента Барнетт Дженнер председательствовал на открытом собрании Сионистской федерации Великобритании, состоявшемся в Лондоне. Тандем Эттли — Бевин превратился в мишень для нападок со стороны общественного мнения. К тому же правительство Франции нанесло новый удар правительству Его Величества: в письме Еврейскому агентству французский МИД официально опроверг сообщения, согласно которым между двумя странами якобы существует тайное соглашение, направленное на ограничение иммиграции в Палестину и содействие возвращению во Францию пассажиров "Эксода". И вдруг 30 июля в атмосфере растущего волнения и сочувствия делу сионизма была опубликована телеграмма Агентства Юнайтед Пресс, в которой сообщалось, что обнаружены тела двух английских сержантов, Мартина и Пэйса, похищенных 12 июля в Натании организацией "Эцель".

В ожидании официального подтверждения этого сообщения в осведомленных лондонских кругах намекали, что английскому правительству, вероятно, придется занять более жесткую позицию в деле Пор-де-Бука. В тот же вечер Совет министров Великобритании

вновь подтвердил, что эмигранты с "Эксодуса" ни в коем случае не будут возвращены в Палестину. Возможность интернирования на Кипре также исключалась. Теперь правительство было уверено в том, что народ его поддержит.

Министерство иностранных дел не исключало даже возможности возвращения в район Гамбурга 4500 евреев, покинувших расположенные там лагеря для перемещенных лиц. При этом не уточнялось, к каким именно методам собираются прибегнуть власти Великобритании.

На следующий день стали известны мрачные подробности. Тела Мартина и Пэйса были найдены повешенными на эвкалипте, в двух километрах от места их похищения. Трупы были заминированы, и один из подошедших офицеров был ранен взрывом. К стволу дерева была прибита копия "приговора", вынесенного военным трибуналом "Эцеля". Сержанты обвинялись в следующих преступлениях:

1. Нелегальный въезд на территорию нашей родины.
2. Участие в деятельности преступной террористической английской организации, именуемой британской оккупационной армией в Палестине.
3. Нелегальное ношение оружия в целях поддержания угнетения и деспотизма.
4. Антиеврейский шпионаж в гражданской одежде.
5. Заговор против еврейской армии, ее солдат, ее баз и оружия.

Трибунал признал обоих виновными по всем пунктам обвинения и приговорил их к смертной казни через повешение. Просьба о помиловании приговоренных была отклонена.

Приведение приговора в исполнение не является актом мести за убийство еврейских военнопленных, а легальным актом трибунала еврейской армии. Нашей местью за пролитую кровь убитых военнопленных будут военные действия.

Последняя фраза содержала намек на казнь через повешение трех евреев в Акко, совершенную за два дня до этого.

Совет министров Великобритании изменил тон и потребовал от французских властей эффективного сотрудничества в деле высадки беженцев.

В Англии прокатилась волна антиеврейских демонстраций; в Ливерпуле были разбиты витрины магазинов, принадлежавших евреям. На стенах доков появились антисемитские надписи. На улицы города вышли полицейские патрули. Органы печати начали осуждать недобросовестность и "предвзятую позицию" французской прессы.

К концу первой недели августа возникло прямо-таки погромное настроение. В Глазго, Манчестере, Кардиффе, Бирмингеме демонстранты нападали на синагоги и магазины в еврейских кварталах. Толпа выбила окна синагоги в Кэтфорд Хилл к юго-востоку от Лондона. В Ливерпуле запылали деревянная синагога и мебельная фабрика. Пожарные были задержаны толпой, ставшей на сторону поджигателей. Один еврей попал в больницу в результате побоев. Пострадали лавочки и в других местах. В Манчестере прохожие, кричавшие "смерть евреям", поддержали молодых людей, грабивших витрину магазина готовой одежды. В Лондоне полиция, запретившая какое-то корпоративное еврейское собрание, разрешила восьмичасовую демонстрацию сторонников фашистского главаря сэра Освальда Мосли в Ист Энде.

Ливерпульские евреи ввели сами для себя комендантский час с 22 часов.

В Палестине английские солдаты устраивали настоящие карательные экспедиции против еврейских общин. Семь бронированных автомашин пронеслись по главной магистрали Тель-Авива, выпуская очереди из автоматов по проезжавшим такси и автобусам. В результате этой операции — шесть убитых и восемнадцать раненых. Прохожих избивали прикладами. Мандатные власти объявили, что каждый дом, в котором

будет обнаружен еврейский террорист или склад оружия, будет взорван, каждая апельсиновая плантация, использованная в качестве укрытия, будет стерта с лица земли. Для примера саперы взорвали первое здание в еврейском квартале Иерусалима.

3 августа агентство Рейтер опубликовало репортаж своего специального корреспондента в Пор-де-Буке, которого полковник Грегсон пригласил на "Оушен Вигор": "Несмотря на решетки, тесноту и жару, эмигранты не производят впечатления истощенных, больных, страдающих или ко всему безразличных людей. Эта палуба, по которой прогуливаются женщины, одетые в пестрые платья, на которой мужчины, смеясь, принимают душ из морской воды, перекачиваемой с помощью двух специальных насосов, а дети играют в мяч, ничем не напоминает "плавающий ад", описанный в печати. По словам командира и даже некоторых эмигрантов, пассажиров кормят лучше, чем солдат, с которыми они поддерживают прекрасные отношения. Один из пассажиров, Анри Ауэрбах, рассказал, что беженцы единодушно решили передавать по корзине свежих фруктов и овощей — дар от Общества французской взаимопомощи — солдатам. Условия жизни на "Ранимед Парк" ничем не отличаются от описанных. На "Эмпайр Райвл", где пассажиры не сумели организовать и установить сотрудничество с солдатами, условия хуже".

Трудно было понять, в силу какого психологического фактора или политического давления заключенные снова отказались выбрать предложенную им свободу. Может быть, этим фактором явились манифестации в их поддержку, принявшие на европейском континенте массовый характер? Во Франкфурте, Штутгарте, Мюнхене двенадцать тысяч человек участвовали в демонстрациях, организованных у зданий английских консульств. В Марселе, Ницце, Париже также состоялись митинги протеста. Во французской столице секретарь Всеобщей конфедерации труда Анри Рено направил послание межпрофсоюзной еврейской комиссии:

”Мы считаем в высшей степени желательным, чтобы было найдено гуманное решение еврейского вопроса и чтобы был положен конец ведущимся вокруг него империалистическим проискам”.

В Пор-де-Буке портовые угольщики отказались доставлять топливо для плавучих тюрем на своих баржах, опасаясь, как бы их не использовали для насильственной перевозки пассажиров. Во Франции и Италии повсюду состоялись митинги. Писатели, поэты, художники — Арагон, Поль Элюар, Женеви́ев де Голль, ле Корбюзье, Роже Мартиен дю Гар, Матисс, Веркор, Вильдрак — направили народу Англии послание, в котором выражали свой ”ужас и отвращение”.

Лондон реагировал резким ответом, напечатанным за подписью редактора дипломатического отдела газеты ”Таймс”: ”Правительству Великобритании остается лишь сожалеть об отсутствии поддержки со стороны французов. Вначале правительство Франции обязалось принять эмигрантов, въезд которых в Палестину был запрещен. Затем оно заявило, что примет лишь тех, кто высадится добровольно. В Пор-де-Буке французские власти дали возможность еврейским агитаторам обращаться к пассажирам через рупоры с лодок и катеров. Английские офицеры и чиновники, находящиеся на местах, убеждены, что многие семьи были бы счастливы покинуть корабли после того, как убедились в невозможности попасть в Палестину. Но французские чиновники не предприняли ничего, чтобы поддержать их, и предоставили их влиянию экстремистов, находящихся на кораблях”.

Через Леона Блюма стало известно, что один из начальников отделов министерства иностранных дел действительно заявил английскому посольству, что высадка пассажиров ”Эксо́дуса” не вызовет никаких затруднений; решение о возвращении пассажиров судна в какой-либо французский порт было принято английскими властями на основании этого заверения, сделанного французским чиновником по собственной

инициативе, без соответствующих указаний министра или Совета министров.

Вернувшись 1 августа из отпуска, Марсель Пажес обратился к своему непосредственному начальнику, директору Управления национальной безопасности Пьеру Бурсико с сообщением о бедственном положении заключенных на кораблях, стоящих в Пор-де-Буке:

”Согласно дошедшим до меня сведениям, это положение все время ухудшается. В этих условиях мне представляется необходимым сделать предупреждение английским властям как только будут завершены операции по снабжению трех кораблей топливом, и в любом случае не позднее сорока восьми часов по их завершении, и добиться выхода кораблей из наших территориальных вод, положив тем самым конец тому, что можно назвать незаконным британским присутствием на нашей территории.

Если вы разделяете эту точку зрения, я позволю себе предложить вам проект письма господину министру иностранных дел, составленный на основании вышеизложенных соображений”.

Глава службы безопасности, в свою очередь, представил доклад своему министру. Через три дня Депре направил Бидо письмо за номером 1534, в котором были отражены основные принципы проекта Пажеса: ”Вопреки некоторым ошибочным сведениям, получившим распространение в печати, число пассажиров, выразивших желание высадиться во Франции, с каждым днем уменьшается. Согласно полученным мною известиям, имеются все основания полагать, что почти все пассажиры, оставшиеся на кораблях, сделали окончательный выбор и откажутся от гостеприимного предложения нашего правительства. С другой стороны, мне только что стало известно, что санитарное и физическое состояние эмигрантов ухудшается. Если в ближайшее время условия не изменятся, то, как вы понимаете, присутствие этих трех кораблей в наших территориальных водах может привести к тяжелой,

чреватой опасностями ситуации. Уже и сейчас общественное мнение весьма встревожено.

Я полагаю, что при этих условиях очень важно привлечь внимание британских властей к тому, что, во избежание инцидентов, чреватых серьезными последствиями как для Соединенного королевства, так и для нашей страны, — необходимо срочно положить конец эксперименту, который они решили провести”.

Получив это письмо 5 августа, министр иностранных дел немедленно ответил своему коллеге, министру внутренних дел, сославшись при этом на телеграмму французского посла в Лондоне Рене Массильи:

”В момент получения Вашего письма я сам намеревался обратить Ваше внимание на серьезные последствия, которыми, по моему мнению, чревато это дело с точки зрения отношений между Францией и Британией.

Упреки английского правительства относятся к трем аспектам этого дела:

1. Отправление ”Эксодуса” из Сета:

Нас упрекают (впрочем, справедливо) в том, что мы допустили посадку 4500 пассажиров на судно, которое не отвечало требованиям гигиены и безопасности, в то время как нам было известно, что его свидетельство о годности к плаванию не допускает перевозки на нем пассажиров.

2. Высадка добровольцев:

Нас также упрекают в том, что мы позволили еврейским пропагандистам установить связь с пассажирами судов.

3. Французские чиновники обвиняются в том, что они не предприняли никаких усилий для освобождения тех многочисленных семей, которые были бы счастливы покинуть суда.

Господин Массильи сообщил мне, что заместитель министра иностранных дел Великобритании, сэр Орм Сарджент, говорил с ним о деле Пор-де-Бука в таком тоне, который лишний раз оправдывает беспокойст-

во, уже ранее выраженное нашим послом в Лондоне”.

Рекомендуя правительству обратить особое внимание на этот аспект инцидента, господин Массильи делает вывод, что ”это дело превратилось в политическую проблему в силу того, что его используют в своих целях элементы, о которых, мягко выражаясь, можно сказать, что они не слишком благожелательно смотрят на доброе согласие между Францией и Англией”.

”Вы, без сомнения, согласитесь со мной, что, принимая во внимание все вышеуказанное, я не в состоянии оказать ни малейшего давления на английские власти, чтобы побудить их вывести свои корабли из Пор-де-Бука.

Правительство Великобритании полагает, что в настоящее время следует продолжить эксперимент; оно допускает возможность того, что пример сотни пассажиров, высадившихся со дня прибытия, повлияет на остальных и побудит более значительные группы эмигрантов поступить так же.

Для ликвидации неблагоприятных настроений, возникших в Англии по отношению к Франции, было бы в высшей степени желательно, чтобы французские власти уведомили эмигрантов о том, что у них нет никаких шансов попасть в Палестину или на Кипр. Подчеркивая, что за ними остается свобода выбора, французские власти могли бы добавить, что для самих эмигрантов наилучшим вариантом является высадка на французской территории, где они воспользуются в качестве свободных людей гостеприимством свободной страны. В противном случае им грозит интернирование на территории одной из британских колоний или в Германии, стране, где на их долю уже выпало столько страданий”*.

Секретный межведомственный спор на высшем уровне продолжался до 7 августа. Плавающие тюрьмы тем временем курсировали между Пор-де-Буком и

* Выдержки из письма № 3724 от 5 августа 1947 года.

Марселем, куда они ходили за углем. 7 августа Депре направил Бидо столь же конфиденциальный ответ:

”Руководители сионистских организаций только что сообщили мне, что они приняли к сведению намерения английских властей, которые они считают достойными крайнего сожаления.

Я не преминул напомнить им, — хотя это и было излишним, — что доступ на французскую территорию без всяких ограничений открыт для пассажиров ”Эксодуса”, если они пожелают добровольно воспользоваться гостеприимством, предложенным им на основании решения, принятого на заседании Совета министров 23 июля сего года”.

Этот ответ, безусловно корректный с точки зрения административной этики, не соответствовал ни пожеланиям Бидо, ни требованиям Бевина.

Генеральный консул Великобритании в Марселе, господин Кей, позвонил своему министру, он просил еще раз воздействовать на французское правительство и добиться его согласия на новое посещение кораблей комиссией; комиссия должна была сделать последнюю попытку убедить пассажиров высадиться на берег. В противном случае они будут депортированы за пределы Средиземного моря. Однако, уже в первых числах августа члены комиссии разъехались. Помирившись в кабинете префекта с представителем министерства внутренних дел Франсуа Руссо, который упрекал его в желании содействовать высадке евреев с кораблей, Жан Тадэ возвратился в Париж на машине Блюмеля.

По дороге, в окрестностях Виши, случилась авария, и теперь он был недосыгаем.

Тем временем Управление охраны территории приступило к ликвидации сети Интеллидженс Сервис, охватившей всю Ривьеру и занимавшейся наблюдением за ”французскими сообщниками” сионистов, действовавшими в Пор-де-Буке. Капитан Миншал Мерлин, хозяин голландского речного шлюпа ”Леди Энн”, курсировавшего в конце июля в районе Вильфранш-

Сюр-Мэр, явился 2 августа в полицейский комиссариат в Санари с жалобой на то, что у него украли чемодан с фотографиями и документами (кстати, его ему так никогда и не вернули). 19 августа была обнаружена переписка между Огюстом Кастанье, работником мэрии порта Сет, Анри Рикаром, корреспондентом агентства Франс Пресс и Фредди Кертни. Морис Котантэн, комиссар марсельского отделения Управления охраны территории, распорядился вызвать в соответствующие комиссариаты полиции человек пятнадцать французов, заподозренных в передаче английской сети сведений об организации Алия Бет. На всякий случай этим гражданам были зачитаны статьи Уголовного кодекса (75-я и следующие), предусматривающие лишение свободы сроком от 10 до 20 лет за передачу сведений лицам, не имеющим права на получение такой информации.

В конце концов о заключенных с "Эксодауса" попросту забыли. Прошло двадцать дней с тех пор, как они прибыли в Пор-де-Бук, и тридцать восемь дней с того момента, как они были посажены в плавучие тюрьмы. Журналисты разъехались. Им надоело сообщать в свои редакции: "ничего нового".

Казалось, пребыванию в этом пекле, под раскаленным небом Пор-де-Бука, никогда не будет конца. Лишь 138 из 4500 эмигрантов с "Эксодауса" воспользовались французским предложением и сошли на берег. Но это вовсе не значит, что население плавучих тюрем сократилось на 138 душ. На суда тайно проникло трое эмигрантов, родилось трое младенцев. Кроме того, около пятидесяти женщин вот-вот должны были родить. Возник вопрос о гражданстве детей, поскольку, согласно английским законам, лицо, родившееся на судне, плывущим под английским флагом, получает английское гражданство.

18 августа пополудни шлюпки французского общества взаимопомощи, доставлявшие продовольствие на суда, вернулись со своим грузом в порт: узники объявили голодовку. С "Эмпайр Райвл" было достав-

лено письмо, в котором сообщалось, что решение о проведении голодной забастовки было принято в знак протеста против длительного задержания кораблей в французских территориальных водах, а также против конфискации и уничтожения — по распоряжению полковника Грегсона — всех изданий на иврите, в том числе и молитвенников. За решетками "Оушен Вигор" появились плакаты: "Англия, запомни, еврейский народ не позволит себя уничтожить!", "Верните нам нашу надежду — нашу Палестину!".

Представителям эмигрантов с "Эмпайр Райвл" удалось также передать французским властям послание, которое английский майор отказался вручить им. В письме, адресованном на имя Коллавери, говорилось:

"Господин префект, эмигранты, находящиеся на борту плавучей тюрьмы "Эмпайр Райвл", сообщают Вам, что они начали голодную забастовку. Мы благодарим правительство Франции за его великодушное гостеприимство, но наше решение неизменно: мы хотим высадиться в Палестине. За три недели пребывания в Пор-де-Буке наша решимость лишь укрепилась. Мы убеждены, что французский народ и его правительство не заинтересованы в наших страданиях. Однако, позволяя англичанам оставаться во французских территориальных водах, они продлевают страдания людей, на долю которых уже выпало столько мучений. Условия жизни на наших плавучих тюрьмах невыносимы, и все это происходит спустя два года после окончания войны. Поведение офицеров и солдат становится все более вызывающим. После недавних дождей наше положение стало еще ужаснее. Господин префект, мы приглашаем Вас посетить нас на нашем корабле для того, чтобы сообщить Вам все подробности. Мы просим Вас направить копию этого письма главе Вашего правительства".

Командиры трех транспортов были вызваны в генеральное консульство в Марселе: в коммюнике британского адмиралтейства категорически опровергалось

сообщение о голодовке. Однако на следующий день, 19 августа, пресс-атташе консульства Ашкрофт, отвечавший на вопросы журналистов, вынужден был подтвердить, что в 24-часовой голодной забастовке участвовали все заключенные, кроме беременных женщин и больных детей. Нормальное снабжение судов возобновлено.

Франция предприняла новые шаги. В ответ на это английское министерство иностранных дел сообщило, что в четверг, 21 августа, в 11 часов, будет опубликовано коммюнике. Одновременно, господин Трэфффорд Смит, заведующий ближневосточным отделом министерства по делам колоний в Лондоне, вызвал к себе представителя Исполнительного совета Еврейского агентства Берла Локкера и передал ему ответ правительства Его Величества:

”В результате пропаганды и непрекращающихся угроз со стороны сионистов предложение французского правительства было отвергнуто. Несмотря на это предложение и на официальное заявление Великобритании, что ни при каких обстоятельствах ни один из нелегальных иммигрантов не будет доставлен на Кипр или в Палестину, за три недели пребывания в Пор-де-Буке на берег сошло немногим более 130 человек. Само собой разумеется, что английские суда не могут находиться во французских территориальных водах в течение неограниченного срока. В связи с этим решено, что, если евреи не приступят к высадке до 18 часов 22 августа, корабли выйдут в море и направятся в английскую зону оккупации Германии, где пассажиры будут немедленно высажены. Это единственная территория, находящаяся под юрисдикцией Великобритании — не считая Кипра, — где возможно без предварительной подготовки разместить и обеспечить продуктами питания столь значительное число людей. Правительство Его Величества уверено в том, что Еврейское агентство пользуется достаточным влиянием, чтобы убедить нелегальных иммигрантов высадиться во Франции. Оно считает, что, если Еврей-

ское агентство действительно заботится о благополучии этих людей, оно должно направить своего представителя в Пор-де-Бук, причем правительство Великобритании примет все зависящие от него меры для того, чтобы обеспечить ему все удобства в пути”.

Трэффорд Смит предложил своему собеседнику рассматривать это коммюнике как ультиматум. Представителю Еврейского агентства будет предоставлен самолет для того, чтобы он мог незамедлительно прибыть в Мариньян и сделать последнюю попытку убедить заключенных, находящихся на рейде Пор-де-Бука. В случае отказа их заставят высадиться в Гамбурге, и они будут заключены в лагерь. За ними будет сохранен статус перемещенных лиц; они будут внесены в порядке очередности в списки кандидатов на въезд в Палестину, соответственно с иммиграционными квотами. При этом было дано заверение, что солдаты, которые будут производить высадку, не будут вооружены винтовками — у них будут только дубинки — и что лагерь, в которых будут размещены беженцы, не будут находиться в районе Берген-Бельзена. Эти детали должны были подчеркнуть непреклонность принятого решения.

Берл Локкер, вставая, заявил:

— Вы приставили мне нож к горлу и рассчитываете, что я отвечу вам ”да”. Так вот, моего согласия вы не получите.

Тут же на месте, не выходя из министерства по делам колоний, он составил следующий ответ:

”Я хочу еще раз выразить в письменной форме решительный протест Еврейского агентства против решения британского правительства, которое вы сегодня довели до моего сведения — об отправлении в английскую зону Германии и немедленной — насильственной — высадке беженцев, находящихся на трех кораблях, которые стоят в Пор-де-Буке, в случае их отказа высадиться на французский берег не позднее 18 часов завтрашнего дня.

Это решение замыкает порочный круг незаконной и безнравственной политики, первым проявлением которой явилась Белая книга, опубликованная в мае 1939 года.

Заявление правительства, в котором говорится, что отказ беженцев высадиться во Франции есть следствие "беспрерывных угроз сионистов и их пропаганды", представляет собой не только оскорбление, но и настоящий вызов. Воистину, нужно не понимать человеческой природы, чтобы дать такое толкование непреодолимому стремлению сотен тысяч людей покончить с прозябанием в лагерях для перемещенных лиц и их героическому сопротивлению политике, имеющей целью силой помешать им воссоединиться со своими родными и близкими на территории их Национального очага.

Еврейское агентство с возмущением отвергает предложение, суть которого сводится к тому, что от него требуют убедить беженцев высадиться во Франции. Долг Еврейского агентства заключается в том, чтобы сотрудничать с мандатной державой в целях обеспечения еврейской иммиграции в Палестину. Оно никогда не согласится, ни под какими угрозами, принять участие в мероприятии, имеющем целью помешать евреям добраться до своего Национального очага.

Эта последняя мера правительства, как и многие другие шаги, предпринятые им в прошлом, вовсе не способствует укреплению законности и порядка в Палестине и может значительно затруднить положение его вооруженных сил в стране, где они борются с беспорядками и насилием.

Я думаю, что даже теперь еще не поздно просить правительство отказаться от намерения совершить этот акт бесчеловечной жестокости по отношению к нашему народу. Правительство Великобритании — и только оно одно — будет нести ответственность за все последствия принятого ими решения.

Во имя многовековой дружбы английского и еврейского народов, во имя человечности, остановитесь!"

Решение правительства немедленно вызвало ответную реакцию английского общественного мнения. На следующий же день это нашло свое отражение в ежедневной либеральной газете "Манчестер Гардиан":

"Доводы, приводимые министерством иностранных дел для оправдания высылки евреев в Германию, ниже всякой критики. Под юрисдикцией Великобритании нет территории, где было бы меньше пищи и жилья, чем в оккупационной зоне... Трудно представить себе более возмутительное и унижительное зрелище, чем вид томми, принуждающих евреев сойти на берег в Гамбурге или Бремене. Пора, давно пора господам Эттли и Бевину положить конец этому безумию... Главная ошибка Великобритании в том, что она недооценила мужества евреев. Правительство недооценило также — и это особенно важно — сочувствия мирового общественного мнения евреям, жертвам фашистских варваров, уцелевшим в фашистском аду. Вернуть их в Германию, значит вызвать ужас и возмущение многих тысяч людей".

Сэр Алан Каннингхем, верховный комиссар Палестины, прибывший в Англию на время отпуска, экстренно покинул место своего летнего отдыха, вернулся в Лондон и попросил постоянного заместителя министра по делам колоний отменить пока не поздно свой ультиматум.

— Правительство избрало неверный путь, — сказал он. — Оно не только серьезно нарушает принципы гуманности, оно совершает и крупную политическую ошибку, поскольку льет воду на мельницу антибританской сионистской пропаганды.

Но это был напрасный труд. Ультиматум уже был передан по громкоговорителям заключенным плавучих тюрем.

КНИГА ПЯТАЯ
ТАЛОНЫ НА ПАЛЕСТИНУ

Возвратятся сыны в пределы свои.

Иеремия

Мысль о бомбе пришла в голову Гаду после двух недель стоянки на рейде в Пор-де-Буке. Когда суда запаслись углем в Марселе, наступил новый период затишья; то и дело возникали ложные слухи о выходе кораблей в море; общественное мнение утратило всякий интерес к судьбе пассажиров "Эксодуса" и мало-помалу забыло об их существовании. Все это могло подорвать дух эмигрантов, считавших, что их бросили на произвол судьбы. Хагана делала все, что было в ее силах. Один из самых популярных ее руководителей, заведующий политическим отделом европейского отделения Еврейского агентства, доктор Моше Снэ, воспользовавшись тем, что суда ходили заправляться углем, сел на катер и 7 и 8 августа курсировал вокруг плавучих тюрем, обращаясь к узникам со словами ободрения. Голос его до них не доносился, зато они узнали его коренастую широкоплечую фигуру и квадратное лицо.

Настоящее имя доктора Снэ было Клейнбаум. Он учился на медицинском факультете в Варшаве, а с 1935 по 1939 год вплоть до мобилизации в армию, был редактором ежедневной газеты на идиш, а также сионистского еженедельника. Капитан Клейнбаум был одним из немногих евреев, успешно закончивших офицерскую школу в польской армии. После оккупации Польши он через скандинавские страны, Францию и Италию добрался до Палестины. В июне 1941 года он был назначен начальником генштаба Хаганы.

В ноябре 1945 года он возглавил движение сопротивления, создав единый фронт, включавший Хагану и организации "Эцель" и "Лехи". Ускользнув от карателей во время акции Черной субботы, он продолжал вооруженную борьбу. Председатель всемирной сионистской организации Хаим Вейцман, не одобрявший этих методов, предъявил ему ультиматум, требуя прекратить подпольные военные действия и покинуть ряды движения сопротивления. Снэ не собирался подчиниться этому решению. Желая заручиться поддержкой Бен-Гуриона, находящегося в то время в главной штаб-квартире Мосада в Париже, он 4 августа 1946 года прибыл во французскую столицу. Но здесь его ожидала неудача. Ему пришлось выйти из главного командования Хаганы и из состава Исполнительного комитета Еврейского агентства. Его назначили ответственным за политику Мосада в Европе. Именно Снэ предложил Эхуду Авриэлю название "Эксодус-47" для последней, как он думал, операции по нелегальному вывозу эмигрантов с французской территории. Он полагал, что в период, когда происходит политическое сближение Четвертой республики с Великобританией, нельзя рассчитывать на долговременную поддержку французских властей. Снэ упрекал руководителей Мосада в непонимании нового политического курса Франции, которым объяснялись проволочки и реакция французского правительства на требования британского союзника. Оставалось надеяться лишь на поддержку отдельных французских чиновников и учреждений. Снэ чувствовал, что вскоре и они окажутся бессильны из-за тенденции к солидарности между западными державами. В результате, считал Снэ, рано или поздно сеть Алии бет будет вынуждена отказаться от баз на территории Франции и даже Италии. Придется ограничиться деятельностью в странах Восточной Европы. Раскол Европы на два лагеря и трудности, чинимые сионистскому движению на Западе, должны открыть новые оперативные возможности в портах Адриатики

и Черного моря. Пора принимать решение о переводе главного штаба организации из Парижа в Прагу.

Так представлял себе дело Моше Снэ, когда в июле произошла его первая многообещающая встреча с министром иностранных дел Владимиром Клементисом, третьим по важности членом Компартии Чехословакии. Снэ также посетил Белград, Бухарест и Софию, где добивался соглашения об отправке беженцев на последних двух крупных судах, купленных Дани Шандом в Европе: "Пан Йорк" и "Пан Креснт".

Через две недели доктор Снэ на катере с потушенными огнями снова кружил возле трех кораблей. То была последняя ночь, которую англичане дали узникам на размышление. Голос Снэ внезапно разорвал ночную тишину:

— Хакшиву лекол ха-Хагана! (Слушайте голос Хаганы!).

И тотчас же лучи прожекторов заметались по сверкающей зыби волн и вцепились в пляшущий на воде катер. Завыли сирены. Слова Снэ смогли расслышать только на "Оушен Вигор":

— ...Евреи Палестины и Еврейское агентство всегда с вами! Куда бы вас ни повезли, мы последуем за вами, мы поможем вам добраться до берегов Родины. Хагана сдержит свое слово.

Но тут голос заглушили.

На следующий день, 22 августа, за несколько часов до истечения срока ультиматума, Моше Снэ получил у комиссара порта разрешение подойти к кораблям, чтобы проститься с отъезжающими и сказать им слова одобрения.

— Если вы не дадите своего согласия, на кораблях может начаться бунт и прольется кровь.

— Хорошо, успокойте их. Но я даю вам не более десяти минут.

На деле катер Снэ, — несмотря на призывы полиции, которая и так еле справлялась с потоком журналистов, поставщиков, сочувствующих, — провел возле кораблей два часа, передавая последние инструкции:

— Мы предлагаем высадиться тем, кто чувствует себя не в силах выдержать еще одну или две недели. Помните, что вы находитесь на поле боя, а не в круизе. Не так уж много евреев осталось в живых. Мы заклинаем вас не делать ничего, что могло бы привести к новым жертвам.

Эти советы свидетельствовали о тревоге руководства Хаганы. Слухи, распространившиеся в Пор-де-Буке, внушали опасения, что на одном из кораблей, несмотря на присутствие эмиссаров, события примут серьезный оборот. Инициатива пронести взрывчатку на "Эмпайр Райвл" принадлежала пальмаховцам, проникшим на корабль под видом медицинских работников и установившим контакт с Гадом. Гад говорил об этом с Хофером во время стоянки в Марселе, в день, когда на корабль явился Пьер Дюкоммен, представитель Международного Красного Креста.

Не зная, сколько времени корабли простоят на рейде, куда будет направлен караван и каковы намерения англичан, Гад решил подготовить какую-нибудь операцию, предпринять хоть что-нибудь в этом безнадежном положении. И он попросил доставить ему материалы, необходимые для изготовления бомбы. На всякий случай.

Хофер собрал свою группу пальмаховцев:

— Гаду нужна бомба, чтобы взорвать судно в случае принудительной высадки. Он не собирается подвергать опасности человеческие жизни, он хочет лишь оживить угасшее внимание мирового общественного мнения более эффективной акцией, чем голодовка. Но будьте осторожны. Ни слова Мосаду!

В тот же вечер он отправился на поиски испанских моряков-республиканцев, с которыми ему приходилось встречаться в прошлом. Он нашел одного из них — Рикардо. Рикардо связал его с другим испанцем-антифашистом, работавшим шахтером в Гарданне, маленьком угольном бассейне Прованса. Все было очень просто. Он выехал с разработок на джипе, в

котором был спрятан мешок с пятьюдесятью килограммами тринитротолуола и два детонатора.

Затем Хофер поехал с Рикардо в Перпиньян и там купил у каталонских анархистов два зажигательных карандаша, необходимых для монтажа часового устройства. На этих химических карандашах были цветные отметки, соответствующие разным срокам горения. Но как узнать, чему равен этот срок? На обратном пути Хофер остановился на вилле Зевулун, чтобы запросить по радио командование Пальмаха, какого цвета зажигательный карандаш следует использовать для четырехчасовой задержки взрыва. Радистов Мосада этот вопрос удивил и несколько встревожил.

Возникло и другое затруднение. Как доставить эти материалы на корабль? Нередко письма, переданные вместе с пищей и одеждой, попадали в руки английских солдат. А тут пятьдесят килограммов взрывчатого вещества, детонаторы, кислотные карандаши... Следовало действовать осторожно и поэтапно.

"Сестра" Марга передала педиатру Дворе, пользовавшейся полным доверием майора медицинской службы Мади, письмо к представителям беженцев, в котором сообщалось об отправке мацы к субботе 16 августа и о том, что ее следует распаковывать с осторожностью, так как в коробках будет также "материал для трюма". Мареку, мужу Дворы, поручалось перенести их в склад на передней палубе. Катер доставил пасхальную пищу дважды: в пятницу и в субботу. В первом пакете между хрупкими листиками мацы Марек обнаружил радиоприемник. На следующий день прибыли еще три пакета, отмеченные специальными знаками. Они были набиты какой-то мукой. Не зная, что это такое, Марек спрятал эту муку в шкаф для одежды, возле медпункта. Капрал, заметивший это, доложил майору, который, однако, не придал делу особого значения. В воскресенье он все же решил порыться в куче одежды, но его внимание отвлекли две молодые медсестры, которые вертелись поблизости отнюдь не случайно. Марек воспользовался этой

заминкой, чтобы унести свои пакеты. Он спрятал их в постройке на палубе, где спал поблизости от "кабинета", оборудованного для его жены. На следующий день один из пакетов унесла под своей широкой юбкой одна из беременных пациенток Дворы. Второй вынесла медсестра вместе с медикаментами, предназначенными для больных, которым не хватило места в госпитале. Третий вынес американец-"переводчик", Дов Миллс, под видом сахарной пудры.

Группе французов, возглавляемой Шломо, была поручена охрана "материала". Хофер в последний раз спустился в трюм — отдать Гаду детонаторы. Марга, выдававшая себя за медсестру, взялась передать оба зажигательных карандаша в день официального объявления об отправлении в Гамбург, в тот самый день, когда оборвалась всякая связь судов с берегом. Для Гада и его агентов, находившихся на двух других кораблях, три недели в Пор-де-Буке были тремя неделями надежды и отчаяния, день за днем, час за часом описанными в дневниках и донесениях трех руководителей этого сопротивления, возникшего в глубине трюмов.

Суббота, 2 августа.

Дневник Сканди, находившегося на борту "Ранимед Парк": "Кухня в наших руках, а также прием и распределение продовольствия. Сегодня высаживаются трое больных. Капитан вручил Мордехаю (Ройзману) заявление, не оставляющее никаких надежд на Кипр; беженцам советуют принять французское предложение. Мы ответили пением "Ха-Тиквы". Наше судно стоит ближе всех к берегу, так как англичане думают, что его пассажиры — в большинстве женщины с детьми — скорее пойдут на уступки. Я передал сообщение об этом девушкам из Хаганы, переодетым медсестрами Организации помощи детям.

Воскресенье, 3 августа.

Сообщение Гада (с "Эмпайр Райвл") Аби (мосье Андре): "Шлю тебе письмо по-английски насчет про-

дуктов, которые нам нужны, особенно для детей. Охотно приму товарища, которого ты предлагаешь в письме от второго числа, введу его в группу. Хотелось бы знать, каково положение на двух других кораблях. Необходима медицинская помощь для астматиков”.

Понедельник, 4 августа.

Дневник Сканди (на "Ранимед Парк"): "Англичане пытаются нас деморализовать, распуская слухи о нашем отправлении в Кению, Тобрук, Гамбург. Мы не получаем ни одной газеты. Капитан перехватывает все, что имеет к нам хоть самое отдаленное отношение. Он обнаружил в буханке хлеба список наших имен. Все же удалось пронести сто долларов. Получили известие, что Юзек и Гиора сегодня пробрались на "Эмпайр Райвл". Всего высадилось 70 пассажиров. Завтра нас покинут две семьи доносчиков, выдававших наших людей капитану. Я предупрежу товарищей на берегу. На корабле Гада открыли школу. Заказал бумагу и карандаши”.

Гад товарищам на берегу: "Массовая дизентерия. Не во что переодеться, пришлите белье, брюки, рубашки, платки. Пришлите как можно скорее доски, мел, карандаши, бумагу. Выяснилось, что уголь на корабле почти кончился. Мы не получили никаких инструкций относительно того, как вести себя в случае отплытия. Складывается впечатление, что не все мои письма дошли до вас”.

Вторник, 5 августа.

Дневник Сканди: "Передача в буханках хлеба пишем, не представляющих никакого интереса, может сорвать всю систему нашего снабжения. Аби, по-видимому, не в курсе дел. Сегодня здесь должен появиться врач-швейцарец, который останется с нами. В нашей школе начались занятия по изучению иврита. Вчера мы организовали небольшой спектакль с импровизацией стихов и выступлением детского хора. Сегодня выса-

дились десять эмигрантов: две семьи доносчиков и еще одна семья, с которой жаль расставаться. Отец упал с лестницы и сломал два ребра. Врач передал нам почту, в том числе одно закодированное письмо с "Оушен Вигор", но мы не знаем, как его расшифровать. Присланные с берега бритвенные лезвия были конфискованы".

Среда, 6 августа.

Дневник Сканди: "Корабль поднял якорь и отправляется за углем. Прибыли на рассвете. На пирсе — никого. наших товарищей, по-видимому, не пустили в порт. Грузить уголь начали только во второй половине дня. Врач-швейцарец произвел на нас прекрасное впечатление. Он говорит на диалекте немецкого языка, весьма напоминающем идиш. Ночью родили две женщины. Школа помаленьку организуется. Желающих высаживаться нет".

Четверг, 7 августа.

Сообщение Гада Аби: "Вчера обнаружено два случая кори. Швейцарский врач потребовал высадки всех пассажиров. После обсуждения добились переоборудования больницы для изоляции заразных больных. На берег никто не сходит. Срочно нужен настоящий гинеколог: в нашей клетке 45 женщин со сроками беременности более восьми месяцев. Узнали, что будет загружено пятьсот тонн угля — на две недели плавания. Следовательно, нужен запас продовольствия, по крайней мере, на 10 дней. Отправляемся завтра. Подготовили демонстрацию с лозунгами, но отказались от нее, так как на берегу никого не было".

Пятница, 8 августа.

Дневник Сканди: "Вчера вечером высадилось шесть человек. Через сестру получили заявление Снэ на идиш. Религиозные создают трудности: требуют кашерной пищи. Вечером на праздновании субботы зачитаем послание Снэ, которое Мири перевел для меня

на иврит. Англичане отняли у нас чернила. Дальше пишу карандашом. Ханан сообщил, что на "Эмпайр Райвл" началась эпидемия кори. Я передал ему мой отчет и добавил: "Англичане пропустили французские газеты, в которых говорится о Гибралтаре. Сообщите нам, как обстоят дела". Ввели правила внутреннего распорядка и создали иерархию ответственных лиц".

Суббота, 9 августа.

Дневник Сканди: "Сегодня "Оушен Вигор" возвратился из Марселя, все три корабля снова стоят на рейде в Пор-де-Буке. За мной пристально следят, и я не могу вести переговоры с баржей, доставляющей продовольствие. Переводчика зубных врачей не допустили на корабль. Несколько семей выражают нетерпение, хотят высадиться. При обыске не заметили книг и газет. Одежды доставлено так мало, что нечего раздавать, включая даже ту, что прислана для меня и для Мири. В течение часа шел дождь: людям пришлось спуститься с палубы в трюм, но так как трюм прикрыт не полностью, то там тоже многие промокли. Если снова польет дождь, люди начнут высаживаться на берег. Становится трудно раздавать пищу, доходит до того, что начинают скандалить из-за помидора. Капитан пригрозил, что прекратит снабжение и прикажет своим солдатам стрелять".

Дневник Меира Шварца, находящегося на борту "Оушен Вигор": "Вместе с людьми, работающими на кухне, мне удалось вчера проникнуть в клетку. Я снял ботинки и измазал углем лицо и руки, чтобы меня приняли за кочегара. Американец Лейбл переоделся поваром, чтобы встретиться со мной и начать организационную работу. Вода подается всего два раза в день на два часа из двух кранов. Этого хватает только утолить жажду. Для умывания и стирки приходится пользоваться морской водой. Уборные — на десять мест — не имеют перегородок. Восемьдесят человек уже покинули корабль, это, главным образом, неорганизованные пассажиры. Я создал секретариат, в кото-

рый входят семь ответственных руководителей. Чтобы положить конец анархии, разбил людей на группы по 30 человек и поручил им конкретные задания”.

Воскресенье, 10 августа.

Дневник Сканди (“Ранимед Парк”) : “Кто-то выдал меня англичанам. Значит, мне будет еще труднее поддерживать связь с внешним миром. Мы еще не знаем, можно ли доверять зубному врачу, сообщившему, что на двух остальных кораблях родилось два младенца. У нас 65 беременных женщин, в том числе 25 на девятом месяце. Кроме того 49 детей младше трех лет, 90 — младше десяти. Одному мальчику удалось изготовить чернила из воды и карандашного грифеля”.

Сообщение Сканди на берег: “Оберните фрукты в газеты. Не ждите моего появления на наружном трапе: на меня донесли. Англичане подозревают, что я — тот самый палестинский еврей, о присутствии которого на корабле им донесли. Я подозреваю в доносе одного румына и шестерых молодых людей, которые вчера высадились на берег, а здесь занимались спекуляцией. У одного из них на глазу повязка”.

Понедельник, 11 августа.

Дневник Сканди (“Ранимед Парк”) : “Есть газеты, но писем — никаких. С помощью карманного фонарика мы пытались передавать сигналы на “Оушен Вигор”. Они ответили. Сегодня родился ребенок. В душевой была драка”.

Сообщение Гада (“Эмпайр Райвл”) Аби: “Пришли бумагу нужного формата для первого номера нашей газеты “В пути”. Мы избрали новый комитет, чтобы приучить эмигрантов к самоуправлению. Оставьте весь багаж на одном корабле до прибытия к конечному месту назначения. Пришлите купальники, если это будет на морском побережье. Л. нас предупредил, что мы выйдем в море в пятницу и возьмем курс на Тобрук. Ждем от вас точной информации по этому воп-

росу. Жду окончательного диагноза относительно последнего случая кори”.

Вторник, 12 августа.

Дневник Сканди (“Ранимед Парк”): “Наша жизнь заполнена школой. Сегодня некоторые пассажиры вытащили свои скрипки. Капитан Барклей вызвал одну девушку и вручил ей телеграмму, в которой сообщалось, что на ее имя выписан законный сертификат на право въезда в Палестину. Пассажирка отказалась им воспользоваться: она высадится в Палестине только вместе со своими товарищами, независимо ни от каких сертификатов. Кажется, волна высадки на берег спала. Однако скандалы во время раздачи пищи продолжают-ся. Воспитатели детских садов не на высоте”.

Сообщение Гада (“Эмпайр Райвл”) Аби: “Для поддержания связи во время ожидаемого плавания пришлите передатчик и радиооператора. Передатчик можно пронести в разобранном виде в маргарине или мясных консервах. Что касается радиооператора, то для него в два часа ночи, по левому борту, между двумя уборными, мы натянем трос. Не забудьте, что у нас есть три самодельных приемника. Действуйте быстро. Боевой дух беженцев начинает падать. С тех пор как англичане пустили слухи, что нас повезут в Германию и начали грабить наши припасы, на корабле возникли враждебные по отношению к нам настроения.

Среда, 13 августа.

Сообщение Гада (“Эмпайр Райвл”) Аби: “Сегодня на “Эмпайр Райвл” настроение поднялось. 95 процентов пассажиров готовы бороться до конца. Вечером устроим бал, будет играть наш оркестр. 200 религиозных евреев морочат нам голову своими требованиями. Пришлите большой котел для детского питания и питательные смеси для 85 детей младше двух лет. Вместо 500 я получил 300 одеял; повторяю просьбу

прислать брезент. Напоминаю, что передатчик можно легко пронести и можно доставить на корабль радиооператора. Посылаю вам один экземпляр газеты "В пути".

Четверг, 14 августа.

Сообщение Гада ("Эмпайр Райвл") Аби: "Подготовьте призывы для участников нашего шахматного турнира. Эпидемия кори распространяется: имеют место новые случаи, несмотря на профилактические прививки. Нас особенно тревожат два случая заболевания вирусным менингитом. Врач-швейцарец, которому удалось поговорить с полковником, думает, что нам придется простоять здесь не менее десяти дней. Нам нужна радиоантенна; риска ни малейшего, так как англичане не решаются спускаться в трюмы. Снова дождь, и нам нечем укрыться. Что с брезентом? Выразите протест французским властям и Красному Кресту против запрещения переписки. Если нам придется оставаться здесь и следующую неделю, необходимо подумать о действиях типа голодовки, актов насилия и т.п., чтобы привлечь к себе внимание общественности.

Сообщение Гада ("Эмпайр Райвл") Шаулу Мее-рову: "Несмотря на конфликты, вызванные тяжелыми условиями жизни, 90—95 процентов людей не сойдут с корабля без нашего согласия. Однако, если появятся новые случаи менингита или кори, то для спасения сотен жизней (у нас 350 детей в возрасте от восьми до двенадцати лет) придется эвакуировать людей с корабля. Если мы обречены оставаться еще восемь или десять дней в неизвестности относительно нашей дальнейшей судьбы, то эпидемия и падение боевого духа могут привести к катастрофе. У нас сложилось впечатление, что в эту третью неделю ожидания никто в мире больше нами не интересуется. Необходимо разбить лед, вывести людей из состояния апатии. Придется либо прибегнуть к голодовке, определив предварительно ее сроки и условия, либо к высадке

всех тех пассажиров, которые по нашему ощущению способны проявить слабость. Остаться должны только твердые, готовые к действиям. Жду вашего ответа”.

Пятница, 15 августа.

Дневник Сканди (“Ранимед Парк”): “Полковник якобы попросил разрешения поехать в Лондон, чтобы выяснить ситуацию. Мордехай завидует ребятам с “Эмпайр Райвл”, которые выпускают газету. Завтра высадутся двое: муж и жена. Жена больна и слабеет с каждым днем. Она согласилась лечь в больницу при условии, что Хагана позднее поможет ей добраться до Палестины. Ее муж захватил с собою письма для Аби. Это первый случай эвакуации по нашему настоянию. Почти весь день шел дождь, затопило трюмы. Мы потребовали, чтобы капитан дал нам брезент и более удобные места на корабле. Он ответил отказом: Мордехай заявил, что хочет встретиться с полковником Грегсоном, и между ними состоялся следующий разговор:

М.: Из-за дождя триста человек вынуждены были уйти с палубы. Откройте им другой трюм.

Г.: На этом корабле нет свободных мест, зато их сколько угодно на французском берегу. Ваши вожаки — и никто другой — препятствуют высадке беженцев.

М.: Арестуйте меня, переведите на другой корабль, и вы убедитесь, что решение эмигрантов не изменится. Ответ их будет тем же самым.

Продукты не были доставлены к встрече субботы. Люди ворчат на нас. Надеюсь, что завтра вместе с консервами мы получим четыреста одеял и три обещанных брезентовых чехла. Тогда дела пойдут лучше”.

Суббота. 16 августа.

Дневник Сканди (“Ранимед Парк”): “Наша судьба, по-видимому, решится в понедельник. Сегодня в течение нескольких минут шел дождь. Брезент не при-

везли. Когда закончилось празднование субботы, Мордехай сказал: "Борьба будет продолжаться и после нас. Мы только пионеры". Англичане, слушавшие его, принялись свистеть. Мордехай обратился к ним со словами: "Наступит день, когда вы ответите перед нами за все. Нам суждено победить. Справедливость на стороне тех, у кого, как у нас, нет выбора". В результате группы пассажиров, грозивших завтра высадиться на берег, заколебались. Может, их будет сотня, а может быть, и меньше. Мы начали подготовку к кукольному спектаклю. Составили список 1300 пакетов с вещами беженцев, погруженных на борт в Хайфе. Нашли вещи Билла Бернштейна. С дневной почтой запрошу берег, что с ними делать".

Воскресенье, 17 августа.

Дневник Сканди ("Ранимед Парк"): "Марга по-прежнему приносит нам почту. Странно, что англичане ее ни в чем не подозревают. Полковник сейчас в Лондоне. Мы получили приказ провести завтра голодовку одновременно на всех трех кораблях. Мири страшно обозлился, что предупредили так поздно. Как организовать подобное мероприятие в такой короткий срок? Но нужно выручить Аби из истории, в которую он попал, созвав журналистов. Нам остается лишь подготовить коллективную декламацию, листовки, лозунги и плакаты. Чтобы поддержать дух матерей, раздали одежду для детей до двенадцатилетнего возраста. До сих пор с корабля сошло 30 человек, на борту осталось 1394 пассажира. Один больной подрался с солдатом, обозвавшим его "жидовской падалью". Требуем, чтобы солдата убрали с корабля".

Понедельник, 18 августа.

Дневник Сканди ("Ранимед Парк"): "Голодовка на нашем корабле продолжалась с 12 часов ночи до 20 часов. Мы обратились к мировой общественности с следующим призывом: "Как можете вы допускать столь варварское обращение англичан с людьми, спас-

шимися из нацистских лагерей?” Мы преградили путь на палубу носильщикам, доставлявшим продовольствие с катеров. Сестра пробыла на корабле не более четверти часа: вручила и взяла письма. Аби советует нам написать письмо префекту. Шесть членов экипажа покинули корабль. Вместо них появилось шесть моряков-греков. Мы попросили Хагану вмешаться и не позволять Аби принимать за нас все решения”.

Вторник, 19 августа.

Дневник Сканди (“Ранимед Парк”): “В письмах, полученных сегодня, ни слова от Аби по поводу нашей голодной забастовки. Понимают ли они, на берегу, в каком мы положении? Мы приняли на свой корабль мать с ребенком, которых перевели к нам с “Эмпайр Райвл” ввиду их крайней слабости. У них там голод сильнее, чем здесь. Говорят, что Гад разломал душ и выбросил в море куски колючей проволоки. В трюмах командует он, вместе с Симой, Гиорой, Юзеком и тремя американскими матросами: англичане и сунуться туда не смеют. Они потеряли только шесть пассажиров, а у нас высадилось тридцать человек. Сегодня сообщу Шаулу о наших разногласиях с Аби, которому Мосад дал слишком широкие полномочия. Мне надоело гнить на этом судне, где я уже не могу принести большой пользы. Сегодня полковник Грегсон возвратился из Лондона. Он созвал всех командиров, продержав их у себя с 10 до 15 часов. Я направляю письменный протест с требованием положить конец выходкам его солдат, бросающих сквозь решетки окурки и очистки на головы людей, лежащих на дне трюмов. Я добиваюсь также замены чрезмерно раздражительного дежурного в больнице”.

Сообщение Гада (“Эмпайр Райвл”) Аби: “Наши люди готовы к длительной борьбе. Пошлите мне 500 тетрадей, блокнотов и карандашей для школы. В шахматном турнире победил мальчик тринадцати лет. Завтра мы выпускаем третий номер нашей газеты “В пу-

ти”. Прилагаю три письма: одно Леону Блюму, одно Морису Торезу и вам — копию листовки, которую я разбросал среди солдат охраны. У нас все еще большая нехватка нижнего белья, особенно мужского, бритв и сигарет”.

Послание Шаула Меерова руководителям и агентам Хаганы на кораблях: “Нелегко, поверьте, ответственному лицу, находящемуся в тылу, писать тем, кто на фронте. На вас лежит вся тяжесть борьбы: дело сионизма в ваших руках. Стоя лицом к лицу с тупым, холодным и жестоким миром, вы выполняете высокую миссию. Что сказать вам, товарищи? Борьба за алию продолжается всеми средствами; после “Эксодуса” еще два корабля пытались прорвать блокаду — “Возвращение в Сион” и “Четырнадцать героев Ахзива”. Их тысяча сто пассажиров были интернированы на Кипре. Англичане не посмели повторить то, что они сделали с вами. В отношении вас они, кажется, еще не приняли решения. Можете обещать вашим людям, что при малейшей возможности мы доставим их в Палестину, откуда бы нам ни пришлось их извлекать. На заседании Исполнительного комитета сионистской организации в Цюрихе об этом будет принято специальное решение. Отныне все полномочия передаются товарищу Гаду”.

Среда, 20 августа.

Сообщение Сканди (“Ранимед Парк”) Аби: “Будьте осторожны. К вам может явиться подозрительная личность, недавно оставившая наш корабль. Этот человек выдает себя за египетского еврея и говорит одинаково хорошо по-английски и по-французски. Есть основания полагать, что именно он шпионил за нами. Посылайте больше консервов. Главное, ничего не кладите в одежду”.

Четверг, 21 августа.

Дневник Сканди ("Ранимед Парк"): "Наши представители были сегодня вызваны на капитанский мостик. Чиновники сообщили о том, что мы отправляемся в Гамбург. Желаящим воспользоваться французским гостеприимством предоставляется срок для принятия решения до 6 часов вечера следующего дня. Мордехай собрал нас и произнес блестящую речь: "Тот, кто хочет высадиться, может это сделать беспрепятственно, — сказал он. — Но мы плюнем ему в лицо от имени всего еврейского народа, борющегося за право на существование. Эти бандиты хотят вернуть нас в тот ад, откуда мы вырвались. Мы будем сражаться. Храните каждую бутылку, каждый предмет, который можно использовать как снаряд, для того дня, когда они будут вынуждены прибегнуть к силе. Весь мир сможет убедиться в нашей решимости". При этих словах все солдаты ушли с лестниц и вышли из клеток. Странно, но мы не можем поверить в то, что нас повезут в Гамбург. Это уж слишком. Сегодня вечером вместе с катером, доставляющим продовольствие, подойдет и другое судно, с которого нам будут переданы инструкции. Пока никто не высаживается, и я думаю, что теперь никто уже и не высадится. Я почти уверен в том, что срок продлят. После Хайфы англичане лгут без зазрения совести".

Сообщение Гада ("Эмпайр Райвл") Аби: "Напоминаю вам о существовании коробки, которую мы будем спускать каждый вечер за борт слева, между двумя уборными. До нее легко добраться на судне. В 22 часа мы можем также спустить одного из наших, чтобы взять обещанный передатчик. Через полчаса лодка может вернуться к этому месту с радиооператором, которому останется только доплыть до швартовых, и его поднимут на борт. Прошу немедленно ответить".

Пятница, 22 августа.

Сообщение Гада ("Эмпайр Райвл") Аби: "Вчера вечером мы напрасно прождали шлюпку с 22 часов до 22 час. 30 мин. Все было готово к ее приему. Опасаться нечего. Мы только услышали обращение Хаганы. Дайте нам точные директивы относительно того, что мы можем или не можем обещать эмигрантам. Если мы действительно должны выйти в море в 18 часов, пришлите сгущенное молоко, шоколад и какао для детей. И гинеколога".

Ни в одном из этих сообщений не упоминалось о бомбе, изготовленной Гадом, Гиорой и Юзеком. Но вопросы Хофера относительно того, как обращаться с зажигательными карандашами, заданные по радио командованию Пальмаха, вызвали тревогу в парижской штаб-квартире Мосада.

СИМА

— Мы здесь не для того, чтобы наблюдать, а для того, чтобы лечить, — заявили 5 августа по прибытии в Пор-де-Бук три швейцарских врача, присланные Красным Крестом.

В столице кальвинизма Женеве 15 августа — рабочий день. Для Мишеля Доре, студента-практиканта, специализировавшегося в области отоларингологии в кантональной больнице, эта пятница была бы самым обыкновенным днем, если бы он не услышал в коридорах клиники, что Международный комитет Красного Креста ищет двух врачей для работы в районе Средиземного моря. Наведя справки, он узнал, что нужно заменить двух практикантов, Дюбуа и Дюкоммена. Те в начале месяца уехали вместе с постоянным представителем Красного Креста, доктором Роланом Марти, имея задания организовать медицинскую помощь эмигрантам с "Эксодуса". Позвонив начальнику соответствующего отдела Общества Красного Креста, доктору Р. Фэгли, чтобы предложить свою кандидатуру, Доре узнал заодно, что один из его друзей, Эрвин Вильди, уже ведет переговоры о том же. Они встретились в маленькой вилле, приютившейся у Женевского озера над Дворцом Лиги Наций. Оба практиканта подписали договор на два месяца. Прихватив с собой командировочные удостоверения, действительные в течение трех месяцев — заранее ведь не угадаешь, как сложатся обстоятельства, — в воскресенье, 17 августа, они

отправились в путь. К вечеру Доре и Вильди прибыли в Марсель. На следующий день, после утреннего купания, они явились к местному представителю комитета господину Порше, который и отвез их в Пор-де-Бук.

Они приехали туда как раз тогда, когда катера, подвозившие продукты, предоставленные французским Обществом взаимопомощи, вернулись в порт неразгруженными. То был день голодной забастовки.

Во дворе школы Доре, Вильди и Порше встречала французская медицинская бригада и доктор Жан Кейла. Вскоре к ним присоединились соотечественники, проработавшие здесь уже две недели. Быстро были подведены итоги: среди эмигрантов как будто не намечается тенденции к высадке. В среднем ежедневно высаживается 3—4 человека. Что касается состояния здоровья пассажиров, то наиболее распространенные заболевания — гнойничковый лишай, фурункулез, гастрит и мышечные боли.

Быстро составив список медикаментов и предметов ухода за больными, необходимых для предстоящего плавания, бригада Международного комитета Красного Креста вернулась в Марсель, сделала заказы в аптеках и связалась по телефону с руководством в Женеве. Затем Доре и Вильди отправились в консульство Великобритании за новостями. Кей сказал им, что решение вот-вот будет принято, отплытие намечено на конец недели, место назначения остается пока неизвестным. На следующий день в 12 часов врачи вернулись в Пор-де-Бук, захватив с собой свой багаж. Бросили жребий, и Доре отправился на "Эмпайр Райвл", где он сменил Дюкоммена, а Вильди занял место Дюбуа на борту "Оушен Вигор". Только доктор Марти остался на своем посту на "Ранимед Парк". Практикантов представили капитанам обоих кораблей, командирам морских пехотинцев и представителям эмигрантов. Затем их пригласили сделать полный обход всех трех судов в сопровождении английских майоров медицинской службы.

Доре начал записывать свои впечатления:

”Эмпайр Райвл”, безусловно, самый приятный из трех кораблей. На нем очень симпатичный офицерский состав, обращение самое вежливое. Но, пожалуй, евреи находятся здесь еще в большей тесноте, чем на других судах. Люди лежат вплотную друг к другу, всюду копошатся дети. Решетки охраняют английские солдаты с незаряженными винтовками. В одном из задних трюмов оборудовали ”госпиталь”, насчитывающий сто коек, расположенных в три ряда одна над другой. Для детей с заразными болезнями (несколько случаев кори) выделили специальный угол; в другом углу лежат пять недавно родивших женщин. На палубе, расположенной над медпунктом, устроен ”санаторий” — место, отведенное для двух десятков молодых девушек и детей, у которых подозревают туберкулез. Рядом, в маленькой каюте, примерно 3 x 3 метра, производится прием больных. Там стоит жуткая жара, градусов 45, так как солнце раскаляет ее жестяную крышу. Моральный дух пассажиров необыкновенно высок, если принять во внимание условия их существования. Здесь почти не бывает криков и споров: англичане и евреи ведут себя одинаково спокойно. На баке организована школа, мальчики учатся с одной стороны, девочки — с другой. Учитель пишет прямо на перегородках из листового железа. За раздачу продовольствия, доставляемого на корабль, отвечают три человека. Эмигранты сами готовят и ведут себя очень дисциплинированно. Контроль за передвижением пассажиров из одних помещений в другие стал строже с тех пор, как, по слухам, один из солдат ударил ребенка”.

В этот первый вечер Доре и Вильди вернулись на берег и провели ночь под открытым небом в школьном дворе; они спали на носилках, так же, как добровольцы из Организации помощи иностранцам и Общества французской взаимопомощи. Только на следующий день, в среду, они окончательно устроились в каютах, которые разделили с майорами медицинской службы британского военного медицинского корпуса. Каюты

были тесные, но сравнительно удобные. На "Эмпайр Райвл" лейтенант Мади уступил нижнюю койку своему гостю, а сам улегся на верхней. Он передал ему копию доклада, составленного им накануне, для полковника М.Дж. Когана, начальника медицинской службы 6-й парашютной дивизии. Это был отчет о состоянии здоровья 1527 эмигрантов, четырех офицеров и 140 солдат, находившихся с момента отплытия из Хайфы под его наблюдением на корабле, рассчитанном для перевозки 614 человек в военное время.

В помещении медпункта Доре принимал трех эмигрантов, которые получили пропуска, остальных он осматривал прямо в трюмах. Его главной задачей было обнаружить носителей заразных болезней и отметить подозрительные случаи. В полдень он пообедал с членами экипажа, а затем консультировал по своей узкой специальности.

В 18 часов за ним, так же как за несколькими английскими офицерами и врачами, находившимися на двух других кораблях, пришел катер, чтобы взять их на берег: они были приглашены французским Обществом взаимопомощи на прощальный ужин.

"Был подан знаменитый "буйабес" на двадцать четыре персоны, приготовленный шеф-поваром Общества взаимопомощи, — записал Доре. — Аперитив, еще аперитив, тосты за англо-франко-швейцарскую дружбу. Купание в море между часом и двумя часами ночи. Возвращение на корабли. Нашим катером воспользовались, чтобы отправить на берег женщину, у которой утром начались схватки. Море беспокойно, пересадка затруднена, но все обошлось благополучно благодаря использованию подъемного устройства".

Реорганизовав персонал, оставленный его предшественником, Доре создал настоящую бригаду: три сестры — Женя, Нелли и Ольга, — мобилизованные среди эмигрантов, дежурили на нижней палубе; квалифицированная медсестра, женщина-педиатр, предложившая свою помощь — все та же Двора, — да переводчица

польского происхождения составили больничный персонал.

На следующий день, с самого раннего утра, распространились слухи об отплытии. Марге, явившейся, как обычно, помогать, не разрешили подняться на борт. Доре высказал Мади свое удивление по этому поводу. Последний сослался на указания, полученные из вышестоящих инстанций: отныне запрещены какие бы то ни было контакты с людьми из Организации помощи детям. Запрет, разумеется, категорический. Без рубахи, в шортах и тапочках, врач-швейцарец пошел осматривать двадцать восемь беременных женщин. Пять из них должны родить в ближайшие две недели. Ему сообщили, что на корабле находятся 200 беременных пассажирок! Врач, разумеется, не узнал, что после осмотра эти двадцать восемь беременных женщин отправились за советом к Симе.

— Можем ли мы в нашем положении рисковать пуститься в новое плавание?

— Каждая из вас должна принять решение, повинуясь голосу собственной совести, — ответила Сима. — Но если вы хотите услышать мое мнение, — замечу, кстати, что Гад со мной согласен, — то я считаю, что вам следует сойти на берег. — Симу преследовал образ Поли, умершей от родов на "Эксодаусе". — Предоставленный вам срок истекает завтра в 6 часов вечера. Если вы не высадитесь, вам, по-видимому, предстоит долгое плавание до Гамбурга: нам недавно сообщили по радио, что это — возможное место назначения.

Услышав эти слова, женщины заплакали. Но ни одна не сказала, что желает покинуть корабль. Не согласилась высадиться и сорокапятилетняя польска-католичка; она поклялась, что отвезет в Палестину к его дяде двенадцатилетнего мальчика, единственного из всей семьи, спасшегося от гибели. Сима предложила заменить ее и доставить мальчика по назначению.

— Вы достаточно долго разделяли наши страдания. Мы позаботимся об этом ребенке.

— Нет, я должна сдержать свое обещание, даже если наши мучения будут продолжаться годами.

На корабле находилась и старуха-украинка, давшая зарок воспитать в еврейской вере двух сирот — семи и десяти лет, — которых она спасла и приютила во время войны. Когда один из эмигрантов, которого попросил об этом Гад, сказал ей, что готов назваться отцом детей, чтобы дать ей возможность сойти на берег, старуха упала в обморок.

Несколько упрямых матерей спрятали в трюме своих детей, больных корью. Они знали, что если швейцарский врач их увидит, то потребует их эвакуации.

В 18 часов консул Кей поднялся на борт "Эмпайр Райвл", чтобы подтвердить ультиматум английского правительства: эмигрантам дается ровно двадцать четыре часа, после чего они будут направлены в Германию, в английскую зону оккупации.

"Евреи просто не могут в это поверить, — записал Доре. — Они не проявляют никакого беспокойства. Но вечером, на палубе, они поют с небывалым подъемом".

Дипломат обошел все три корабля, и всюду ему оказали одинаковый прием. На судах ожидали ответа Хаганы, который должен был быть оглашен ночью по громкоговорителям.

На следующий день Доре проснулся в шесть часов утра; верующие евреи, накинув на плечи молитвенные покрывала, молились, обратившись лицом к востоку. С палубы доносился грохот погрузки. Врач открыл свой дневник и записал:

"Разговоры об отплытии как будто подтверждаются. Подвозят больше продовольствия, чем обычно. Чувствуется некоторая нервозность. Охрана у клеток усилена, и эмигрантов больше не выпускают".

Как и в первые дни, по прибытии судов в Пор-де-Бук, слетелись сотни журналистов. Появились и наши знакомцы: представитель министерства внутренних дел Франсуа Ксавье Руссо прибыл в семь часов из

Парижа в сопровождении Вени. Отсутствовал лишь Коллавери, уехавший в отпуск, но его заменил супрефект города Экса господин Ришардо, которого предупредили телеграммой в два часа ночи, после окончания межведомственного совещания. Облачившись в парадную форму, Ришардо повторил предложение своего правительства принять эмигрантов на французской территории. Французское Общество взаимопомощи доставило 25 тонн продовольствия. Дул жестокий мистраль, море волновалось, катера с трудом подходили к трапам. Вокруг трех "Либерти" на волнах качались разнокалиберные суда, с которых какие-то люди что-то кричали в мегафоны, отчаянно жестикулируя.

Предложением господина Ришардо воспользовались только семеро больных, в том числе одна беременная женщина, которая вот-вот должна была родить. Десять эмигрантов высадились ночью, тайком от своих товарищей по борьбе и страданиям. И это все. Британские власти уведомили префекта о том, что корабли поднимут якоря в 18 часов и возьмут курс на Гамбург, с предварительным заходом в Гибралтар.

Благодаря помощи Руссо и доктора Кейла Вене удалось попасть на корабли в качестве переводчика. Он передал ответственным лицам послание Хаганы. Пассажирам многострадального "Эксодуса" будут предоставлены первые же транспортные средства, которые окажутся в распоряжении Мосада, для их доставки в Эрец-Исраэль. В ожидании этого дня они должны соблюдать осторожность и не предпринимать ничего, что могло бы привести к кровопролитию.

Вскоре после полудня к "Ранимед Парк" на шлюпке подплыла чета Якоби. Родители, проживающие во Франции, явились за своей дочерью Мирьям, членом халуцианской организации. Благодаря этому инциденту англичане установили личность девушки. Отец и мать умоляли дочь сойти на берег, но та отказалась говорить с родителями и спряталась в глубине трюма.

В 16 часов журналисты получили разрешение посетить — в сопровождении пресс-атташе посольства и консульства г.г. Маллета и Ашкрофта — "Ранимед Парк" и "Оушен Вигор" и беспрепятственно проинтервьюировать пассажиров. При их появлении на первом корабле развернули огромный черный стяг, на котором английский флаг соседствовал со свастикой. Рыбаки заметили его с берега. Представителей прессы встретили громкие возгласы: "Эрец! Эрец!" Полковник Грегсон, командующий войсками конвоя, приветствовал гостей на баке. "Если журналисты пожелают, — заявил он, — они могут пройти в трюмы — их пропустят за зарешеченные двери". Пассажиры отвечали на вопросы однозначно, как будто сговорились: "Спасибо Франции! Мы откажемся высадиться в Гамбурге. Мы хотим в Палестину и никуда больше". Никаких обвинений, никаких жалоб на поведение английских солдат и членов экипажа: "Дисциплина здесь суровая, но не они виноваты в том, что происходит. Мы обратимся к совести мира и мы надеемся, что тысячи борцов, сражавшихся вместе с нами против нацизма, поймут нас".

Полковник отвечал на вопросы с деланной откровенностью: "Мне нелегко, это тяжелая работа для моих людей..." В соответствии с приказом Бевина, отданным по телеграфу, английскому журналисту из агентства Рейтер, Францу Бойду, разрешили остаться на "Ранимед Парк" до конца плавания.

На "Оушен Вигор" майор Эллис признал, что большинство эмигрантов разделяют чувства своего представителя Макса Лехтера, заявившего репортерам: "Нам не позволили сойти на берег в Хайфе, но в Европе мы не высадимся. Вот наше решение: Палестина или смерть!"

Эмигранты поручили журналистам отправить из Пор-де-Бука телеграмму. Это было обращение к президенту Трумэну с просьбой о немедленном вмешательстве.

Около 17 часов представитель Международного комитета Красного Креста в Марселе, господин Порше, и французские врачи пришли проститься со своими швейцарскими и английскими коллегами. Веня воспользовался этим случаем для того, чтобы в последний раз повидаться с пассажирами. Ханан Райхман пожал руку английского майора.

— Может быть, увидимся в Гамбурге, — сказал Ханан. — Не кажется ли вам, что этот тайм вы проиграли?

— Пока это так. Но это еще не конец. Говорят, вы собираетесь убить пятерых наших людей. Это правда?

— Для чего? Вы сами признаете себя побежденными. Вы убиваете, вы вешаете, значит, вы слабее.

— Хотелось бы мне встретиться с вами еще когда-нибудь — при других обстоятельствах...

Санитарный катер отвез в порт еще шестерых больных. Последних. За четыре недели на берег согласилось сойти 138 человек. Кроме того, было высажено около сорока больных и малолетних детей. На кораблях родилось двенадцать младенцев.

В 17 час. 50 мин. на палубе "Эмпайр Райвл" вдруг поднимается паника: один из пассажиров просит отвезти его на берег с женой, которая вот-вот должна родить; другой решил высадиться со своей маленькой дочкой: Доре в течение двух дней настойчиво советовал поместить ее в санаторий. Но уже поздно. Санитарный катер ушел...

И вот, в канун субботы, они повернулись спиной к заходящему солнцу, встали по стойке смирно и запели "Ха-Тикву". Ветер гнал вперед черный дым. Кочегары развели пары. Слышно было, как якорные цепи наматываются на лебедки.

В 18 часов на "Ранимед Парк" раздался выстрел ракеты. Это в знак благодарности подняли на фок-мачте французский флаг. Судно сделало поворот и двинулось в сторону открытого моря. Сирена французского танкера "Лимузен", стоявшего поблизости на рейде, проводила его гудками. Последний катер с удовольствием, посланным французским Обществом

взаимопомощи, остановился возле "Эмпайр Райвл", но по приказу капитана вынужден был удалиться. Он описал широкий круг и вернулся в порт со своим грузом. Десять минут спустя поднял якорь "Оушен Вигор". В 18 час. 20 мин. наступила очередь "Эмпайр Райвл". У границы территориальных вод их ожидали крейсер "Феб" и два минных тральщика Королевского военно-морского флота. Они должны были конвоировать суда "Либерти" до Гибралтара. Три корабля быстро набрали скорость и исчезли на горизонте.

В Пор-де-Буке, где остались лишь медсестры в белых халатах, рабочие в синих спецовках да журналисты, застрявшие у телефонов, стало известно, что, согласно коммюнике посольства Великобритании, переданному по радио, беженцы с "Эксодуса" будут переведены в два лагеря в районе Гамбурга. Один из них построен в 1945 году английскими войсками для размещения бывших военнопленных, а другой в 1942 году немцами для иностранцев, переданных в Управление принудительного труда. При этом уточнялось, что англичане ни в коем случае не будут использовать немецких полицейских для охраны эмигрантов.

На "Оушен Вигор" Меир послал делегацию к майору Эллису с требованием передать пассажирам свиток Торы, который ему удалось переправить на корабль с последней партией продовольствия. Майор ответил, что необходимо удостовериться, что в этом предмете культа не содержится писем или оружия.

Мордехай Ройзман решил остаться на "Ранимед Парк" под видом английского журналиста Франца Бойда.

На "Эмпайр Райвл" Женя, Нелли и Ольга — три медсестры-еврейки, — Двора и ее муж пригласили к ужину Доре и Мади.

"Мы очень приятно провели вечер, — записал Доре. — Разговор был прямым и откровенным. Ужином, разумеется, воспользовались, чтобы уладить ряд деловых вопросов, в частности, о привлечении к работе еврейки-акушерки, о детском питании и др. Потом

говорили о цели путешествия и о международной политике. Я делаю для них все, что могу, и при этом хочу быть объективным. Каждый из нас старается сгладить углы. А вот погода с вечера начала портиться. Когда в полночь за мной пришли звать на роды, качка была жестокая. Дождь и ветер окончательно вывели из строя брезент, натянутый над "санаторием". Туберкулезных пришлось поместить в центральной части "больницы".

На следующий день в 10 час. 30 мин. утра в Париже посол Дафф Купер направил Рэймону Буске ноту своего правительства, содержащую просьбу к французским властям разрешить въезд по железной дороге на территорию страны 4500 эмигрантам, державшим в настоящее время курс на Гамбург:

"Правительство Его Величества понимает соображения, продиктованные чувством гуманности, в силу которых французское правительство отказалось участвовать в принудительной высадке нелегальных иммигрантов в Пор-де-Буке. Оно надеется, что по тем же соображениям французское правительство охотно примет английское предложение для облегчения страданий беженцев. В течение трех недель, главным образом под влиянием сионистской пропагандистской машины, эти евреи отказывались высадиться в Пор-де-Буке. Правительство Его Величества надеется, что еврейские руководители с должной серьезностью обдумают следующий вопрос: оправдана ли их деятельность, направленная на то, чтобы все время препятствовать возвращению этих иммигрантов во Францию, страну, из которой они нелегально выехали в Палестину и которая вновь предложила принять их на своей территории?"

Прошло два дня. 25 августа Депре, проинформированный своим аппаратом, направил Бидо письмо с пометкой "очень срочно". Он писал в частности: "Мы можем принять английское предложение лишь при обязательном условии, что при увеличении квоты на въездные визы еврейские организации согласятся внести евреев с "Эксоудуса" в списки, составленные по

этой увеличенной квоте, и если, с другой стороны, въездные визы в Палестину будут отныне выдаваться правительством Великобритании также и евреям, находящимся во Франции на вышеуказанных условиях”.

27 августа Совет министров обсудил этот вопрос в Елисейском дворце. На следующий день Бидо сообщил Даффу Куперу о принятом решении:

”В письме от 23 августа Вы, Ваше превосходительство, просили меня уведомить Вас, согласится ли правительство Франции принять на территорию страны эмигрантов с ”Эксодуса” после их возвращения в английскую оккупационную зону Германии... Я имею честь уведомить Ваше превосходительство, что Совет министров на заседании, состоявшемся 27 августа, поручил мне сообщить Вам, что, стремясь учесть желание правительства Великобритании и соблюдая — в соответствии с традиционной политикой, проводимой Францией в отношении иностранцев — полную свободу решений со стороны заинтересованных лиц, правительство Франции дает свое согласие на въезд всех эмигрантов с ”Эксодуса”, которые согласятся приехать во Францию”.

Фактически французская позиция осталась неизменной. Возвращение беженцев с ”Эксодуса” обуславливалось тремя следующими пунктами: 1/ возвращение во Францию должно быть добровольным, 2/ въезд эмигрантов во Францию не должен явиться прецедентом для допуска в будущем на территорию страны других беженцев из Германии, 3/ число беженцев, которые прибудут в страну, не должно превышать 8 тысяч в соответствии с квотой, установленной Францией.

В тот самый момент, когда плавучие тюрьмы готовились покинуть Гибралтар после трехдневной стоянки, в Лондоне было заявлено, что от Ламанша далее их будут эскортировать эсминцы и два фрегата из Читама. Эти корабли сменят эсминцы, конвоирующие

суда от Гибралтара. Это делается для того, — говорилось в коммюнике, — чтобы предупредить ”любую попытку коллективного или индивидуального самоубийства, которую могли бы предпринять евреи”.

Г И О Р А

Суббота, 23 августа. Это седьмая суббота в море со дня отплытия "Эксода" из Сета. Снова морской ветер, снова качка. По правому борту виднеется берег: Коста Брава. Число больных значительно уменьшилось, и это большое счастье, так как на медпункте "Эмпайр Райвл" уборные безнадежно засорились, и больным приходится совершать свои отправления на палубе. Их теперь человек тридцать, не больше. Остальные 70 коек занимают шесть рожениц, старики, да переутомленные пассажиры, получившие разрешение провести ночь здесь, а не на голом металлическом полу трюмов. Ежедневный медицинский осмотр проходят теперь не 150 человек, как раньше, а лишь 50. Доре может позволить себе отдохнуть днем два часа в каюте Мади, чтобы восстановить силы после бессонной ночи.

Он вновь взялся за дневник:

"Очень трудно писать. Я не в состоянии ни читать, ни вообще сосредоточиться. Мади уже десять месяцев служит на этих кораблях, и ни одной книги за это время он не сумел прочесть. Теперь я уже не удивляюсь, когда вижу, как пятнадцать офицеров целыми днями спят или выпивают, чтобы убить время. Голова будто ватой набита, мозги разжижаются. Глаза слипаются над английскими строчками, и одолевают какие-то смутные грезы.

Из оцепенения меня выводит известие: женщине грозит выкидыш. Делаю гинекологический осмотр, связываюсь по радио с руководителем нашей группы

на "Ранимед Парк", доктором Марти, и прошу у него совета.

Вечером, когда в нашей каюте распивали коньяк, Вильди вызвал меня по радио с "Оушен Вигор": ему вдруг захотелось услышать дружеский голос. Теперь это нужно ему больше всего. У него тоже меньше работы после выхода из Пор-де-Бука.

Воскресенье, 24 августа. Язык еле ворочается во рту, голова тяжелая. Утром выдал пятьдесят пропусков на медпункт. Теперь число эмигрантов, страдающих морской болезнью, уменьшилось. Зато ухудшился уход за детьми и участились случаи гнойничкового лишая. Организовал на палубе пункт первой помощи, на котором две девушки щедрой рукой льют хромовокислую ртуть и не жалеют сульфамидной мази. Опасность выкидыша, по-видимому, предотвращена. Прошел дождик, раздались отдаленные раскаты грома, и снова — палящее солнце. Дети то и дело плачут, и снизу доносится: "Шекет! Шекет!" ("Тихо! Тихо!"). В пятнадцать часов снова показалась на горизонте Испания: обрывистый берег, острые скалы, прелестные бухточки с ослепительно белыми домами! Мы идем вдоль побережья между Каталонией и Валенсией. Сегодня вечером обнаружено еще два случая кори, у больных очень высокая температура. Кажется, мы простоим два дня в Гибралтаре для погрузки продовольствия. Изумительная лунная ночь. Наконец-то подул свежий ветер.

Понедельник, 25 августа. Снова приблизились к берегу: в нескольких километрах от нас мыс (Гата?). Выжженные горы, редкая растительность, бедные деревушки, одинокие фермы. Дорог не видно. Невыносимая жара. Утром в трюмах нечем было дышать. К вечеру посвежело, и я, устроившись на палубе, погружаюсь в чтение последнего произведения Ла Варенда. Но разве то, что мы переживаем сейчас, не страница истории

— истории народа Израиля? Что сохранится от эпопеи "Экзодуса"?

Сегодня вечером, проходя мимо медпункта, я предотвратил акт насилия — первый с начала плавания. Дело было так: какой-то эпилептик вдруг начал кричать на охрану, а затем забился в припадке. Его жена и дети стояли тут же рядом и тоже принялись вопить. Решив, что начинается бунт, английские солдаты уже занесли свои дубинки над головами пассажиров. Я вмешался и объяснил, в чем дело. Тогда англичане спрятали "оружие" и ушли наверх".

Швейцарский врач, который до этого всегда держался нейтрально и не пользовался доверием подпольных членов Хаганы, своим вмешательством сразу же завоевал их расположение. Разумеется, это не значило, что они ввели его в курс всех дел. Так, например, они не подпускали его к молодой венгерской еврейке, которую они "взяли" прямо на медпункте в Пор-де-Буке. Одна из медсестер застигла ее в тот момент, когда она передавала какие-то сведения майору, и ее разоблачили, как осведомительницу английской тайной полиции,сланную в лагеря для перемещенных лиц с заданием выявить нити Алии-бет. Гад и его люди не решились судить ее и выбросить в море. Они просто изолировали девушку от остальных пассажиров и держали ее у себя в трюме, куда солдаты и показываться-то не смели.

Женя, Нелли и Ольга, юные помощницы медсестер, не скрывали своей симпатии к молодому, немного наивному швейцарскому врачу. Они не могли удержаться от смеха, когда он споткнулся о металлическую сетку с овощами, стоявшую почему-то в углу трюма. Он спустился сюда, чтобы оказать помощь больным.

— Вы не заметили ничего необычного? — спросила его Женя, прищурившись.

— Гхм... нет.

— Вы чуть не раздавили наш радиоприемник, — сказала она и лукаво прижала палец к губам.

Так Доре узнал, что он завоевал доверие активистов, несмотря на хорошие отношения с доктором-майором.

То же самое произошло с его товарищем Вильди, сделавшим накануне все возможное для спасения молодой роженицы и ее младенца на "Оушен Вигор".

Во вторник, 26 августа, впереди появилась огромная туча, которая словно цеплялась за скалу. Мало-помалу стали вырисовываться очертания рейда, пирсов, огромных портовых сооружений Гибралтара.

Чтобы ничто не мешало им любоваться этим изумительным зрелищем, узники "Оушен Вигор" сорвали и выбросили в море колючую проволоку с бака. В 8 часов был поднят желтый флаг. Суда конвоя один за другим двинулись по фарватеру и причалили к берегу. Затем наступила очередь плавучих тюрем. Они подошли к угольной пристани, где и грузились в течение всего утра. На рейде стояло десятка два танкеров и грузовых судов.

На борт поднялись военные врачи из английского гарнизона. Майор Эллис на "Оушен Вигор" сказал представителям эмигрантов, что он рекомендует беременным женщинам и больным воспользоваться стоянкой и высадиться в Гибралтаре, где местные власти готовы оказать им любую возможную помощь. В противном случае им предстоит тяжелое плавание по Бискайскому заливу. Меир посоветовал семье, где была роженица с младенцем, состояние которых ухудшилось за последние сутки, избавиться от новых страданий. Ему ответили отказом. Командиры двух других кораблей даже и не пытались делать подобные предложения. Они знали, что любая попытка подобного рода обречена на провал "вследствие влияния на эмигрантов агентов Хаганы". А эти последние, усевшись в кружок вокруг тайного приемника, слушали новости из Парижа, Лондона и даже из Москвы. Они еще лелеяли надежду, что англичане в последний момент перестанут их шантажировать угрозой высадки в Гамбурге и направят в Колумбию, которая была их легальным ме-

стом назначения. Это позволило бы выиграть время и дожидаться обсуждения палестинского вопроса в Организации Объединенных Наций.

— Земля круглая, так что все пути ведут в Израиль, — повторяли Гад, Гиора, Юзек и их товарищи.

Швейцарских врачей пригласили на берег, где их должна была принять жена губернатора крепости, леди Андерсон, представитель местного Красного Креста. Все трое явились на эту встречу в шортах и веревочных тапочках: им не удалось переодеться, так как на палубы обрушился настоящий угольный дождь. Но хозяйка приняла их так дружелюбно, что вскоре молодые врачи перестали смущаться. Она провела их через цветущее патио бывшего монастыря, превращенного в губернаторский дворец, и усадила, предложив бокал шерри-брэнди, на нежно-зеленые диванчики.

— Церемонии, — сказала она, — отложим до завтра: вы приглашены на ленч, который мой муж устраивает в честь офицеров кораблей. А пока мы выделим для вас адъютанта с джипом: вы поедете с ним осмотреть крепость и позавтракаете в сосновой роще в "Рок Отель".

Пока швейцарцы отдыхали под тенью душистых сосен, вдали от зловония, царившего на кораблях, горстка евреев, проживающих в Гибралтаре, пришла выразить свое сочувствие добровольным узникам и передать им сигареты, фрукты, плащи и ящики с одеждой. Но эти дары были ничтожно малы по сравнению с нуждами пассажиров, и во избежание недоразумений, Меиру пришлось попросить майора Эллиса отложить раздачу вещей.

Вечером, растянувшись на своей койке, Доре записал:

"Во второй половине дня пошли за покупками. Городок унылый, какими обычно бывают гарнизонные города: дешевый базарчик, увеселительные заведения для солдат. Зато виноград просто великолепный, настоящее чудо! Среди ночи мы вернулись на суда, ко-

торые ушли с угольной пристани и стали на якорь в конце мола, ближе к открытому морю. На них направлены мощные прожекторы. Свет заливает и внутреннюю часть трюмов, и вход в порт. Вокруг патрулируют полицейские катера, и каждые пять-десять минут подводный взрыв сотрясает корпус. Это делается для того, чтобы предотвратить возможность минирования наших судов подводниками!”

Для эмигрантов эта ночь была особенно тяжелой — не давали спать непрерывные взрывы и слепящий свет. Гад и его товарищи ходили среди людей, поддерживая их дух. Они посовещались друг с другом относительно возможного использования адской машины.

На следующее утро, быстро обойдя трюмы, Мишель Доре принял душ, надел белую рубашку и белый костюм, впервые за девять дней завязал галстук и сошел на берег, где встретился со своими — тоже принарядившимися — собратьями. Они направились с визитом к губернатору, сэру Кеннету Андерсону. На этот великосветский прием были приглашены также местные должностные лица и сливки гарнизона. Банкет состоялся под сенью портретов всех английских губернаторов, сменившихся во дворце за сто пятьдесят лет. Между виноградом и десертом сэр Кеннет заявил, что готов принять на себя заботу о самой многострадальной категории беженцев с ”Эксодуса”: беременных женщинах, которые должны родить в ближайшие две недели, и матерях с детьми до четырнадцати лет. Вопреки решению его правительства, гласившему, что ни один из этих эмигрантов никогда не будет допущен в Палестину, представитель Великобритании предложил положить этих женщин в больницу, продержать там до родов, а затем направить в Палестину сверх месячной квоты. При этом ставилось одно условие: чтобы мужья этих женщин и их дети старше 14 лет остались на борту кораблей. Этим приглашением могли воспользоваться пятьдесят семь женщин.

Около 15 часов врачи вернулись на свои корабли с поручением передать пассажирам предложение губернатора. Они не верили в успех этого предприятия: как смогут женщины, даже столько пережившие, примириться с мыслью о разлуке со своими мужьями и старшими детьми? И действительно, даже не попросив времени на размышление и не советуясь друг с другом, все женщины категорически отказались от предложения. Марти, Доре и Вильди через час возвратились на берег с отрицательным ответом.

На борту "Оушен Вигор" испанские рабочие чинили клетки, укрепляли решетки с помощью стальных прутьев и устанавливали железные двери у входа.

Доре записал:

"Вернувшись в 20 часов с ящиком свежих фруктов для больницы, я узнал, что три женщины все же приняли предложение англичан. Они должны высадиться завтра утром, перед отплытием".

Доре не знал, что в тот день, когда он отдыхал и развлекался, в трюме "Эмпайр Райвл" Гад, Сима, Гиора, Юзек, Дов Миллс и двое других американцев устроили настоящий военный совет. Они решили организовать эффектную операцию против англичан: подорвать крейсер "Феб" — флагманское судно конвоя, стоявшее на якоре метрах в пятистах. Гиора вызвался подложить бомбу, добравшись до корабля вплавь. Оставалось решить два вопроса: как прикрепить бомбу к корпусу судна и как ее поджечь? У них не было инструкции к системе зажигания бомбы. Гад изучал возможности действия этой системы. Было решено провести операцию в сумерках, перед тем, как зажгутся прожекторы. Гиора должен был спуститься в воду по канализационной трубе сразу после обхода полицейских катеров. Предвечерние часы он посвятил составлению завещания. Он прекрасно понимал, какому риску подвергается, взрывая бомбу, даже если ему удастся ускользнуть от подводных гранат, которые

через определенные промежутки времени забрасывались в зону, где стояли корабли.

В назначенный час Гад и Юзек уселись возле него, чтобы дать другу последние советы. Они подарили ему плитку французского шоколада, которую берегли со дня выхода из Пор-де-Бука. В последнюю минуту вмешалась Сима. Она умоляла их отложить эту опасную акцию на завтра и воспользоваться наступающей ночью для наблюдения за работой прожекторов, передвижением полицейских катеров и ритмом подводных взрывов. Кроме того, она только что узнала по радио, что отплытие судов, вероятно, будет отложено: знаменитый английский адвокат, член лейбористской партии Д.М. Притт, защищая права шести беженцев с "Эксодуса", названных поименно, подал в суд протест на основании "Habeas Corpus"*. Адвокат сопровождал свое ходатайство следующим заявлением: "Решение отправить этих евреев в Германию представляет собой самую ужасную из всех когда-либо совершенных нами ошибок. Если этих людей можно на законном основании отправить в Германию, то их можно столь же законным образом запереть в клетки с хищниками в Лондонском зоопарке".

По мнению Симы, необходимо было использовать эту отсрочку и более тщательно подготовить опасную миссию Гиоры. Гад согласился с ней. Юзек снял груз со спины товарища. Операция была отложена. Решено было по очереди вести наблюдения, чтобы установить, каким способом обмануть бдительность английской охраны.

Доре, которого Марти вызвал на консультацию по поводу двух случаев глазной инфекции и нескольких заболеваний вирусной ангиной, тоже поднялся на флагманское судно. Он, со своей стороны, попросил своих коллег помочь ему предотвратить угрозу выкидыша и принять преждевременные роды, начавшиеся

*Habeas Corpus — основной закон английского права, на основании которого любой арестованный может требовать немедленной передачи его дела в суд.

ночью на "Эмпайр Райвл". Кроме того, на его судне распространились желудочные заболевания. Эпилептик уступил его настояниям и согласился высадиться на берег с женой на девятом месяце беременности и двумя маленькими детьми. Но просьба об их госпитализации опоздала: им пришлось вернуться на корабль. Загудела сирена: на судно поднялся лодчман. Гада и его товарищей поразили эти поспешные приготовления к отплытию. Может быть, враг прослышал об их планах? Или это простой маневр с целью их запугать? Действия англичан были для них тем более непонятны, что корабли вскоре снова остановились.

"Эмпайр Райвл" и "Ранимед Парк" вернулись в порт и стали на причал у другого мола. "Оушен Вигор" так и не тронулся с места. Только корабли эскорта продолжили свой путь в сторону открытого моря. Люди терялись в догадках. Какие изменения в позиции английского правительства могли произойти в последнюю минуту в связи с юридической процедурой, начатой господином Приттом, и кампанией в печати, открытой "Экономистом"? Этот журнал писал: "Если бы наши руководители проявили хоть немного здравого смысла и обратились по радио к пассажирам кораблей, можно было бы избежать всех тех непоправимых последствий, которые мы навлекли на себя, направляя узников на нашу собственную территорию".

На деле все объяснилось гораздо проще: позиция правительства не изменилась, отплытию "Оушен Вигор" помешала авария котлов. На их ремонт ушел целый день. Что же касается закона "Habeas Corpus", то Верховный судья Дженкинс счел, что к данному случаю он не применим: отдавая распоряжение о высылке евреев с "Эксодуса" за пределы территориальных вод Палестины, английские власти действовали в соответствии с чрезвычайными законами обороны, а эмигранты, отказавшись от предложения высадиться в Пор-де-Буке, тем самым выразили свое согласие плыть в Гамбург. "Таким образом, — заключал господин Дженкинс, — не может быть и речи о незаконном задержа-

нии, поскольку беженцы по собственной воле остались на кораблях...”

Суда конвоя стояли теперь в значительном отдалении. Поэтому Гаду и его товарищам пришлось изменить планы. Гиора уже не мог воспользоваться своей бомбой — взрывать было нечего. О том, чтобы взорвать плавучую тюрьму и принести в жертву пассажиров, не могло быть и речи. Если исключить коллективное самоубийство, то оставалось только одно: подготовить подрывную деятельность в Гамбурге. Теперь самое главное было сохранить взрывчатые материалы, чтобы использовать их по прибытии.

Остаток дня и всю ночь, под грохот подводных взрывов, Дов, Гиора, Юзек и Шломо резали паяльником дверь вентиляционной шахты. Им нужно было спуститься под трюм, чтобы спрятать бомбу рядом с машинным отделением. Через несколько часов работы Гиора и Шломо смогли пролезть со своим грузом через проделанное отверстие. К счастью, внимание охраны было отвлечено припадками эпилептика, которые Доре объяснил подводными взрывами.

Марти на “Ранимед Парк” тоже считал, что причиной участвовавших нервных припадков были подводные взрывы. В этот вечер ему не раз приходилось оказывать первую помощь: какую-то женщину чуть не задушила ее товарка, другая выбросилась за борт, но, к счастью, ее удалось вытащить из воды.

Пришло время поднимать якорь.

В пятницу, 29 августа, между 7 и 9 часами утра три плавучие тюрьмы одна за другой вышли в море, на этот раз окончательно.

Тучи заволокли небо. Солдатам выдали зимнюю форму: ожидалась непогода. Эмигранты затащили люки трюмов новым брезентом, полученным в Гибралтаре. Поверх своих лохмотьев они натянули вещи, которые с трудом поделили. На океане легкое волнение. Медпункты переполнены больными. И все же, поскольку это канун субботы, в главном трюме “Оушен Вигор” устраивают большой праздник с участием

детского хора. Юных певцов облачили в костюмы, сшитые из одеял, полученных от американцев.

30 августа Доре писал в своем дневнике:

”Атлантика начинает волноваться. Прошлой ночью судам пришлось поплясать. Голова гудит еще больше, чем обычно. Берегов не видно с тех пор, как миновали Кадисский залив. Наши развалюхи медленно ползут цепочкой, впереди фрегат, справа и слева — крейсер и миноносец. Мы с Ольгой весьма скверно чувствовали себя во время утреннего обхода: перед глазами до сих пор стоят согнутые спины, сотрясаемые спазмами. Вонь непереносимая. На палубе освежает ветер. Этой коллективной тошноты, кажется, избежали только дети младше десяти лет. Около полудня мы берем курс на север — идем вдоль португальского побережья. Среди заболеваний — на первом месте ангина, на втором — энтерит, число больных фурункулезом осталось прежним.

Прекрасная лунная ночь. Море успокоилось. Справа по борту медленно движется маяк.

Воскресенье, 31 августа. Детям младше десяти лет раздали витамин С. Меня все еще мучает тошнота; каждая трапеза для меня сущее мучение. Сегодня килевая качка слабее, зато усилилась бортовая. Еврейские медсестры проявляют железную выдержку. Они пригласили меня в свою каюту поболтать и кое-что рассказали о своей организации. Они подчиняются нескольким руководителям, которые имеются на каждом корабле. Эти руководители не входят в число официальных представителей эмигрантов, которым они, впрочем, и неизвестны. Двум агентам удалось даже подняться на борт, переодевшись врачами. Смешавшись с пассажирами, они остались с ними. Никто и не подозревает об их присутствии. Все эмигранты доверяют еврейским организациям, объяснили девушки, и знают, что они не оставят их в беде. И все же некоторые беженцы явно упали духом: это те, кто, бросившись в героическое приключение, лишились своего

положения, которое не так легко будет вновь завоевать.

Сегодня во второй половине дня много больных. Волнение на море усилилось. Чувствую себя не блестяще. Составляю список лекарств, имеющихся в нашем распоряжении. Состояние ребенка с подчелюстной флегмоной вызывает у меня опасения. У нашего эпилептика за этот вечер было три припадков. А мы еще не миновали мыса Финистерре. Что ждет нас в Бискайском заливе? Приму две таблетки гарденала и на боковую. Главное — уснуть, забыться...”

На следующий день, 1 сентября, молодой практикант был не в силах продолжать записи. В 10 часов три корабля остановились с приспущенными флагами. В бинокль можно было рассмотреть на палубах судов конвоя моряков, стоявших по стойке “смирно”. На “Оушен Вигор” произошло несчастье. Ночью одна из женщин родила мальчика. В 4 часа утра дежурный разбудил Меира и сообщил, что жизнь новорожденного в опасности. Доктор Эрвин Вильди и сестра сделали все, что было в их силах, но через два часа ребенка не стало. Во избежание беспорядков агент Хаганы известил об этом только семью и членов подпольного секретариата организации. Но солдаты заняли места на ключевых пунктах корабля с автоматами наготове. Тогда Меир, перестав скрываться, без колебаний попросил у майора Эллиса разрешения допустить его в “госпиталь” вместе с отцом младенца, которого он представил как раввина, — и провести там скромный религиозный обряд, на котором будут присутствовать лишь евреи. Получив разрешение на эту церемонию, он положил тельце ребенка в железный ящик. Однако приготовления солдат сразу же насторожили пассажиров, среди которых вскоре распространилось печальное известие.

На открытой палубе появились Меир и отец ребенка. Они держали ящик, прикрытый бело-голубым флагом. После чтения молитвы “Эль Мале Рахамим” и Каддиша Меир стал медленно опускать ящик в оке-

ан. Вдруг он услышал за спиной военную команду. Он оглянулся и увидел, что караван остановился, а на палубах выстроились члены экипажа в белой форме. Майор Эллис приказал отдать военные почести усопшему младенцу и приспустить флаг.

В этот же час на четвертом этаже Дворца наций в Женеве Эмиль Сандстрем, председатель комиссии ООН по палестинскому вопросу, огласил единогласно принятые рекомендации. Одиннадцать членов комиссии с редкой для международных организаций пунктуальностью подписались под ними в алфавитном порядке незадолго до полуночи:

1. Мандатный режим в Палестине должен быть отменен в кратчайший срок.

2. Палестина будет объявлена независимой.

3. В переходный период управление страной будет возложено на орган, подотчетный Организации Объединенных Наций.

4. Должен быть сохранен соответствующий статус Святых мест.

5. Генеральная ассамблея ООН выработает принципы международного соглашения по вопросу еврейской иммиграции.

6. На территории Палестины будет создано одно или два государства на демократической основе и в соответствии с принципами устава Организации Объединенных Наций.

7. Экономическое единство Палестины будет сохранено.

8. Народы Палестины будут сотрудничать с Организацией Объединенных Наций.

План раздела, предложенный на Женевской конференции делегатами семи стран, предусматривал создание на территории Палестины двух государств — одного с еврейским, другого с арабским большинством — и предоставление особого статуса Иерусалиму. Предполагалось, что Великобритания будет в течение некоторого времени продолжать обеспечивать полицейскую

службу под контролем Организации Объединенных Наций. Ей предписывалось разрешить въезд на территорию Палестины 150 тысячам еврейских иммигрантов.

Это известие распространилось на кораблях, прокладывавших себе путь среди волн и тумана, нависшего над Бискайским заливом. На своей койке на "Эмпайр Райвл" Доре приходил в себя после вчерашней тошноты. Воспользовавшись свободной минутой, он занес в дневник:

"Вторник, 2 сентября. Становится все холоднее. Будет чудо, если люди, помещенные на палубе, не простудятся. В трюмах ни одного свободного места. Теперь я знаю каждого из них, по крайней мере, все группы, и мне удастся прокладывать себе дорогу среди пассажиров. Когда я прохожу один, они мне улыбаются или подмигивают. Некоторые из них считают меня датчанином, другие — французским врачом, исповедующим иудаизм. Неизвестно, как они поведут себя по прибытии в Гамбург. На мои вопросы они отвечают уклончиво, хотя я стремлюсь лишь к тому, чтобы не пострадали беременные женщины, особенно те, которые находятся на девятом месяце. Они как будто ждут инструкций от своего невидимого руководства... Сегодня на море настоящая феерия... Огромные волны, пенящиеся гребни, сверкающие брызги — настоящий Беклин! Миноносцы режут волны своими острыми форштевнями. Ночью они подошли к нам метров на тридцать и перебросили спирт для медпункта. Маленький приемник Мади прилично принимает Москву, иногда Лондон, но новостей из Франции услышать не удастся. Скорей бы уж кончился весь этот кошмар. Несчастные люди. Мне наконец разрешили принять в госпиталь — сверх положенного контингента — чету стариков, продрогших от холода на палубе".

В этот день в окрестностях немецкого города Любека царило необычайное оживление. Команды из перемещенных лиц — югославов-невозвращенцев — с помощью немецких техников поспешно сооружали во-

круг заброшенных лагерей Поппендорф и Амштау заграждения из колючей проволоки и возводили вышки. Генерал Бишоп, начальник штаба британской контрольной комиссии в оккупационной зоне, заявил представителям печати, что к концу недели в этих лагерях будет размещено около 4400 эмигрантов с "Эксодуса". В случае, если они откажутся высадиться, английская армия вынуждена будет взять на себя ответственность за эту операцию. Предусмотрены три способа воздействия: физическое принуждение, обливание холодной водой из брандспойтов и слезоточивые газы. Солдаты применяют оружие лишь в случае смертельной опасности. Операции по высадке не будут происходить публично. Присутствовать при них разрешено только представителям печати стран-союзников и немецким журналистам. Генерал Бишоп уточнил, что вышки и колючая проволока предназначены исключительно для защиты евреев от внешних опасностей. Тем не менее, интернированным будет запрещено покидать территорию лагерей без особого пропуска.

— А не станут нас потом судить как военных преступников за то, что мы строили лагеря для евреев? — невесело усмехнувшись, спросил английских журналистов немецкий рабочий из Любека.

М Е И Р

Раввин Барух Корф, американский гражданин, родившийся в 1914 году в Новгороде-Волынском, разъезжал на шикарной машине с американским номером и одевался с крикливой роскошью. Остановился он в гостинице "Крийон" вместе со своей молоденькой секретаршей Джудит Розенберг. Это было за три недели до прибытия пассажиров "Эксодуса" в Гамбург. Нимало не заботясь о своем инкогнито, путешественник представился в качестве вице-президента Американского политического комитета за освобождение Палестины. Он принимал у себя в номере огромное множество посетителей, с которыми вел какие-то таинственные совещания. Корф не скрывал от них своих планов: сбросить с парашютом евреев-эмигрантов в Палестину и для предотвращения принудительной высадки в Гамбурге забросать Лондон листовками. Он даже добился приема у Жана Летурно, в отсутствие Бидо, временно исполняющего обязанности министра иностранных дел. Ответственный чиновник дал ему понять, что Франции незачем обсуждать с ним его личные взгляды на эмиграцию.

От спектакля, придуманного раввином Корфом, за версту несло полицейской провокацией. Нанятый им легчик Реджинальд Джилльберт из Сан-Луиса (штат Миссури) чуть ли не сразу по прибытии отправился в английское посольство. Пилот был агентом Интеллидженс Сервис, он должен был "в простоте душевной" привлечь внимание французской уголовной

полиции к беспокойному раввину. Для этого ему достаточно было вести себя как ни в чем не бывало до момента вылета в лондонский рейс; французская полиция сама заманит Корфа в ловушку.

Джилльберт встретился с пиротехником, которого Корф попросил изготовить шесть бомб из корпусов огнетушителей, заполненных желигнитом и снабженных электрическими взрывателями. Раввин решил первым делом сбросить бомбы на английское министерство иностранных дел. На маленьком аэродроме Туссюле-Нобль он нанял самолет типа Файрчайлд (скорость 200 км/ч). Это оказалось делом нетрудным, тем более, что полиция втайне покровительствовала сделке.

шестого сентября вечером к аэродрому подкатила машина. Едва раввин, его секретарша и летчик успели из нее выйти, как раздался выстрел. Это был сигнал тревоги. Двадцать представителей уголовной полиции окружили экскурсионный самолет. Комиссар Пино из Бригады уголовной полиции поспел как раз вовремя, чтобы привести в чувство упавшего в обморок раввина. В чемоданах заговорщиков было обнаружено 10 тысяч листовок, написанных на английском языке. Но ни следа взрывчатых огнетушителей. Кроме Корфа и Джудит Розенберг было арестовано еще двенадцать их сообщников. Весть об этом балаганном заговоре распространилась в воскресенье, 7 ноября. Но слишком уж точно совпало раскрытие "организации" с появлением кораблей "Либерти" в устье Эльбы; с той минутой, когда 5000 евреев из лагеря для перемещенных лиц в Берген-Бельзене сожгли чучело Бевина и английский флаг в пяти километрах от развалин крематория, вокруг которого немцы наскоро насадили розарий, с тем днем, когда 140 тысяч евреев, сконцентрированных в американской зоне оккупации, начали голодную забастовку. Акция раввина Корфа и его сообщников имела целью отвлечь внимание общественного мнения от трагической судьбы бывших пассажиров "Эксодауса".

Для поддержания бодрости узников на "Эмпайр Райвл" Гад выдал каждому из них свидетельство за подписью и печатью, в котором удостоверялось, что они действительно были бойцами корабля "Эксокус-47", и подтверждалось обещание Хаганы доставить их в Палестину в первую очередь. Печать была изготовлена Гиорой из резиновой набойки с симиного башмака во время плавания по Бискайскому заливу. Несколько часов трудился он, вырезая скрещенную шпагу и оливковую ветвь — эмблему Хаганы. За две ночи Гад подготовил 4500 таких свидетельств, но не вписал имена тех, кто был на других кораблях, потому что не знал, как передать их туда для заполнения и потом получить обратно. Ведь командование подпольной организации должно было выполнить свое обещание. Впрочем, в Гамбурге будет видно...

Среда, 3 сентября. Взглянув в иллюминатор штурманской рубки, Доре заметил, что что-то изменилось: на столе была разложена карта Ламанша с его извилистыми берегами, маяками, сигнальными мачтами и сложными кривыми, указывающими глубину.

Голубое небо заволокла легкая сиренево-золотистая дымка. Море успокоилось. Мади сообщил доктору, что суда будут заходить в Гамбургский порт одно за другим, с интервалами в сутки. Последним бросит якорь "Эмпайр Райвл", очередь которого наступит 9 сентября. Доре заключил, что сможет вернуться в Женеву 11 числа.

В трюме № 2 у одной девушки начался истерический припадок.

Четверг, 4 сентября. Навстречу каравану шли многочисленные торговые суда. Около 9 часов на горизонте появились белые скалы Гастингса. В полдень вблизи Дувра старый крейсер приветствовал его тремя пушечными выстрелами. Берег был окутан туманом, как будто Франция отказывалась встретить на севере страдальцев, с которыми недавно простилась на юге.

Вскоре после полудня плавучие тюрьмы прошли на расстоянии нескольких кабельтовых мимо кладбища судов, погибших здесь в дни войны и тянувших к небу скрещенные мачты и реи. Море стало иссиня-зеленым. Проплыл и исчез в дымке английский берег. Пайки, распределяемые среди заключенных, были уменьшены: не было предусмотрено никакого пополнения запасов продовольствия во время пребывания в Ламанше.

Когда до берегов Германии оставалось менее 340 миль, флотилия повернула на восток, в сторону голландского побережья.

Пятница, 5 сентября. Показались Нидерланды. На небольшой высоте над Северным морем пролетели два маленьких биплана. "Эмпайр Райвл" и "Ранимед Парк" плыли бок о бок. С капитанского мостика Мади и Доре подавали знаки своим коллегам Джонсу и Марти. На некоторое время к эскورتу присоединился военный корабль, идущий под голландским флагом. Прибытие в устье Эльбы ожидалось завтра в 8 часов утра. Предполагалось, что вечером возьмут лоцмана, а к полуночи подойдут к Гамбургу.

Еврейские организации английской зоны оккупации Германии отвергли ультиматум властей, который предлагал им — под угрозой изменения их статуса — направить своих представителей в порт для присутствия при операции по высадке. Председатель Центрального комитета освобожденных евреев Иоселе Розензафт комментировал это решение следующим образом: "Мы не хотим участвовать в выполнении акции, которую считаем самым страшным зверством, совершенным со дня окончания войны".

Из Лондона сообщали, что два подозрительных судна под панамским флагом: "Падука" и "Нортленд" — находятся под пристальным наблюдением со дня выхода из Байонны в середине августа. Средиземноморская эскадра была снова приведена в состояние боевой готовности. "Падука", купленная в Майами, только что прибыла в Варну — болгарский порт на Черном

море. "Нортленд", принадлежащий "Уэстон Трейдинг энд компани", которая в свое время приобрела и "Президента Уорфильда", плыл мимо берегов Северной Африки. Ходили слухи, что оба корвета погрузили в Байонне продовольствие и что этих запасов хватит на несколько тысяч пассажиров.

Эта новость вселила робкую надежду в сердца заключенных с "Эксодауса". Она явилась доказательством того, что обещание Хаганы выполняется и борьба против английской блокады продолжается и усиливается.

Суббота, 6 сентября. Около 8 часов утра корабли один за другим бросили якорь и остановились километрах в пятнадцати от берега. Видимости не было никакой — густой туман повис и над сушей и над морем. Два маяка указывали вход в фарватер. На кораблях, по обе стороны решеток, ощущалась нервозность.

Меир, тайный руководитель пассажиров на "Оушен Вигор", записал в своем дневнике: "Должен признаться, я чувствую, что чем ближе мы к месту назначения, тем тяжелее становится моя ответственность как эмиссара и командира Хаганы. Что делать по прибытии? В Пор-де-Буке мы получили приказ избегать новых потерь. Но формулировка была не слишком четкая. На судне находится маленькая, но очень активная группа ревизионистов, утверждающих, что при высадке необходимо оказать сопротивление. Секретариат обсуждает этот вопрос с представителями остальных политических организаций, но пока воздерживается от принятия окончательного решения. Первыми подвергнемся испытанию мы".

На "Ранимед Парк" Мири, Мордехай и Сканди обсуждали то же самое. Как понять указание Хаганы: оказать пассивное сопротивление? За указанием следовало обещание в первую очередь доставить в Палестину пассажиров "Эксодауса".

В глубине трюма на "Эмпайр Райвл" Гад решал технические вопросы: как отрегулировать зажигание бомбы так, чтобы она взорвалась сразу же после эвакуации судна? Тем временем Доре, которому ничего не было известно о решении эмигрантов, составлял список тяжелобольных для срочной госпитализации. Их было девять человек, в том числе пятеро туберкулезных. Кроме того, за пятнадцатью пассажирами было необходимо установить тщательное медицинское наблюдение. Окончив эту работу, он взялся за свои записи:

"Отметили день рождения Ольги. Это был замечательный многоязычный вечер. Молодой марокканец рассказал мне о жизни в киббуцах Палестины. Сам он прошел семимесячный курс подготовки в Провансе, где учился вместе с тридцатью другими юношами и девушками под руководством инженера-агронома. Ни за что на свете он не хочет больше жить в городе. Ольга сообщила мне, что в Пор-де-Буке французское правительство только для вида официально открыло свои двери для эмигрантов, но на деле была договоренность с сионистской организацией о том, чтобы способствовать высадке только тяжелобольных. Подавляющее большинство беженцев надеется получить после этой эпопеи законные визы на въезд в Палестину, хотя бы для семей с детьми. У стариков, которых мы устроили на медпункте, в Палестине двое сыновей, которых они не видели целых восемь лет! Третий погиб в газовой камере. Хватит ли у них сил еще раз отправиться в путь? Один из представителей сказал мне, что есть основания полагать, что при высадке будет оказано сопротивление. В перспективе тумачи и шишки. Надеюсь, не более того. Одна женщина паникует. Ей кажется, что у нее отошли воды и что она уже рождает. На деле никаких схваток у нее еще нет".

В 19 часов "Оушен Вигор" поднял якорь и под вой сирен медленно вошел в устье Эльбы, держа курс на Куксхафен. Была первая ночь "слихот"*. Религиозные пассажиры распевали молитвы. В полночь Меир при слабом свете маргариновых свечек собрал двести пассажиров. Молодой раввин молился: "Господи, услышь голос наш, сжался над нами, не покидай нас". Солдаты недоверчиво посматривали на молитвенное собрание; они опасались, не митинг ли это, последствия которого скажутся завтра. Однако истинная подготовка велась не на виду. Меир уединился с членами своего секретариата в темной каюте. Большинство голосов было решено ограничиться пассивным сопротивлением, так как любые попытки противодействовать вооруженной силе заранее были обречены на провал. Очень уж подорвано здоровье эмигрантов после двух месяцев лишений.

Не давая никаких приказов, Меир принялся организовывать людей в группы и отряды. Своим ребятам он предложил смочить одеяла для ослабления действия слезоточивых газов и собрать запас палок, чтобы отбиваться от ударов. Но больше всего он опасался безответственных и провокационных выступлений со стороны крайних элементов. Поэтому он поручил активистам-киббуцникам наблюдать за ними. Кроме того, он решил начать голодную забастовку в воскресенье, в день прибытия немецкого лоцмана, который должен был провести судно в порт.

В Гамбурге региональный комиссар, Генри Воган Берри, успел объявить, что операция по высадке будет проводиться под наблюдением контрольной комиссии и что к помощи войск обратятся лишь в случае крайней необходимости. После высадки евреи будут отведены по железной дороге на станцию Кукниц, неподалеку от Любека, в 75 км от Гамбурга, откуда их направят в лагерь Амштау, где будут выполнены административные формальности и проведен медицинский осмотр беженцев. После этого, в присутствии

*Покаяние перед осенними еврейскими праздниками.

представителей Общества Красного Креста и Международной организации беженцев, эмигранты будут разделены на две партии: три тысячи человек будут направлены в Поппендорф, а остальные останутся в Амштау. Британский офицер Хьюг Вивиен Чемпион де Креспиньи, комиссар земли Шлезвиг-Гольштейн, со своей стороны заявил, что с беженцами с "Эксодуса" будут обращаться как с военнопленными. Впрочем, по утверждению агентства Рейтер, французское правительство якобы начинает новые переговоры с Лондоном о предоставлении беженцам убежища во Франции в ожидании выдачи им разрешений на въезд в Палестину. Это предполагается осуществить в рамках квоты на въезд иностранцев, которую Франция готова повысить с 8000 до 19000 человек. При этом оговаривается, что английское правительство должно обязаться выдавать ежемесячно определенное число сертификатов на въезд в Палестину.

Воскресенье, 7 сентября. Между 7 и 9 часами утра в устье Эльбы разразилась гроза. После грохота артиллерийских орудий раздались раскаты грома. "Оушен Вигор" медленно плыл против течения, обходя остовы военных кораблей, на которых еще отчетливо была видна свастика. Остальные два судна остались в Куксхафене.

В холле уцелевшей от бомбежки гостиницы "Рейхсгоф" собрались журналисты. Они собираются ехать в Альтону в сопровождении местного жителя, получившего все надлежащие разрешения. С самого рассвета они на ногах. Пошел дождь. По мостовой проходят отряды военной полиции в касках. Двадцать пять тысяч солдат, в том числе и поляки из армии Андерса, были направлены в Гамбург, чтобы оцепить порт и охранять железнодорожные мосты в городе и его окрестностях. А возле ворот гостиницы бродили, как тени, какие-то люди и исчезали в молочной мгле, окутавшей Гамбург.

Распространилась весть о том, что три плавучие тюрьмы стали на якорь в виду Куксхафена. Лоцманское судно не смогло провести их в порт. "Операцию Оазис" пришлось отложить на следующий день. Увы, имя штабного офицера, нашедшего столь образное название, останется навсегда неизвестным. На пропусках с желтыми полосами, выданных представителям печати, написано: "Действительно только для "Операции Оазис"... Взятие на абордаж "Эксодауса" у берегов Палестины получило название "Операция Иглу".

На "Эмпайр Райвл" Доре заканчивал свои записи: "Роды не наступают, и я в замешательстве. В 12 час. 30 мин. мы неожиданно подняли якорь. Показалась земля и белые дома. Нас сопровождают чайки. Об "Оушен Вигор" нет никаких известий, кроме того что сегодня утром ему пришлось остановиться из-за тумана. Медленно проходят мимо нас берега. Луга, коровы, мельницы, колокольни. По реке плывут баржи, военные катера, пылящие буксиры, рыбацкие лодки с черными парусами, трескучие яхты. Завтра, начиная с трех часов, эмигранты откажутся принимать пищу — это и будет первым актом официальной борьбы. Мне удалось добиться того, чтобы больные пассажиры и кормящие матери не участвовали в этом добровольном посте. Наступает ночь. Из-за неисправности машины пришлось остановиться посередине реки. В полночь за нами явились три буксирных судна".

Специальному корреспонденту агентства Рейтер, Францу Бойду на "Ранимед Парк", только что стало известно, что комиссар Питер Симэн вручил свою отставку командиру судна "в знак протеста против условий, в которых осуществляется перевозка эмигрантов в Германию".

Воспользовавшись приливом, "Оушен Вигор" подошел к пристани № 29 в Гамбурге. С этой стороны все входы в порт, все мосты через каналы охраняются

солдатами военной полиции и немецкими полицейскими. Полторы тысячи человек несут дозорную службу среди развалин. Бургомистр поднялся на корабль и сообщил представителям пассажиров, что в связи с поздним временем высадка начнется утром на следующий день. В случае отказа и неповиновения, лица, оказавшие сопротивление, предстанут перед военным трибуналом. Вход на причал окружили танки, с крыш смотрят пулеметы. Для того чтобы ускорить высадку беженцев установлен широкий трап. Меир просит майора Эллиса, чтобы пассажирам возвратили их личные вещи, конфискованные в Хайфе. Выясняется, что большая часть багажа находится на борту "Ранимед Парк". Узники решают прервать голодовку и требуют раздачи пищи. Они получают пудинг из кукурузной муки. Меир советует людям спать ночью не в клетках на палубе, а в трюмах, чтобы их не застали врасплох во время сна. Сам он воспользовался ночной передышкой, чтобы уничтожить имевшиеся у него документы и списки и избавиться от маленького револьвера, переданного ему в Пор-де-Буке медсестрой. По его инициативе секретариат вынес решение о том, что ни один из беженцев не выйдет добровольно из трюмов, пока солдаты не вынесут их одного за другим на берег.

В 6 часов утра всех будит рев громкоговорителей, установленных на кранах причала № 29. При звуках бравурной танцевальной музыки бывшим заключенным концентрационных лагерей начинает казаться, что вернулись времена трех-четырехлетней давности — те серые предутренние часы, когда людей отправляли на смерть. Через потайные ворота евреев снова выводили на безлюдную пустошь, где еще не поросли травой бугры над обугленными телами. Они ждали только привычного ежедневного окрика, не изгладившегося из их памяти: Antreten!*

*Выходи! (немецк.).

МОРДЕХАЙ

Происходившее в портовом бассейне было скрыто заграждениями от толпы любопытных, собравшихся у Ландульсбюка. Тут были дети в ломотях, взрослые с серыми лицами в поношенной одежде. Они так и не увидели прибытия первого из трех "либерти", возвращавших на немецкую землю евреев, пытавшихся за два месяца до этого покинуть ее навсегда. Было 6 часов утра по гамбургскому времени.

Двести двадцать журналистов, аккредитованных британской службой информации, получили разрешение вступить на пристань № 29. Предъявив пропуска, они прошли за заграждения. По обочинам дороги среди развалин доков в касках и с дубинками за поясом стояли солдаты подразделения "Шервуд Форестерс", под командованием дивизионного генерала Джорджа Сартесса, разработавшего план операции "Оазис". Представители печати проследовали вдоль железнодорожного состава с зарешеченными окнами. У входа в длинный холодный ангар, откуда можно было разглядеть остатки подлодок, берега канала и пустынную загаженную набережную, у них отобрали фотоаппараты. Всех спецкоров собрали в большом четырехугольном загоне, также огороженном решетками. Это была своего рода трибуна-клетка, сооруженная на уровне кормы "Оушен Вигор". Громкоговорители выбрасывали в воздух оглушительные мелодии блюзов и свингов вперемешку с обращениями на шести языках.

В бинокли можно было разглядеть первых беженцев-женщин, детей и сгибающихся под тяжелыми мешками стариков, которых поддерживали солдаты. Парашютисты конвоя в касках наблюдали за потоком людей, медленно спускавшихся по трапу, а на надстройках разместились солдаты с брандспойтами. Был слышен шелест талей и потрескивание портативных передатчиков. Казалось, сопротивление беженцев было окончательно сломлено. Незадолго до начала высадки бледные морские пехотинцы, охранявшие пассажиров в течение всего плавания и ставшие привычными и знакомыми, спустились в трюмы, чтобы перенести на палубу жалкое барахло пленников. К этому изощренному приему англичане прибегли для того, чтобы заставить беженцев повиноваться. И действительно, многие, боясь потерять последнее имущество, двинулись вслед за "носильщиками". Другие же упрямо уселись на своих узлах и отказывались сдвинуться с места. Нашлись и такие, у которых вовсе ничего не было. Надо было найти способ выманить их из трюмов. Медпункт с самого начала был изолирован от всех остальных помещений, и его эвакуация оказалась делом простым.

В то время как под звуки модной песенки пассажиры медленно спускались по трапу, парашютисты стали покидать трюмы, где недавнее смирение сменилось упорным сопротивлением. Часть солдат отказалась повиноваться офицерам, давшим приказ применить силу. Один из парашютистов бросил свое оружие. Часам к восьми поток людей на трапе иссяк. Раздался крик. Кто-то отбивался. Мужчины, стоявшие у лестниц, заколебались.

Вызванные на помощь отряды военной полиции, в касках, с револьверами за поясом, держа наготове дубинки со стальными наконечниками, гимнастическим шагом взбежали на судно и скрылись в глубине трюмов. Вдоль ангара бежали солдаты, разворачивая на ходу шланги. Музыка внезапно смолкла, стали слышны крики, поднимавшиеся из чрева корабля.

Скрутили по рукам и ногам отчаянно отбивавшегося мальчика и поволокли его по трапу. Военные полицейские перебрасывали друг другу из рук в руки царапавшихся и кусавшихся в иступлении людей. Сопротивлявшихся было человек двенадцать. Беженцам выкручивали руки, их выбрасывали на причал. Из второго ангара вышло свежее подкрепление — сотни три солдат.

Снова по трапу стали спускаться стонущие женщины, снова выросла цепочка людей и заиграла музыка. Вдруг шестеро солдат выволокли откуда-то окровавленного парня с забинтованной головой. Раненый крикнул:

— Кто здесь говорит по-французски?

Никто не успел ему ответить, как вновь пошли в ход дубинки. Парня скрыли в ангаре. Кого-то потащили к поезду. А из громкоговорителей неслись радостные слова: "Я вижу свет", и парашютисты насвистывали знакомую мелодию. Усилиями трехсот парашютистов половина трюмов была очищена.

Вдруг — это было часов в десять — возникло новое осложнение: воспользовавшись короткой передышкой человек шестьдесят молодых ребят из группы, организованной Меиром, возвели настоящую баррикаду из коек и укрылись за ней. Солдаты пытались силой вытащить их оттуда, но все сооружение обрушилось. Пустили в ход брандспойты. Промокшие с головы до ног парни вынуждены были покинуть трюм, но они продолжали упорствовать, цеплялись за бортовые ящики, за поручни трапа. Босых, растерзанных людей хватали, толкали, швыряли среди всеобщего смятения. Перебрасываемые от одного солдата к другому, они, в конце концов, скрылись в зарешеченных вагонах. Они пытались взывать к журналистам. "Мы еще надеемся!" -- кричали они, но полицейские зажимали им рот. Для ускорения операции установили дополнительные сходни. Англичане решили удалить журналистов и перестали транслировать музыку. По громкоговорителям теперь передавали лишь официальные сообще-

ния. В 10 час. 30 мин. первый этап операции "Оазис" был завершен. Кораблю "Оушен Вигор" удалось выбросить на берег весь свой живой груз.

Непокорных собрали в ангаре, где их ждал обед, приготовленный представителями Общества Красного Креста. Они отказались к нему притронуться, и их потащили к третьему составу, который должен был доставить беженцев в лагеря любекского района. Окна поездов были затянуты металлическими сетками. На открытых платформах между вагонами-тюрьмами расположились вооруженные солдаты. Медсестры Красного Креста принесли корзины с едой. Ребята из группы Меира высыпали их содержимое на перрон. Швед, представлявший Общество Красного Креста, вступил в переговоры с представителем Хаганы, уговаривая его принять хотя бы молоко, шоколад и булочки для детей. Наконец журналисты получили разрешение поговорить с "пассажирами" — через решетки. Раздались гудки — машинист требовал дать ему зеленый свет.

— Что бы нам ни предложили, мы ни за что не согласимся остаться в Европе, — сказали эмигранты журналистам. — Мы все равно доберемся до Палестины. А пока мы предпочитаем сидеть за колючей проволокой в Германии вместо того, чтобы пользоваться гостеприимством Франции.

Корреспондентов поразило число беременных женщин. Каждая десятая ждет ребенка. После выхода из Пор-де-Бука три беженки уже родили. Меир попросил врача, швейцарца Вильди, не приводить к ним медсестер немок. В 11 часов солдаты обошли все вагоны, заперли все двери, и третий состав покинул гамбургский док под оглушительный треск и скрежет: это товарищи Меира принялись выламывать решетки на окнах вагонов. Точно так же поступили пассажиры первого поезда, подъезжавшего в этот час к маленькой железнодорожной станции, поблизости от лагеря Поппендорф. Громкоговорители призывали их соблюдать спокойствие при выходе из вагонов. Станция была

расположена в сосняке, в трех километрах от лагеря, вновь оборудованного в густом лесу к северу от Травемунда, и охранялась танками и солдатами. К вагонам направилась вереница автобусов. Теперь всякое сопротивление было бесполезно, да и свидетелей вокруг не было. На каждый грузовик посадили по двадцать пять человек. Езды было всего пять минут. У входа в лагерь ждали охранники с полицейскими собаками. Два ряда колючей проволоки, вышки, пулеметы и прожекторы. Наскоро сооруженные двухэтажные бараки с соломенными крышами, на сто тридцать человек каждый, и сто двадцать палаток военного образца. В 13 час. 30 мин. высадка пассажиров последнего поезда закончилась.

— Вот мы и встретились снова с эсэсовскими псами, — сказал Меиру один из членов секретариата, доставленный на первом поезде. Меир вошел в лагерь последним. Ворота заперли.

Делегат бывших пассажиров "Оушен Вигор" записал в своем дневнике первые впечатления новой лагерной жизни:

"Когда мы въехали в лагерь, люди сначала испытали некоторое чувство облегчения, услышав объявления на идиш. Однако сам факт, что идиш выбран здесь в качестве официального языка, вызывает опасения. Нет ли здесь еврейского квислинга*, сотрудничающего с англичанами? А заодно и с немецкими служащими, которым поручено записать наши имена? Я стал подбивать беженцев не называть своих настоящих фамилий и указывать Палестину в качестве страны рождения. Невозможных чиновников, сидевших за длинным столом и записывавших положенные данные, не смутили фантастические сведения, которые сообщили первые прошедшие регистрацию эмигранты. Со всей серьез-

* В. Квислинг — норвежский политический деятель, лидер норвежских фашистов, сотрудничавший во время войны с нацистами. Его имя стало нарицательным для обозначения предательства и коллаборационизма.

ностью продолжали они свою работу и тщательно записывали на карточки слова наших людей. Несколько человек называли себя Эрнест Бевин, Клемент Эттли и даже Адольф Гитлер. В конце концов они, поколебавшись, спросили:

— Вас действительно так зовут?

Им понадобился целый день, чтобы сообразить, что их дурачат. Пройдя регистрацию, пришлось подвергнуться дезинфекции, то есть обработке ДДТ. Я никогда не сидел в концентрационном лагере, и меня поразила быстрота, с которой европейские евреи приспособились к новым условиям.

В бараках, где было расставлено от тридцати до ста двадцати коек, беженцы инстинктивно разместились так, чтобы быть поближе к тем, с кем сдружились на корабле. Места здесь вдоволь. К каждому барaku приписан немец, в обязанности которого входит уборка помещения и раздача талончиков на продовольствие и одеяла. В центре лагеря в большой круглой палатке устроена столовая, куда немцы пригласили нас поесть. К их великому удивлению, мы забрали накрытые столы и стулья и унесли их в свои бараки.

После этого я созвал секретариат, и мы разработали свой внутренний устав. Мы обсудили вопрос о том, чтобы направить англичанину — коменданту лагеря — предостережение, содержащее требование удалить служащих-немцев. Я высказался за такое решение, но товарищи, уже побывавшие в лагерях для перемещенных лиц, отговорили нас от этого шага, так как эту "рабочую силу" можно использовать в наших интересах. Мы навели справки о переводчике на идиш и убедились в том, что это наш человек. Делая вид, что он просто переводит инструкции английских властей, он посоветовал вновь прибывшим называть вымышленные имена. Когда мы уходили с собрания, ослепительный свет прожекторов сопровождал каждого из нас до его барака".

Тем временем, после одиннадцатичасовой стоянки у свай, в тридцати метрах от "кладбища судов", к причалу № 29 подошел и "Эмпайр Райвл". Доре в последний раз открыл свою тетрадь и записал:

"Самый мрачный день в моей жизни начался с промозглого рассвета. Наш корабль-призрак стоял среди Дантова ада воздетых к небу искореженных и проржавевших железных каркасов. Мало-помалу туман рассеялся, открывая нашим взорам изувеченный город. На набережной — тысячи покрытых зеленою колоколов, из которых не успели отлить пушки и снаряды... Катера и буксиры суетятся в порту, поднимая желтые брызги... Мади вызвал катер: необходимо было эвакуировать женщину, у которой затянулись роды. В семнадцать часов нас наконец взяли на буксир и потащили к пристани: там темным-темно от полиции. Кран подал широкий трап. На носилках вынесли трех тяжелобольных, в том числе эпилептика. С наступлением темноты снова, через каждые пять минут, начинают взрываться эти проклятые подводные гранаты. Впереди тревожная ночь".

В группе Гада тоже шли приготовления. Гиора целый день занимался своей внешностью. Чтобы выполнить возложенное на него задание, нужно было стать неузнаваемым. Дамский мастер из Польши безуспешно пытался завить ему волосы; отчаявшись, он выкрасил их в огненно-рыжий цвет. Потом, слегка порезав клиенту лицо, он намазал его меркурохромом и зеленкой. Гиора стал похож на прокаженного или сифилитика. Он собирался сойти на берег последним; его отталкивающий вид должен был внушить солдатам отвращение и отбить всякую охоту обыскивать его.

Вдобавок, Гиора с вечера запихнул себе под рубашку ком грязных пеленок, чтобы за ночь как следует пропитаться их запахом.

Медпункт был эвакуирован в полном порядке во вторник девятого сентября в шесть часов утра. Сестра Геня помогала Доре.

— Что вы собираетесь теперь делать? — спросила она врача.

— Наверно, Красный Крест попросит меня остаться на судне до его возвращения в Великобританию. Оттуда нас должны переправить на самолетах в Женеву.

— А вы не могли бы провести ближайшие сутки вместе с нами на суше? — спросила она после непродолжительного замешательства.

Удивленный столь неожиданным и настойчивым вниманием, Доре согласился сопровождать беженцев в любекские лагеря. Он заподозрил, что на корабле ожидаются какие-то события, но не решился спросить, в чем дело. К тому же стали передавать обращение британского губернатора Гамбурга к пассажирам "Эмпайр Райвл": "В течение 48 часов вам предоставляется возможность уехать во Францию — эта страна повторяет свое приглашение и готова дать вам убежище — или в какую-либо из оккупационных зон Германии, где компетентные власти рассмотрят заявления тех, кто пожелает поселиться там на постоянное жительство.

Если к 7 часам вы не высадитесь на берег добровольно, мы будем вынуждены, как это ни прискорбно, послать солдат на корабль и силой принудить вас к высадке".

Гад распорядился не оказывать сопротивления.

— Нам известно, что произошло вчера на "Оушен Вигор", — объяснил он. — Мы слушали последние известия по нашему подпольному приемнику. Решение принято с согласия комитета. Сопротивление бессмысленно, оно может только повредить нашему делу. На берегу мы в знак протеста откажемся принимать пищу.

Первые беженцы ступили на берег.

Англичане, по-видимому, поняли, что концерты легкой музыки неуместны. Громкоговорители мол-

чали. В то утро журналистов впустили в их клетку в восемь часов утра, после того, как была завершена высадка 1482 пассажиров "Эмпайр Райвл". После событий в Пор-де-Буке и Гибралтаре и сопротивления, оказанного накануне беженцами на "Оушен Вигор", англичане ожидали встретить отпор. Теперь они не знали что и думать.

Гиора спустился в трюм, забился в дыру, где в бидоне из-под масла был спрятан заряд взрывчатки. Сигналом, что последние пассажиры сошли на берег будет "Ха-Тиква". Гад должен оставаться на корабле до последней минуты, чтобы предупредить Гиору в случае, если тот в своем укрытии не услышит слов песни. Друзья и понятия не имели о том, сколько времени должны гореть запальные карандаши. Им сказали — часов десять-пятнадцать.

Услышав условный сигнал — стук металлической коробки, брошенной Гадом в вентиляционную трубу, — Гиора надломил зубами один из карандашей, другой засунул в белесую массу, поставил бомбу возле перегородки машинного отделения и поспешно покинул трюм. Прихватив на ходу сверток с загаженными пеленками, он, прихрамывая, вышел на палубу.

Солдаты, обыскивавшие в это время Гада, отпрянули от него: вид этих людей и запах, исходивший от них, вызвал у дежурных приступ тошноты. Они отказались от дальнейшей проверки. Поддерживая друг друга, Гад и Гиора сошли на берег, к радости беженцев, многие из которых знали, для чего те оставались на судне в таком странном виде. Опрокинув приготовленные для них ведра с чаем, люди направились к зарешеченным вагонам. Англичане заподозрили неладное и приступили к методическому осмотру корабля.

В 8 час. 20 мин. отряд военной полиции оттеснил журналистов в глубину ангара, закрыв им доступ на причал. Командование неожиданно приняло решение ускорить завершение операции "Оазис" и провести высадку с "Ранимед Парк" не завтра, а сегодня. Вид пустынных пристаней, колючей проволоки, опрокину-

тых кранов и городских развалин, — все это должно было создать впечатление, что о пассажирах "Эксоудуса" окончательно забыли. В доках были сосредоточены и закамуфлированы значительные военные силы.

Пассажиры "Эмпайр Райвл" покинули док на трех специальных поездах. В 9 час. 30 мин. утра журналисты все еще находились в загоне под замком. Флагманское судно каравана плавучих тюрем подошло к причалу.

Доре ехал в одном из зарешеченных вагонов. Он стоял около медсестер. Внезапно его качнуло. Оказалось, что шедший навстречу поезд, битком набитый немецкими рабочими, задел за решетки, выломанные евреями. Среди висевших на подножках оказались раненые. Пришлось остановиться. Эта задержка едва не сорвала высадку пассажиров последнего судна.

В углу ангара, куда загнали корреспондентов, Арморен вел свои записи. Часы журналиста показывали парижское время.

"9 час. 30 мин. Парашютисты в касках охраняют мост. Матросы из экипажа перебрасывают тросы немецким докерам. Клетка на баке пуста. За колючей проволокой никого не видно. Эмигранты, видимо, окопались в трюмах. На палубе на холодном ветру развеваются какие-то тряпки да рваные одеяла. Громкоговорители включены; на немецком и идиш передается требование к пассажирам приступить к высадке. Из люков доносятся крики, слышится громкое пение. Глухой топот сотрясает плавучую тюрьму. Английские солдаты начинают выводить больных. У наружного трапа появилась плачущая женщина, мелкими шагами она сошла на берег. Вслед за ней четверо дюжих солдат в касках тащат ее мужа. Он цепляется за поручни, выкрикивает ругательства. В трюмах все еще поют. Мы проделали дырки в натянутом на решетки брезенте. Вблизи ангара удалось разглядеть группы солдат. Военные полицейские сменили свои красные фуражки на круглые каски".

За полчаса на берег высадили трех больных, пожилую чету и пятерых детей. Парашютисты заняли позиции на двойном трапе, по которому больше никто не спускался. Громкоговорители без устали повторяли свои грозные предупреждения. Представитель английских властей заявил журналистам, что, если эмигранты будут упорствовать, их, очевидно, оставят на судне до завтрашнего дня. Дело в том, что высадку было намечено закончить до 13 часов, поскольку беженцев необходимо устроить в лагерях до наступления темноты. Врач, на которого была возложена задача эвакуации больных, подтвердил, что мужчина, оказавший сопротивление, пытался помешать высадке своей больной жены, потому-то и пришлось применить силу.

"В 10 часов, — продолжал Арморен, — нам стало известно, что осажденным в трюме был передан ультиматум: "Немедленно выходите, иначе на корабль будут введены войска!" Им дали на размышление час. В одиннадцать, точно по намеченному расписанию, солдаты с защитными резиновыми нарукавниками заняли боевые позиции. Они вооружены дубинками, у некоторых в руках большие ножницы — резать колючую проволоку, натянутую в несколько рядов перед входом в трюмы. Не забыты и лестницы, которые могут пригодиться для штурма. По юту прогуливаются руководители операции.

Те, кто засел внизу, все еще поют.

11 час. 12 мин. На берег спускается женщина. Срок ультиматума истек. Создается впечатление, что англичане не решаются прибегнуть к крайним мерам. Некоторые солдаты на палубе спокойно курят, помахивая своими дубинками.

С полдюжины немецких докеров с нескрываемым любопытством наблюдают за происходящим. В 11 час. 20 мин. по глухому грохоту шагов мы узнаем, что солдаты военной полиции вступили на "Ранимед Парк". Экипаж отошел в сторону. Заработали насосы, подающие воду к брандспойтам.

Нам разрешили вернуться в клетку у трапа. Двумя параллельными потоками прибывают подкрепления. Слышны удары. Палуба сотрясается. Нам сообщают, что осажденные разрушают последние лестницы, по которым до них можно добраться.

Большинство солдат перешло на правый борт и скрылось за средней надстройкой”.

В 11 час. 30 мин. парашютисты сменили береты на каски. На берег вышло еще пятнадцать человек, большей частью женщины, поддерживаемые солдатами и судовыми врачами. На причалах за барьерами, прикрытыми рогожей, прячутся солдаты и полицейские. Люди в военных формах лихорадочно разворачивают брандспойты. Гнусавят портативные передатчики. Погода прояснилась. А внизу беженцы, защищенные железными решетками, готовятся дать отпор. Они поют, цепляются за стенки, но не соглашаются добровольно ступить на немецкую землю. Тем временем английская военная машина начинает действовать. Пятеро солдат с дубинками, противогазами и щитами спускаются в трюм номер один по приставной лестнице. Две лестницы, со стороны кормы, еще уцелели. По ним можно эвакуировать ”не сопротивляющихся” женщин и детей. Мордехай Ройзман, объявивший себя ответственным за организацию жизни беженцев на корабле, согласился их отпустить. По его распоряжению, развернули транспарант: ”Солдат, ты воюешь против тех, кто спасся из лагерей смерти!” Ройзман попросил отсрочки, но допустил промах, предложив евреям подняться и запеть ”Ха-Тикву”. Полицейские немедленно заняли освободившиеся места и пустили в ход дубинки. Они хотят оттеснить группу Мордехая от ”пассивных” пассажиров. На путях, по другую сторону ангара, уже ждет поезд с зарешеченными окнами. Приказано закончить операцию до наступления темноты. Комиссар Берри комментирует: *A very bad business**.

*Скверная работа (англ.).

”Дело сделано, — продолжал свои записи корреспондент газеты ”Фран-Тирер”. — Англичане начали штурм. С диким топотом пронеслись они по палубе ”Ранимед Парк”. Струи воды ударились о крышки люков, о решетки.

— Go on, boys! *.

Говорят, парашютисты захватили беженцев врасплох, спустившись по двум уцелевшим лестницам по левому борту. В люки хлещет вода. Слышны вопли.

11 час. 30 мин. С судна столкнули нескольких женщин.

Прошло пять минут. Взбесившиеся солдаты выволокли человека с окровавленным лицом”.

Это был не кто иной, как раненый Мордехай. Несколько мужчин потащили на берег в одеялах. Каждого несли четверо солдат. Группа перепуганных, но, тем не менее, упирающихся и лежающих ребятишек, скатилась по сходням, путаясь в ногах у пинающих их англичан. Дети промокли, с волос у них струится вода, глаза растерянно блуждают... Их быстро вталкивают в вагоны. Крича и плача, они принимают трясину окна и двери. Время от времени раздаются свистки начальника станции, и состав продвигается на несколько метров, подтаскивая следующие зарешеченные вагоны.

”Мы насчитали человек шестьдесят пассажиров, потерявших сознание, — записал Арморен. — Их тащат, волокут по земле, лица у многих в крови. В 12 час. 35 мин. нам сообщили, что двадцать человек сильно избиты и находятся в тяжелом состоянии. Некоторые беженцы отбивались от англичан бутылками. Возвращаясь с корабля, солдаты говорили, что особенно бесновались женщины.

Шум не прекращается. Каждую минуту на трап сталкивают одного за другим заключенных. Если они отказываются идти, их сбрасывают на набережную. На

*Продолжайте, ребята! (англ.).

носилках унесли раненого англичанина. Возле ангара, как подкошенная, падает женщина — потеряла сознание. За ноги волокут какого-то мальчика. Он отчаянно вопит:

— Не хочу в Германию!

Шесть полицейских насилу справляются с одной девочкой: она яростно отбивается, кусается, царапается”.

Это маленькая Рене Зингер из детского дома Жуи-ан-Жоза. Когда корабль прибыл в Гамбург, Рене, вместе с двумя другими девочками и восемью мальчишками из своего детдома, вызвалась участвовать в активном сопротивлении, организованном Мордехаем. Сбитую с ног струями брандспойтов, ее схватили шестеро полицейских и, как мешок, потащили к трапу. Она отбивалась, как бешеная, пытаясь в то же время прикрыть бедра задравшейся юбкой. Офицер с силой ударил ее по лицу. Она потеряла сознание, в вагоне выяснилось, что у нее перебит нос.

Торопливо, бегом, уносят раненых, скрученных по рукам и ногам. Беженцы в ангаре пытаются содрать колючую проволоку, рвут брезент. Англичане экстренно вызывают подкрепление.

— A very bad business, — бормочет комиссар Берри, качая головой.

”В 13 час. 15 мин. снова заработали насосы; затопили центральный трюм. От солдата к солдату передается крик:

— Фельдшера! Фельдшера!

Парашютисты поднимаются на опустевшую палубу. Кто-то еще цепляется за бортовые ящики. Журналисты в своих клетках крайне взволнованы. Несколько американцев яростно протестуют. Начальник английского полицейского отряда время от времени подходит к ним, повторяя:

”Не теряйте хладнокровия!”

Попробуй, не потеряй!

Согласно официальному коммюнике, ранено семнадцать мужчин и семь женщин. У некоторых переломы рук и ног. Трое английских солдат получили серьезные травмы — в них попали бутылки”.

Вернувшись к журналистам, Франц Бойд сообщил, что девяносто процентов евреев яростно дрались в течение полутора часов. Дети, женщины и даже старики сопротивлялись высадке с неменьшим неистовством, чем мужчины. Один трюм удалось эвакуировать лишь после получасового рукопашного сражения. В трюме номер два борьба продолжалась более часа с четвертью, а потом трюм пришлось затопить, чтобы заставить выйти последних засевших там беженцев.

Арморен взглянул на часы.

”13 час. 30 мин. Солдаты с лестницами возвращаются. Начальник станции дал сигнал к отправлению последнего поезда. Военные покинули корабль. Операция ”Оазис” завершена. Немцам — жителям Гамбурга — дан урок прикладной демократии. Ничего не скажешь, чистая работа... А люди с ”Эксодуса”, спасшиеся из этих самых лагерей, возвращены туда и стоят, сутулясь под дождем, заливающим мертвые пустоши и знакомые, слишком знакомые, сторожевые башни. Подбирается темнота”.

Шестьдесят два человека, — руководители групп, которых англичане считали организаторами сопротивления на ”Ранимед Парк”, были заперты в одном из складских помещений порта под охраной шутцполицаев в черных фуражках. Большинство из них были ранены. Полиция разыскивала Мордехая, приметы которого сообщил Бойд.

— Это я, — заявил, вставая, Бергман, бывший ответственный за кухню.

Но обман не удался. Мордехая не трудно было найти: только у него было перевязано колено. Его сразу же отвели в штаб Королевского флота, расположенный в бывшем здании Адмиралтейства, где в

17 часов должна была состояться пресс-конференция. Туда же принесли бидон со взрывчаткой, обнаруженный при обходе "Эмпайр Райвл" после подозрительно быстрой и спокойной высадки всех пассажиров. Солдаты убрали взрывной карандаш. Обезвреженную бомбу собирались показать представителям печати после того, как ее проверят специально вызванные из Киля эксперты.

В 15 час. 44 мин. во всех домах в округе на расстоянии нескольких сот метров, вылетели стекла. Это взорвался бидон, начиненный тринитротолуолом. Взрывной волной было повреждено одно из немногих зданий, уцелевших после бомбежек. Солдаты не заметили второй карандаш, засунутый во взрывчатку. К счастью, в помещении, куда поставили бидон, никого еще не было. Специалисты так и не успели ознакомиться с зажигательным механизмом и характером взрывчатого материала. Они предположили, что это была самодельная нитроглицериновая бомба. Взорвись она в трюме, она разрушила бы два водонепроницаемых отсека. Следствие было затруднено из-за отсутствия пассажиров: эмигранты с "Эмпайр Райвл", в награду за "хорошее поведение", были направлены в лагерь Амштау, а заводилы с "Ранимед Парк" все еще сидели под арестом в Гамбурге.

10 сентября в Амштау прибыл Арморен. Вечером он телеграфировал в свою газету: "Трамвай № 12, курсирующий между Любеком и Герренвиком, теперь проезжает мимо кустов ржавой колючей проволоки, мимо рогаток, мимо вышек, на которых стоит военная охрана. С наступлением темноты тут, как прежде, зажигаются прожекторы и раздается вой собак. Это лагерь Амштау. Немцы липнут к окнам вагона, хоть и стараются казаться равнодушными. Дети весело смеются. Евреи опять вернулись за колючую проволоку.

Нам удалось увидеть все. Англичане ничего от нас не скрывали. Без всяких помех я обошел бараки с плоскими крышами, расспросил беженцев, встретился

со старыми знакомыми. Все пассажиры "Эмпайр Райвл" загнаны в бывший транзитный лагерь для латышей и немцев, эвакуированных из Восточной Пруссии. Холодный ветер рвет шинели на солдатах. Эмигранты прибыли только вчера, но уже успели вернуться к своим старым лагерным привычкам. Засунув руки в карманы, они месят грязь, гуляя по кругу, вдоль проволочных заграждений.

Здесь есть евреи, побывавшие в белостокском гетто, шестнадцатилетний мальчик, которого англичане спасли в Берген-Бельзене, группа Ляроша с освенцимскими номерами. Эти места им уже знакомы. А ведь прошло всего шестьдесят дней с тех пор, как полуголые, но полные надежд, они вышли из порта Сет на "Эксодаусе". До Палестины было рукой подать...

Кое-кто на "Эмпайр Райвл" знал, что в трюме была подложена бомба. Они подтвердили, что именно по этой причине не было оказано сопротивления при высадке. Когда я сказал своему собеседнику, в котором часу произошел взрыв, он ответил:

— Мы так и рассчитали и не хотели подвергать опасности женщин и детей. Мы боялись, как бы солдаты не оставили на корабле заложников, как они это сделали в Хайфе.

Английское командование обещало, что следствие и розыск виновников производиться не будут. Операция "Оазис" закончена раз и навсегда.

В Амштау интернированные спят по двадцать человек в одном помещении, на двухэтажных койках. Каждому выдано по три одеяла. В девять часов начинают работу дежурные. Они перетаскивают на носилках горы серого хлеба. Единственные немцы, которых пускают в лагерь, — повар и его помощники — восемь женщин и трое мужчин. Повар — бывший фельдфебель, зовут его Абендрот, он из Берлина, 8 мая 1945 года был взят в плен. Теперь он распределяет калории — по 2700 в день на человека".

На следующий день в Амштау привезли восьмерых из непокорных пассажиров "Ранимед Парк". Их попут-

чики были направлены в лагерь Поппендорф, так же как эмигранты с "Оушен Вигор".

Когда Арморен, с двумя собратьями по перу, проник за колючую проволоку Поппендорфа, большинство интернированных отказались разговаривать. Они выкрикивали ругательства на идиш, некоторые вопили: "Хайль Гитлер!" Их товарищей и руководителей держали под арестом в Гамбурге.

— Нам было приказано действовать голыми руками, но когда мы увидели, как женщин за волосы тащат на палубу, мы пустили в ход бутылки.

— Мы объявим голодовку, — кричал бывший заключенный из Освенцима, номер 177055.

Дул холодный балтийский ветер. В палатках дрожали под одеялами дети, осунувшиеся от долгих лишений. В лагере власти приступили к опросу, целью которого было не только выявить заводител, но и распределить беженцев по группам, с учетом страны рождения, чтобы вернуть их на родину, если это окажется возможным. Тот, кто объявит себя жителем Германии, сможет стать гражданином этой страны. Бояться больше нечего: Гитлер умер. Нужно только ответить на некоторые вопросы. Чтобы успокоить беженцев, английские власти, в конце концов, перевели в Поппендорф заключенных из Гамбурга во главе с Мордехаем Ройzmanом. Но на некоторое время их отделили колючей проволокой от остальных.

Что касается трех рядов колючей проволоки в два метра высотой, окружающих лагерь, то они, по словам офицеров охраны, предназначаются исключительно для защиты евреев. Защиты от кого? При Гитлере это называлось "Schutzhaft" (охранный арест). На некотором расстоянии "шупо" охраняют подступы, как говорят, во избежание враждебных действий со стороны населения. И в самом деле, немецкое радио, сообщая о "беспорядках в гамбургском порту", подчеркнуло, что евреи "не проявили доброй воли". В американской оккупационной зоне советник генерала Клея и комиссар баварского правительства подтвердили, весьма

кстати, что только присутствие оккупационной армии позволяет предотвратить враждебные действия в отношении евреев. В мюнхенских трамваях и поездах антисемитские выпады — дело обычное. Случается, что в кафе и магазинах отказываются обслуживать евреев. Так, баварский комиссар привел в качестве примера куплет, пропетый в кабаре в Бадэ Райхенгалл: "Шесть миллионов евреев прошло через крематории — мало!"

Английская пресса возмущалась тем, как обошлись с евреями с "Эксодуса", вновь оказавшимися в настоящих концлагерях:

"Ни для кого не секрет, — писали 13 ноября в "Стэйтсман энд Нэйшн", — что все это дело начато по личной инициативе господина Бевина, который действовал вопреки мнению Верховного комиссара Палестины и робким протестам своих коллег по Совету министров. Убеденный в том, что борется против всемирного еврейского заговора, он делает все от него зависящее, для того, чтобы подобный заговор был создан. В Маргейте министр иностранных дел разъяснил лейбористской партии, что, по его мнению, евреи воюют с неевреями. Такая эмоциональная позиция привела его к тому, что он поддерживает английский антисемитизм".

Однако сам Эрнест Бевин был твердо убежден, что операция "Оазис" надолго сломила иммиграционное движение. Министр даже направил главнокомандующему британской армии на Рейне послание следующего содержания: "Прошу Вас передать выражение моей личной благодарности всем, участвовавшим в этой операции, и, в особенности, офицерам эскорта трех транспортных судов и войскам, находящимся под Вашим командованием".

Более того, он телеграфировал командованию войск Великобритании на Ближнем Востоке: "Высадка евреев в Гамбурге проведена успешно, особое умение было проявлено при подавлении фанатического сопротивления на судне "Ранимед Парк". Подполковник Грегсон и солдаты эскорта из 87-го десантного пехот-

ного полка были особо отмечены гамбургским командованием за хорошую работу. "Будьте добры передать мои поздравления всем заинтересованным лицам, когда они возвратятся к Вам".

Парашютисты из 6-й десантной дивизии, осуществившие операцию "Оазис", получили двухнедельный отпуск, который им разрешено было провести в Великобритании. Затем им предстояло вернуться в Палестину. В последний раз...

Ш А У Л

Не скоро удалось англичанам разоблачить Мойше Перлмана с его мальчишеской челкой, гренадерскими усами и настоящим удостоверением журналиста. Очень уж был он похож на майора индийской армии Его Величества. Да он и на самом деле служил в английской артиллерии, демобилизовался сразу же по окончании войны в чине майора и сделался независимым репортером, сотрудничающим в английской и американской прессе. Во время кампании за освобождение Греции он начал работать на Алию бет. По возвращении в Англию он не стал афишировать свои национальные еврейские чувства и позаботился о том, чтобы о его сионистской деятельности никто не узнал. Его задачей было повлиять на отношение международных журналистских кругов к еврейской иммиграции в Палестину и способствовать контактам между его собратьями по перу и агентами Мосада.

В апреле, в качестве спецкора "Иллюстрэйтед Лондон Ньюс", он очутился на корабле "Теодор Герцль" в обществе Ф.-Ж. Арморена и Пьера Жоффруа. Вместе с плывшими на этом судне беженцами, которыми руководил Мордехай Лимон, он был интернирован на Кипре, где провел два месяца, насвистывая Бранденбургский концерт и отбивая ритм на своем котелке. После освобождения он остался на острове для организации побегов с помощью местных рыбаков, а в это время журнал публиковал его репортажи. Перлману помогала кухарка из гостиницы "Святой Георгий"

в Фамагусте и несколько участников кипрского национально-освободительного движения.

Во второй половине июля его отозвали оттуда и послали в Марсель. Хагана поручила ему "заняться" нахлынувшими на Ривьеру журналистами. На этот раз Мойше писал для ежедневной вечерней нью-йоркской газеты "Пи Эм". Месяц спустя он был в Гамбурге: там его можно было встретить и в гостинице "Рейхсгоф", и в ангаре причала № 29.

Само собой разумеется, что корреспондент нью-йоркской "Пи Эм" был одним из первых журналистов, посетивших, в сопровождении английского офицера, лагеря Амштау и Поппендорф.

Он воспользовался этой поездкой для того, чтобы восстановить связи с интернированными эмиссарами и передать им инструкции Мосада. Кроме того, он подтвердил, что руководство Мосада приняло решение организовать для части иммигрантов с "Эксодуса" легальный въезд в Палестину по настоящим туристским визам и паспортам собственного производства. Остальные будут отправлены на первых же "незаконных кораблях". Он сообщил им также намеченные сроки побегов ответственных членов организации, которым будет поручено руководить другими операциями, по мере того, как будет налажена жизнь в лагерях и туда будут прибывать эмиссары различных сионистских организаций и группировок.

Уже к концу первой недели своего пребывания в Амштау Мойше попался. Его удалили, но он успел оставить вместо себя надежного связного, назначенного англичанами переводчика, по имени Болек. Новый переводчик был в прошлом проводником "Брихи". Он остался в любекском лагере, где ему поручили принимать евреев, прибывавших вместе с другими беженцами из Восточной Германии. Когда привезли бывших пассажиров "Эксодуса", англичане предоставили ему машину, оборудованную громкоговорителем и поручили переводить инструкции на идиш и немецкий. Меир принял было его за "квислинга" и хотел

судить на собрании своего комитета. Но все поняли, кто он такой, когда на следующее утро Болек "перевел" приказ коменданта лагерей майора Грэй следующим образом:

— Они хотят, чтобы вы называли свои фамилии. В бюро регистрации вам всем следует записать свои имена шиворот-навыворот. Начало записи в пятнадцать часов.

Потому-то бывшие пассажиры "Эксодауса" единодушно отказывались называть свои настоящие имена, независимо от того, в каком лагере — Амштау или Поппендорф — они оказались. Они называли себя "Израиль из Израиля", или просто: "Адольф Бевин", "Герман Эттли", "Лорд фон Монтгомери", "Гарри Купер", "Грета Гарбо", "Марлен Дитрих". В результате этого пассивного сопротивления заключенным удалось сорвать намеченное мероприятие по переписи населения лагерей. И снова англичанам пришлось обратиться за помощью к французскому союзнику.

В четверг, 25 сентября, в 8 часов утра, громкоговорители возвестили, что генеральный консул Франции в английской оккупационной зоне посетит лагерь с тем, чтобы еще раз торжественно повторить предложение своего правительства. Беженцы были также уведомлены, что запись желающих будет производиться у ворот каждого лагеря членами смешанной франко-британской комиссии. На шести языках им разъяснили, что правительство Его Величества, высылая нелегальных иммигрантов из Палестины, намеревалось вернуть их к месту их отправления, то есть во Францию. Если беженцы откажутся возвратиться в эту страну, британские власти будут считать, что такие эмигранты по собственному желанию остаются в Германии. Это, естественно, приведет к тому, что их пайки будут приравнены к рациону жителей страны и снижены до 2000 калорий в сутки.

Консул Жак Пижонно зачитал заявление из четырех пунктов:

”Беженцы, которые изъявляют желание поселиться во Франции, будут допущены на французскую территорию на следующих условиях:

1. Они получают вместе с въездной визой также паспорт ”лессе-пассе”, составленный на основании их собственных заявлений и данных, которые будут представлены английскими властями в той мере, в которой это окажется возможным.

2. Лица, обладающие такими паспортами, будут включены в обычную квоту, равную 19000 беженцев в год, получающих разрешение на временное проживание во Франции.

3. Предполагается разместить всех, изъявивших желание поселиться во Франции, в лагерях в департаменте Вар.

4. Расходы по их содержанию французское правительство возьмет на себя”.

В тот день к воротам, возле которых восседали представители британской контрольной комиссии и французского консульства, не явился ни один человек. На следующее утро солдаты раздали листовки, в которых на четырех языках был опубликован текст английского предложения. В Амштау регистрировали только четыре заявления, да и те были сделаны весьма неуверенным тоном.

В 11 часов утра эмиссары Хаганы организовали большой митинг в Поппендорфе. В небо взвился бело-голубой флаг. Сионистские посланцы разъяснили беженцам, что значительно легче попасть в Палестину, оставаясь в Германии. Все эмигранты, даже беспартийные, встали вместе с членами различных организаций в ряды демонстрантов. Возглавляемые знаменосцами, они прошли по всему лагерю. Их возгласы: ”Откройте нам ворота нашей родины!” — заглушали обращения, транслировавшиеся по громкоговорителям. У входа в лагерь, под самым носом у французских и английских представителей, активисты размахивали транспарантами...

На следующей неделе суточный паек был урезан, на завтрак беженцы стали получать два ломтя черного хлеба с джемом, на обед — кукурузную запеканку, а на ужин — снова по два ломтя черного хлеба с джемом или каким-нибудь жиром. В Амштау Гад передал представителям печати протест, в котором отмечалось, что рацион сокращен вдвое, помещения не отапливаются, зимняя одежда не выдана. Но ему удалось раздобыть где-то гимнастические снаряды, открыть детский сад и создать медпункт, во главе которого встала Сима. Гиоре и Юзеку он поручил организовать хор. Для каждого жителя Амштау нашлось занятие. Не прошло и недели, как Гад фактически сосредоточил в своих руках руководство всей лагерной жизнью.

Вскоре он нашел нового связного, присланного Джойнтом, доктора Жака-Израэля Вайнберга. В качестве главного врача лагеря Берген-Бельзен в английской зоне, доктор Вайнберг уже год лечил полторы тысячи евреев — бывших заключенных, оставшихся на территории лагеря.

Воспользовавшись своим положением, он фактически превратил лагерь в центр по отбору и тренировке кандидатов на подпольную алию. Вскоре Джойнт назначил его своим представителем в любекских лагерях с тем, чтобы он оказывал медицинскую помощь пассажирам "Эксодауса".

В Поппендорфе Меир и его товарищи по Хагане постепенно перевели лагерь на самоуправление. Был избран новый секретариат, и эмиссары практически превратились в советников.

Англичане в последний раз попытались сломить сопротивление беженцев. Представитель Великобритании в Германии лорд Пикенгем посетил оба лагеря и объявил, что нелегальной иммиграции в Палестину положен конец. По его словам, еврейские руководители извлекли урок из неудачи "Эксодауса" и отказались от противозаконных действий. Теперь уже ни одно судно не делает попытки прорвать блокаду. В связи с этим правительство Великобритании готово пере-

смотреть свое отношение к беженцам и смягчить свою позицию при том, однако, условии, что те согласятся назвать свои настоящие имена. Переводчик Болек вставил в свой перевод фразу собственного сочинения:

— И дай Бог, чтобы вы и ваше правительство стали козлом отпущения для еврейского народа!

И толпа дружно отозвалась: "Амен". Удивившись, лорд Пикенгем повернулся к Болеку и спросил его, в чем дело. Переводчик, глазом не моргнув, ответил:

— Ваши слова глубоко тронули этих людей, и они благодарят вас.

Лорду Пикенгему не повезло. Не прошло и нескольких дней после его речи, как "добровольным" заключенным Амштау и Поппендорфа стало известно, что в территориальные воды Палестины проник катер "Фарида", вышедший из Неаполя с 446 эмигрантами на борту, и что 4600 беженцев из стран Балканского полуострова прибыли в Хайфу на "Падуке" и "Нортленде", под эскортом английских военных судов. Об этих событиях им сообщил капитан Королевской армии, он же лондонский раввин Шонфилд.

Новости дипломатического характера также поддерживали боевой дух бывших пассажиров "Эксодуса". В самом деле, на сессии Генеральной ассамблеи ООН, открывшейся 16 сентября в Лейк Саксесе, срочно была назначена комиссия из 57 человек для изучения четырехтомного отчета ЮНСКОП и внесения конкретных предложений о предоставлении независимости Палестине в рамках одного двунационального государства или же, что представлялось более желательным, с разделом ее на два государства — еврейское и арабское. В обоих случаях ООН считала возможным допустить массовую еврейскую иммиграцию в Палестину.

4 октября начались длительные и тяжелые дебаты. 11 числа того же месяца глава американской делегации в ООН Джонсон первым заявил о поддержке правительством США плана раздела Палестины, при условии

внесения в него некоторых второстепенных изменений. 13 октября официальный представитель Советского Союза Царапкин сообщил, что СССР одобряет это решение. В пользу плана раздела Палестины склонялось и Еврейское агентство. Но арабские страны встретили это предложение в штыки. Лондон возражал против него. Известие о том, что Советский Союз поддерживает идею создания еврейского государства, произвело в лагерях Любека впечатление разорвавшейся бомбы.

Следуя инструкциям Хаганы, Гиора попытался в тот же день бежать из лагеря Амштау. Однако, хотя со дня выхода из Пор-де-Бука он и похудел на восемнадцать килограммов, ему не удалось протиснуться через лаз, который они прорыли вместе с Юзеком. Тогда они попросили Симу сделать им подкожную инъекцию молока, чтобы вызвать резкое повышение температуры, надеясь, что их госпитализируют. В тяжелом состоянии их перевезли в Любек и положили в больницу. Через несколько дней, как только температура упала, парни без помех удрали из своей палаты и явились в синагогу. В тот же вечер, часов в десять, к синагоге подъехало такси, из которого высунулись Болек и Мойше. Они окликнули Гиору, который прогуливался взад и вперед по тротуару:

— Мендель, Мендель! Что ты здесь делаешь? Что ты тут шатаешься, как ни в чем не бывало, когда у тебя сегодня в Берген-Бельзене близнецы родились? Едем! Живо!

Гиора сел в такси. Мойше вручил ему документы на Имя Менделя Бодгама. Вскоре он пересел на машину с американским флагом. Агент "Брихи" Хаим Яхин, сидевший за рулем, доставил Гиору в Берген-Бельзен. Отдохнув и отъевшись, он надел форму ЮНРРА и отправился в американскую зону. В Мюнхене ему поручили организовать тайный отъезд первой группы беженцев с "Эксодуса".

В Амштау лагерный комитет во главе с Гадом В тех случаях, когда удавалось организовать побег, выдавал беженцам пронумерованные удостоверения. Под влиянием эmissаров различных партий, проникших в лагерь, некоторые руководители считали необходимым отправлять в первую очередь молодых людей, которые участвовали в сражении на палубе "Эксоудаса". Но Сима из всех сил противилась этому решению. Ее поддержал Гад:

— Женщина с больным ребенком на руках, не сошедшая на берег ни в Пор-де-Буке, ни в Габралтаре, — героиня. И прав у нее не меньше, чем у сражавшихся с англичанами на "Эксоудасе".

Дов и Шломо не стали дожидаться сертификатов. Уже через месяц после прибытия в лагерь их деятельность привлекла к себе внимание англичан, считавших их заводидами. Теперь они получили приказ бежать. Шломо, его беременная жена Сара и Дов выехали в конце октября на санитарной машине из Амштау в Берген-Бельзен. Там представитель Международной организации по делам беженцев выдал Дову и Саре паспорт на имя Витольда Бузалена и Сары Гирш, беженцев из Польши. Через некоторое время на грузовиках, вместе с сотней других беженцев без гражданства, их отвезли в новый транзитный лагерь, созданный "Брихой" неподалеку от Касселя в американской зоне. Затем они перебрались в постоянный лагерь близ Мюнхена, в котором царил необычайное возбуждение, вызванное новостями, полученными из Лейк Саксесса: Генеральная Ассамблея ООН под председательством бразильского делегата Освальдо Аранья, в присутствии генерального секретаря, норвежца Трюгве Ли, большинством в 33 голоса против 13, при 11 воздержавшихся, приняла резолюцию о разделе Палестины на два государства — еврейское и арабское.

30 ноября во всех лагерях, разбросанных по территории Западной Германии, происходило неистовое ликование. Как по мановению волшебной палочки, взвились флаги и появились бутылки вина, припасен-

ные в каждой палатке, в каждом бараке. Через несколько дней Шломо и его жена получили настоящую легальную визу в Палестину. Они пересекли французскую границу неподалеку от Страсбурга и, доехав поездом до Марселя, сели на пакетбот "Трансильвания" на правах иммигрантов, вошедших в квоту. В Хайфу супруги прибыли 5 января 1948 года. Но не они были первыми пассажирами "Эксодауса", ступившими на Землю обетованную.

В течение всего этого времени руководитель немецкого отдела "Брихи" Эрнст ежемесячно доставлял в Мюнхен — через Берген и Кассель — от 500 до 800 бывших пассажиров "Эксодауса", которых англичане перевели на зиму в Вильгельмсхафен и Сведенгарден, расположенные в Нижней Саксонии. Затем он переправлял беженцев во Францию. А там уже ими занимался Веня.

Пересекать французскую границу стало легче с тех пор, как Управление безопасности территории, без лишнего шума, ликвидировало сеть английских агентов, созданную Интеллидженс Сервис. Говорили, что в сентябре некая таинственная организация под названием "Красная рука" угрожала смертью некоторым деятелям, помогавшим Алие бет. Обыск, произведенный в резиденции Фрэдди Кертни, показал, что эти письма были разосланы британскими агентами. В начале ноября Кертни был выслан за пределы Франции.

Холодной декабрьской ночью Веня встретился в Марселе с Меиром, который организовал в транзитных лагерях на юге Франции военную подготовку будущих иммигрантов. На вокзале они вместе встретили поезд ЮНРРА, на котором прибыли первые двести двадцать беженцев с "Эксодауса". Через два дня эмигранты вышли в море на каботажном судне, а через десять суток вступили, наконец, на палестинский берег.

Тогда же Сима на легком паруснике отправилась из Бандоля в сторону Сицилии. Предполагалось, что в открытом море она пересядет на итальянскую трехмачтовую шхуну "Мария Джованни". Но дело сорвалось

из-за серьезной аварии судна и вмешательства полиции. До Палестины она добралась лишь в январе. Сима была последним эмиссаром, покинувшим Амштау до перевода беженцев в Восточную Фрисландию.

Гад, под видом представителя Джойнта, прибыл в Мюнхен, откуда его вызвали в штаб-квартиру Мосада в Праге. Руководитель сети, Шаул Мееров, уже ждал его. Гаду, вместе с Айком и Иоси, поручалось организовать самую крупную операцию Алии бет: переброску 15000 эмигрантов в Эрец-Исраэль. Это был массовый прорыв блокады, последний удар по английской иммиграционной политике.

Однако, прежде чем приступить к выполнению нового задания, Гад должен был предстать перед судом Хаганы по делу об изготовлении бомбы. Главный пункт обвинения был сформулирован следующим образом:

— Что произошло бы в случае, если бы бомба, заложенная в трюме "Эмпайр Райвл" и перенесенная затем в пресс-центр Адмиралтейства, взорвалась на час позже, когда там находились офицеры и журналисты?

Гад признал, что только счастливый случай помешал этому. За нарушение дисциплины — самовольное изготовление взрывчатого устройства — он получил выговор. Затем ему предложили собственными силами добраться до Констанцы, куда были посланы также Ноэль Иоси и Айк.

В румынском порту с октября велись работы по переоборудованию двух банановозов — "Пан Креснт" и "Пан Йорк". Каждый из этих судов-близнецов, ходивших под панамским флагом, должен был принять более чем 7500 пассажиров. Дани купил их у "Тюнайтед фрут компани" за миллион долларов.

После Пор-де-Бука и насильственной высадки беженцев в Гамбурге в руководстве Мосада возникли разногласия. Вопрос стоял так: следует ли ввиду непреклонности англичан отказаться от попыток прорыва блокады или же надо принять вызов и продолжить борьбу? Руководители Еврейского агентства

призывали к умеренности и осторожности. Большинство высказывалось за прекращение подпольной иммиграции из опасения потерять поддержку возможных союзников, прежде всего американцев. И только Моше Снэ и Бен-Гурион высказались за продолжение борьбы до победного конца.

Тем временем в Констанце разгорелась тайная война на советской базе в Черном море, между английскими разведчиками и агентами Мосада, которые вели переговоры с коммунистическим правительством в Бухаресте относительно массового выезда евреев-беженцев с аннексированных Советским Союзом территорий.

Посол Великобритании Адриан Холмен буквально преследовал министра иностранных дел Румынии, еврейку Анну Паукер, коммунистку и антиссионистку, своими демаршами и телефонными звонками. Она заверяла посла, что вполне понимает его позицию и сделает все от нее зависящее, чтобы помешать нелегальной эмиграции. Моше Снэ и Моше Авербух (Агами), который в свое время вел переговоры в Вене с Адольфом Эйхманом, пытаясь спасти от уничтожения европейских евреев, теперь стремились заключить соглашение с помощником государственного секретаря при председателе Совета министров Боднерахом, понимавшим, какие выгоды сулит изменение политической линии, предлагаемое еврейскими руководителями.

Министерство иностранных дел Великобритании решило перейти в наступление. Во вторник, 14 ноября, журналисты-международники, созванные на специальную встречу, получили указание начать в прессе антикоммунистическую кампанию, рассчитанную на американского читателя. На следующий же день передовая статья "Таймс" писала, что возникла угроза "волны нелегальной иммиграции нового типа" в Палестину. В 12 час. 30 мин. официальный представитель правительства Великобритании сообщил, что из Констанцы поступили сведения о подготовительных работах, ведущихся на двух "Панах". Он также обратил внимание

журналистов на совпадение этих приготовлений с неожиданным изменением позиции советского представителя в ООН Царапкина по Палестинскому вопросу. По-видимому, говорил он, русские намерены заслат в Палестину свою пятую колонну — 10000 евреев-коммунистов. Английский МИД подстегивает общественное мнение ежедневными бюллетенями на эту тему. В результате советское правительство, не желая ставить под угрозу собственные дипломатические интересы, воспротивилось выходу кораблей Мосада из Констанцы. Американские руководители, со своей стороны, начали проявлять беспокойство по поводу развития сионистской деятельности на Балканах.

Шаул Мееров решил принять участие в прямых переговорах Снэ и Агами с Анной Паукер, которую идеологические аргументы, по-видимому, волновали меньше, чем экономическая выгода, получаемая от оплаты выездных виз бессарабских евреев-беженцев. Было решено, что эмигранты проследуют через редко посещаемые и неконтролируемые иностранцами болгарские порты. В Софии заместитель председателя Совета министров Трайчо Костов предложил эмиссарам Мосада организовать отплытие из порта Бургас. Было условлено, что за транзит каждого эмигранта будет выплачена определенная сумма в долларах.

В середине декабря все было готово. Оба банановоза, оборудованные койками, кухнями, медпунктами и операционными отделениями, ожидали своих командиров. На каждом судне находилась медицинская бригада из 24 врачей и 40 сестер. Были подготовлены и запасы продовольствия: 40 тонн бисквитов и 50 тонн консервированной говядины. Командир Гад (Миша Пери) и капитан Хилфт были назначены на корабль "Пан Йорк", а командир Дов Берчик и капитан Айк Аронович — на "Пан Креснт". Вместе с ними прибыли еще пятеро бывших членов экипажа "Эксодуса". Командиры отвечали за "политическую" организацию беженцев, а капитаны руководили экипажами кораблей. Иоси Гамбургеру, находившемуся на борту "Пан

Йорк", было поручено руководить всей операцией в целом.

Однако Эрнест Бевин не отступал. В результате демарша посла Великобритании в Вашингтоне, сэра Оливера Френкса, бывший помощник государственного секретаря США Дин Ачесон предупредил президента Трумэна о том, что имеются доказательства сговора между Мосадом и советским правительством, а также его сателлитами, о переброске в Палестину 10000 коммунистов на борту двух судов, готовых взять курс на Бургас. Глава американской делегации в Организации Объединенных Наций предупредил дипломатического представителя Еврейского агентства Моше Шертока, что если исполнительный орган сионистской организации по-прежнему дорожит поддержкой США, ему придется отменить отправку "красных" кораблей.

Шерток телеграфировал Бен-Гуриону, уговаривая его отказаться от задуманной операции. Старый Хаим Вейцман и сионистские лидеры в Лондоне и Вашингтоне высказались в том же духе. Бен-Гурион созвал в Иерусалиме исполнительный комитет Еврейского агентства. Комитет не поддержал его. Снэ немедленно отказался от руководства Алией бет. Бен-Гурион вызвал Шаула Меерова и сообщил ему о решении, принятом исполнительным комитетом. Руководитель сети заявил, что хочет посоветоваться со своим штабом. Он позвонил Вене в Париж, а тот связался с Агами, который сообщил, что эмигранты уже ждут у границы и отступать поздно. Куда девать этих людей, оставшихся без крова и без всяких средств к существованию? К тому же ясно, что коммунисты решили от них избавиться.

В воскресенье вечером, 21 декабря, Шаул снова позвонил Вене. Он приказал подготовить выход судов в море со всеми пассажирами в день Рождества. Поздно ночью Вене удалось связаться с заместителем премьер-министра Костовым и заверить его, что все в порядке. Он дал зеленый свет Агами, в тревоге просидевшему весь день у телефона. Нельзя было терять ни минуты.

Поезда с беженцами уже находились в пути, а оба банановоза должны были стать на причал через несколько часов. На посадку 15169 пассажиров и членов экипажа требовалось 60 часов.

В четверг, 25 декабря, незадолго до наступления темноты, оба судна подняли якоря. "Йорк" шел впереди, освещая своими прожекторами путь среди плавающих мин. Ни в Черном море, ни в Дарданеллах установить радиосвязь не удалось. Через двое суток "Паны" подошли к Босфору. Руководство Мосада послало Мойше Перлмана в Стамбул, чтобы выяснить позицию турецких властей. Из окна своего номера в "Парк Отель" он наблюдал за проливом. Ранним утром, в воскресенье, он увидел, как оба судна, взяв лоцмана, вошли в порт, миновав без помех турецкий контроль. Значит, его связи с полицией сделали свое дело.

В тот же день он был приглашен к обеду одним турецким издателем и очень обрадовался, когда убедился, что загородный ресторан-поплавок находится в самой южной точке пролива, неподалеку от пограничного поста Бююкдере. Но едва он вошел в ресторан, как кровь застыла у него в жилах: оба корабля стояли без движения на расстоянии менее 270 ярдов. По всей видимости, суда были задержаны властями несколько часов тому назад. В ресторан, в погоне за новостями, явились журналисты. Одни говорили, что на кораблях началась эпидемия, другие, — что вспыхнул бунт, третьи, — что там обнаружили настоящий арсенал. Мойше позвонил на военный пост, и ему сообщили, что офицер ждет инструкций из Анкары, без которых не соглашается дать лоцмана и позволить судам выйти в Мраморное море. Оба капитана бросили якорь, желая переложить ответственность за этот инцидент на турецкие власти. К великому облегчению Мойше, под вечер оба судна снова взяли курс на Дарданеллы. Соглашение о проливах не разрешало английским судам, поджидавшим корабли с беженцами у выхода из проливов, отогнать их назад в Черное море.

На следующее утро оба "Пана" гордо плыли по Средиземному морю, навстречу Королевскому военному флоту: три крейсера, в том числе флагманское судно "Маурициус", и три эскадренных миноносца окружили их к югу от островов, расположенных у турецких берегов. "Маурициус" подошел к "Йорку" на расстояние менее ста метров. Адмирал прокричал в рупор:

— Вы в самом деле идете на Кипр? Подтвердите!

На этот раз Иоси обратился по радио к "Алефу". Еврейское агентство опасалось столкновения в случае высадки 15000 пассажиров в Хайфе, американцы нажимали на Шертока, требуя любой ценой избежать кровопролития, и даже генеральный штаб Хаганы обратился к командирам с просьбой не делать попыток прорвать блокаду, а добровольно повести корабли на Кипр и не сопротивляться интернированию пассажиров и экипажей. Такой компромисс вполне устраивал Мосад, поставивший себе задачу переполнить кипрские лагеря. Это была месть за политику англичан в отношении "Экзодуса".

Для Иоси, Айка и Гада добровольно плыть к Фамагусте означало предать пассажиров, которых они обещали доставить в Палестину. Оказавшись вблизи острова, они сделали вид, будто держат курс на Хайфу. "Маурициус" подошел к "Йорку" и поплыл с ним борт о борт. Адмирал потребовал объяснений.

— Мне показалось, что вы обещали следовать за нами до Кипра. Но похоже, что вы хотите отделаться от нас и уйти не попрощавшись. Не так ли?

— Мы не можем предать наших пассажиров и добровольно отвезти их на Кипр. Но, если вы угрожаете нам, мы не станем сопротивляться. Мы не хотим подвергать беженцев опасности.

— Мы не станем вступать с вами в конфликт, если вы допустите нас к управлению судами.

— Мы согласны на это при условии, что ваши люди явятся без касок и оружия, останутся на верхней палубе, не будут вмешиваться в наши внутренние дела и делать попыток установить личность членов экипажа,

а также оставят радиорубку под нашим контролем.
— О'кей!

Первого января оба "Пана" подошли к Фамагусте с тридцатишестичасовым опозданием. На каждом из них было размещено по тридцать морских пехотинцев в парадной форме, которые и направили суда к острову.

Части 6-й десантной дивизии были посланы из Палестины со специальным снаряжением, предназначенным для обыска кораблей и пассажиров. Они сразу же приступили к методическому прочесыванию палуб и трюмов. Высадка продолжалась четверо суток.

Но еще за два дня до ее начала пресс-служба министерства иностранных дел Англии передала в лондонскую контору газеты "Нью-Йорк Таймс" конфиденциальное сообщение об обысках, проведенных на двух кораблях с беженцами. В номере от 31 декабря, то есть накануне прибытия судов, уважаемая американская ежедневная газета опубликовала результаты "проверки" кораблей, сообщив, будто бы были обнаружены сотни партийных билетов на имя членов румынской коммунистической партии, а также документы, свидетельствующие о связях этой красной пятой колонны с террористической организацией "Лехи".

Просидев сутки в лагере, Иоси и Гад бежали через подземный ход, прорытый Хаганой. Переодевшись в матросскую форму, они сели на рыболовное судно "Нешер", курсировавшее между Кипром и Палестиной. Айк и Хилфт добились разрешения остаться с экипажами на своих задержанных кораблях. Испросив аудиенции у губернатора острова, Айк, с пропуском в кармане, отправился на такси в его дворец.

— Эти суда находятся под нашим командованием, — заявил Айк. — Они являются собственностью Еврейского агентства и плавают под панамским флагом. Мы договорились о том, что не будем прорывать блокаду. Почему же нас задерживают?

— Мы вынуждены принимать меры предосторожности. "Паны" будут возвращены вашему правительству

в день окончания мандата на Палестину. До тех пор вы находитесь под арестом.

— Наш долг запрещает нам покидать корабли — мы обязаны предотвратить возможную диверсию.

— Это как вам будет угодно, капитан.

Каждый день Аик и Хилфт пополняли свои запасы горючего под предлогом обеспечения безопасности судов в случае бури. Взамен испанских и итальянских моряков, постепенно покидавших корабли, они набирали в члены экипажа беженцев, поручая им подготовить суда к отплытию. К весне "Паны" уже могли сняться с якоря.

В Палестине английские власти отказались выполнить рекомендацию Генеральной Ассамблеи ООН и открыть новый морской порт для приема большего числа иммигрантов. Они отказались также содействовать проведению в жизнь резолюции, принятой этой международной организацией. Англичане рассчитывали править Палестиной до самого конца, а срок мандата истекал 15 мая. Тем не менее, они начали закрывать свои учреждения, выводить войска и обнажать сухопутные границы, на которых тотчас сконцентрировались многочисленные арабские "освободительные" армии. Что же касается морской блокады, то здесь никакого смягчения политики не наблюдалось.

Но при этом англичанам не удалось помешать Мосаду "наводнить" кипрские лагеря и продолжить нелегальную иммиграцию, правда, в незначительных размерах. В Европе "Бриха" активизировала и расширила операции по эвакуации и переводу перемещенных лиц из одних лагерей в другие для подготовки иммиграции. Каждую ночь партии по сто — сто пятьдесят человек проходили транзитом через Берген-Бельзен, ставший штаб-квартирой руководителей нелегальной алии. В Провансе лагеря для перемещенных лиц превратились в центры военной подготовки. Сеть использовала теперь свои связи не только для переправки людей, но и для приобретения оружия.

Когда 14 мая была провозглашена независимость Израиля, лагерь Вильгельмсхафен, не охранявшийся солдатами после эвакуации Амштау и Поппендорфа, опустел за одну ночь. В лагере Сведенгарден доктор Вайнберг отпраздновал это знаменательное событие в обществе больных и супругов Цукерфайн, решивших остаться с ним и помогать ему до конца. Марек и Двора имели на руках сертификаты за номерами 11 и 12, выданные им в Амштау 3 ноября комитетом "Эксодуса". Документы вручил им Гад. Пять дней спустя молодая женщина родила дочь в любекском роддоме. Девочку назвали Эстер.

15 мая на мачтах обоих "Панов" был поднят израильский флаг. Суда все еще стояли под арестом в Фамагусте. Капитаны Айк и Хилфт нанесли официальный визит губернатору Никозии.

— Ни в правовом, ни в моральном отношении вы уже не имеете права держать нас под арестом. Мы получили суверенитет, и вы обязаны позволить нам свободно выйти в море вместе с нашими пассажирами.

Но англичане не торопились... Потребовались две недели гнусного торга и юридического крючкотворства, чтобы добиться освобождения банановозов. В отношении пассажиров было заявлено, что ни один из интернированных евреев призывного возраста не покинет острова до тех пор, пока в Палестине не будет подписано соглашение о прекращении огня между государством Израиль и арабскими странами. Эти страны пытались силой помешать разделу бывшей подмандатной территории.

В самом деле, тайная война, начавшаяся в день голосования в Организации Объединенных Наций 29 ноября, превратилась в войну явную: семь арабских армий вторглись в Палестину.

19 июля было объявлено о прекращении огня. Оба "Пана", прибывшие в Хайфу, смогли, наконец, возвратиться в Фамагусту и за четыре рейса переправить 25 тысяч человек, еще находившихся к тому времени в лагерях.

7 августа доктору Вайнбергу, последнему жителю лагеря Сведенгарден, был выдан сертификат за № 4503, подтверждавший его участие в организации бегства бывших пассажиров "Эксодауса".

22 августа в Службу по делам иностранцев министерства внутренних дел Франции поступил необычный доклад:

"12 августа 1948 года оккупационные власти британской зоны опубликовали тревожное сообщение о таинственном исчезновении в ночь на 10 августа перемещенных лиц, евреев из лагеря Ольденбург, находящегося в этой зоне. По мнению англичан, население лагеря состояло из эмигрантов с "Эксодауса", которые перебрались в американскую зону для того, чтобы перейти границу Франции и нелегально сесть на корабли, отправляющиеся в Палестину. В связи с этим англичане направили французским властям ноту протеста против транзитного проезда через территорию Франции этих "нелегальных беженцев" из английской зоны (по окончании британского мандата стремление евреев иммигрировать в Палестину уже не может служить основанием для протеста).

Однако нет никаких доказательств того: 1/ что эти беженцы направились во Францию и 2/ что речь идет именно об эмигрантах с "Эксодауса".

В самом деле, когда в начале сентября 1947 года, после долгой и мучительной стоянки в Пор-де-Буке, 4550 эмигрантов с "Эксодауса" были возвращены в Германию и размещены в лагерях для перемещенных лиц, англичане поклялись, что всеми средствами помешают им добраться до Палестины. С этой целью они держали беженцев под строгой охраной.

Но люди с "Эксодауса", понимавшие всю важность своей миссии, оказали упорное сопротивление англичанам.

Так, например, они отказались регистрироваться. Даже под угрозой лишения продовольственных карточек ни один из них не назвал своего настоящего имени

и места рождения. Все заявляли, что они родом из Палестины, схвачены англичанами на хайфской набережной и силой доставлены в Германию.

Власти прибегли к различного рода репрессиям, в том числе к дисциплинарным мерам и замене продовольственных карточек для перемещенных лиц обычными карточками, которые выдавались немецким гражданам. Но беженцы с "Эксодуса" держались стойко. Их поддерживали морально и материально все евреи, содержащиеся в лагерях на территории Германии, а также организации еврейской взаимопомощи. Эта солидарность проявилась, в частности, в том, что большое число сертификатов на въезд в Палестину, выданных перемещенным лицам, которые находились в различных немецких лагерях и на Кипре, было передано бывшим пассажирам "Эксодуса".

Так как они не соглашались брать никаких документов, кроме безымянных паспортов "Эксодуса", то, по мере того, как они бежали из лагерей, на их место являлись другие люди. Постоянный поток евреев из стран Восточной Европы, а также конец английского мандата в Палестине, немало способствовали этим систематическим групповым побегам прямо под носом у англичан.

Еврейская печать всех стран писала об этом открыто. 18 июля 1948 года в Палестине торжественно отметили годовщину прибытия в хайфский порт "Эксодуса". По этому поводу в целом ряде официальных израильских выступлений было заявлено, что почти все эмигранты с "Эксодуса" покинули Германию и три четверти из них в настоящее время находятся на территории Палестины, причем кое-кто прибыл уже несколько месяцев назад. Небольшое количество беженцев еще задерживается на Кипре, а остальные ждут в портах посадки на корабли, направляющиеся к берегам государства Израиль.

Некоторые весьма известные и влиятельные органы печати опубликовали в связи с этим подробные репортажи. Так 28 июля парижский "Нью-Йорк Гералд

Грибюн" напечатал статью под названием: "Евреи с "Эксоdуса" у себя дома". Корреспондент отмечал, что все беженцы, имеющие в Палестине родных и знакомых, сразу же растворяются в общей массе населения. Остальные ждут квартир в лагере для вновь прибывших "Агробанк", который еще называют "лагерем Бернадотта", поскольку он был создан во время прекращения огня. Именно здесь, в бывших казармах английской армии, в июле этого года американский журналист увидел двести пятьдесят человек из числа тех, с кем ему пришлось встретиться год тому назад в Пор-де-Буке.

В связи с вышеизложенным, трудно понять, почему англичане так долго ждали, прежде чем забить тревогу.

Вся молодежь с "Эксоdуса" — и парни и девушки — вступили в ряды еврейской армии. Женщины, которым во время войны пришлось работать на немецких военных заводах, взялись за то же дело на израильских фабриках. Что же касается Мордехая Ройзмана, который был душой сопротивления на "Ранимед Парк", или заводилой "номер один", за что и был избит, а затем арестован во время высадки в Гамбурге, то он стал одним из командиров израильской армии и проявил себя как мужественный боец в битве за Негев.

7 сентября Центр, который остался в Париже, послал Мосаду, вернувшемуся наконец к себе домой, в Тель-Авив, радиogramму:

"Вывезли из Германии последних эмигрантов с "Эксоdуса", за исключением нескольких больных. Доставив в Эрец-Исраэль 70 пассажиров на корабле "Кади́ма", мы сдержали свое обещание".

Среди этих 70 человек были и Марек, и Двора, и маленькая Эстер, родившаяся в Любеке. Для них, как и для остальных 4000 безымянных героев этой эпопеи, сбылся завет, данный Моисею: "И введу вас в ту зем-

лю, о которой Я, подняв руку Мою, клялся дать ее Аврааму, Исааку и Иакову, и дам вам ее в наследие”*.

Одиссея ”Экзодуса” — это не просто личная драма, пережитая отдельными людьми, это — история еврейского народа, вновь ставшего хозяином своей древней страны. Основной закон этой страны — Закон о Возвращении, принятый 5 июля 1950 года в Иерусалиме. Он гласит:

”Каждый еврей, где бы он ни находился, имеет право вернуться на историческую родину народа Израиля”.

* Исход 6:8.

**ТРЕБУЙТЕ КНИГИ
ИЗДАТЕЛЬСТВА
"БИБЛИОТЕКА-АЛИЯ
ВО ВСЕХ МАГИЗИНАХ
РУССКОЙ КНИГИ**

**Наши книги можно заказать
также по адресу:
Р.О.В. 21650
61216 Tel-Aviv
ISRAEL**

ГОТОВИТСЯ К ВЫПУСКУ:

Цивья Любеткин. ДНИ ГИБЕЛИ И ВОССТАНИЯ.

Перевод с иврита.

Автор книги (1914–1978) – одна из основателей Еврейской боевой организации и участница восстания в Варшавском гетто. Книга снабжена биографическим справочником (сост. Ицхак Цукерман).

Артур Кестлер. ВОРЫ В НОЧИ. Роман. Перевод с английского.

Книга известного английского писателя посвящена событиям в Палестине конца 30-х годов. Автор, близкий по духу своему герою – скептику-интеллекту, пытается дать объективную картину событий, рассматривая ее с точки зрения как англичан, так и арабов.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ЯЗЫКА ИВРИТ. Сборник статей.

Перевод с иврита и английского.

Сборник рассказывает об основоположнике возрождения иврита Элизере Бен-Иехуде, об истории и развитии иврита, нормах языка, о русско-ивритских языковых контактах.